

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

**НИКОЛАС
ГУДРИК-КЛАРК**

**ОККУЛЬТНЫЕ
КОРНИ НАЦИЗМА
КОГДА ЛЕГЕНДЫ СТАНОВЯТСЯ БЫЛЬЮ**

От издательства

Предлагаемая читателю книга доктора философии, оксфордского историка Николаса Гудрик-Кларка - интереснейшее свидетельство того, как "воображаемый мир, мир духов, мифов и волшебства" непосредственным образом влияет на принятие политических решений, формируя государственную идеологию. "Оккультные корни нацизма: тайные арийские культы и их влияние на идеологию германского нацизма" расскажет Вам о тех идейных силах, которые вдохновляли основателей одного из самых страшных режимов мира - Третьего Рейха.

Н. Гудрик-Кларк

Оккультные корни нацизма.
Тайные арийские культы и их влияние на
нацистскую идеологию.

ISBN 5-85233-003-18

(с) АО "Евразия"
(с) Лосев П., оформление

СПУСК В "ПОДЗЕМЕЛЬЯ ИСТОРИИ"
(АНОНС СЕРИИ)

Книгой Николаса Гудрик-Кларка «Оккультные корни нацизма» издательство «Евразия» открывает серию под общим названием «Подземелья истории». Что кроется за этим? Очередная попытка коммерческой эксплуатации тайн, «национал-оккультизма», личные пристрастия издателей к такого рода литературе, которую автор данной книги называет «сенсационной», или же уверенное прокладывание издательского курса в русле отнюдь не

массового интереса ко второму, тайному плану истории, несводимому к фантазиям чудаков и бреду параноиков...?

Скорее, последнее. Мы живем во время тектонического сдвига бытийных пластов, который позволил Николаю Бердяеву написать в 20-е годы нашего века о наступлении новой эпохи — «Нового Средневековья». «Новое Средневековье» означает возвращение хорошо забытого, но не умиравшего старого, всего, что под углом зрения ново-европейского разума считалось архаичным и вовсе не существующим, что было изгнано за рамки научной картины мира, что было заклеено плоскими умами эпохи Просвещения как инквизиторские суеверия и мрачные предрассудки. На какое-то время закрылось религиозное измерение жизни и за прошедшие века человечество разучилось верить в Бога и дьявола, невидимый мир, добрые и злые духовные иерархии, исчезло религиозное освещение власти и живы однако

до сих пор тайные ложи и ордена. Между тем, по всем приметам, «Новое Средневековье» носит уже скорее не христианский, но антихристианский характер. И ландшафт двадцатого столетия с его магматическими прорывами иррациональных подземных сил, выплеснувшихся в таких ужасающих течениях как большевизм и фашизм, с их человеконенавистничеством и богоборчеством, с гротесковыми мифологическими обликами, весьма отличается от идиллических пейзажей просвещенно-позитивистских, рационально-очеловеченных столетий. Мы снова в предчувствии вселенских катастроф, перед угрозой неограниченного манипулирования личностью, в том числе и магическими средствами, на волне оживления синкретических религий и оккультизма, в бытовом окружении модернизированного колдовства и ведовства, при последнем издыхании агонизирующего в лихорадочном смешении стилей, религий и наций столетия страшимся потерять последнюю надежду на построение благополучного будущего. Мы живем в России, которая ярче всего

в истории демонстрирует невозможность замкнуться лишь в человеческом, только человеческом измерении, устранить причастность своей судьбы борьбе таинственных сил метаистории, духовных сил добра и зла. И для того, чтобы не потерять себя в либерально-рыночной стихии, очутившись в экзистенциальной невесомости, не различая где верх и низ, добро или зло, или наоборот, не оказаться одержимым призраками национал-оккультизма, воплощенными в каком-нибудь харизматическом лидере» (и будет уже поздно, когда наши голоса потонут не в хоре, но в рёве очередного исторического обвала), мы должны взглядеться в мерцание тайны на грани истории не только академическим, либерально-позитивистским, близоруко-профессорским взглядом сквозь сильные очки, видящим в исторических фигурах и зловеще-могущественных движениях лишь результаты болезненных фантазий, родившихся на почве социального недовольства. Наоборот, умными и вечно удивленными глазами сквозь призму своего рода исторической демонологии» в соответствии с канонами нового средневековья» мы должны посмотреть на просвет тайны в мельтешении деятелей и событий. Ведь и мания, бывшая одерживающей человека силой-духом, лишь в последние века стала содержанием психики. Будем внимательны, и мы увидим, как например бесноватый фюрер» в рассказах очевидцев предстает не столько как марионетка тех или иных заинтересованных кругов, сколько как великий посвященный», черный маг, обладающий огромными силами гипноза и инспирируемый демоническими силами (вспомним, хотя бы, слова одного из приближенных о впечатлении присутствия за Гитлером целой электростанции», как бы накачивающей его энергией), Ч свидетельство, приводимое в книге французских авторов Поуеля и Бержье). Собирая подобные свидетельства и симптомы, мы сможем заметить и в современной действительности моменты массового или индивидуаль-

ного медиумизма, одержимости, научиться, по словам ап. Павла, различению духов».

И научившись, не быть увлеченными в бездну чьей-нибудь черной лволей к власти» подобно одержимому стаду хрюкающих животных из новозаветной притчи. Тем более не случайны наблюдения современного теоретика инквизиционного подхода к явлениям истории Георгия Климова, связывавшего лволю к власти» с целым букетом традиционно-демонических черт: со склонностью к колдовству, невозможностью любить, дурной наследственностью и аномалиями пола. Не наблюдаем ли мы в описаниях жизни большевистских или нацистских вождей преизбыточной энергичности, как бы распирающей рамки личности, медиумического автоматизма речи и письма, гениального размаха злых деяний и личной пошлости одновременно. Ведь Дьявол не только Мефистофель, но и лпошлый черт» из лБратьев Карамазовых». И перед лицом дехристианизации мира перед нами откроются в свете массовой одержимости не только миновавшие человеческие бури и смуты, более страшные чем те, которые похоронили средневековую инквизицию (Старое Средневековье). Действительно, что общего между декадентскими настроениями начала века, оккультизмом и тайными ложами, политическими движениями типа фашизма и большевизма и христианской апокалиптикой? По-видимому, наша эпоха Ч не просто лсумерки богов», но и лвозвращение демонов». Однако общий термин, позволяющий характеризовать духовную ауру явлений эпохи уже найден русскими философами XX века. Как лнеоязычество» они охарактеризовали тот поток изменений, который захлестнул былой христианский Запад, довершив обезбожение современного человечества. Освобождение от веры и христианское Откровение и постепенная секуляризация всех сфер жизни, деморализация и сексуальная рево-

люция, оккультизм и увлечение восточными культами, вера в бессознательные силы (психоанализ), владеющие человеком, прорыв языческого национализма и воинствующего антихристианства. Тем же термином можно определить и современный шизофренический ажиотаж вокруг контактов с НЛО и экстрасенсов. Связь между сообщениями инопланетян и психиатрической симптоматикой очевидна, однако, духовный мир не терпит вакуума и в новейших квази-религиозных феноменах угадывается явление духа зла, древнего змия. Все эти компоненты «неозячества», в сущности, прямого медиумизма в отношении демонических сил, устремлены к виднеющемуся на историческом горизонте интеррелигиозному и транс-государственному вавилонскому всесмешению в царстве антихриста. Традиции тайных обществ и оккультные увлечения лидеров Третьего Рейха, кровавые ритуалы и амбиции национал-оккультизма должны образовать перед духовно зрячим читателем сплошной поток «подземной истории», по отношению к которому книги — лишь береговые вехи, маяки и указательные знаки.

Либеральное мировоззрение духовно слепо и пусто, а национал-оккультистская вера в магические силы земли и крови заслоняет Абсолютный предмет всякой веры, обессиливая народы перед лицом обезбожения и всесмешения. Бессодержательность или исцеление у ног Христа - вот подлинная дилемма современного больного мира.

Итак, человеку «Нового Средневековья», духовно прозревающему посреди мировой ночи, посвящаем и адресуем мы нашу серию.

Это необычная история. Хотя речь в ней идет о событиях прошлого, связанных с происхождением идеологии национал-социализма в Германии, ее настоящий

предмет — не партии, политические взгляды и организации, через которые люди рационально выражают свои интересы в социально-политической сфере. Скорее, это глубинная история, связанная с мифами, фантазиями и символами, которые наложили свой след на развитие реакционного и авторитарного мышления Наци. В той же мере она находится за краем традиционной политической истории, поскольку основные ее черты — мистические, пророческие и сектантские — имеют мало общего с внешней реальностью политики и управления. Но дело в том, что люди, наделенные богатым воображением и способные описывать воображаемый мир, часто определяют чувства и поступки людей внешнего мира, занимающих ключевые позиции у власти и несущих политическую ответственность. И в самом деле, немислимые идеи и тайные культы предвосхитили политические учения и учреждения Третьего Рейха.

Историкам, занимающимся лишь исследованием конкретных событий, причин и разумных целей, этот ад фантазии может показаться безумием. Они могли бы доказать, что политические и исторические сдвиги определяются только реальными, материальными интересами. Однако и фантазии могут достигать силы причин, если закрепляются в убеждениях, предрассудках и ценностях социальных групп. Фантазии также являются важным симптомом надвигающихся изменений в политике и культуре. Особого рода фантазии, рассмотренные в этой книге, созрели внутри крайне правого крыла политического спектра и касались создания аристократической элиты, искоренения ущербных существ и установления нового мирового порядка. Истоки этого движения лежат в стороне от основного русла рациональной политики XX века, и выяснение их природы требует иных, более глубоких источников вдохновения. Анализ фантазий, породивших такое движение, может дать новые ответы на старые

вопросы. Настоящее исследование представляет собой исторический обзор биографий, доктрин и культовой практики ариософов, Гвидо фон Листа (1848-1919) и Йорга Ланца фон Либенфельса (1874-1954), а также их последователей в Австрии и Германии. Ариософы, начавшие свою деятельность в Вене, незадолго до Первой мировой войны, соединили народнический (volkisch) немецкий национализм и расизм с оккультными идеями, заимствованными из теософии Елены Петровны Блаватской — с целью предсказания и оправдания грядущей эры немецкого мирового порядка. В их работах описывался доисторический золотой век, в котором мудрые хранители знания толкуют оккультно-расовые учения и управляют расово-чистым обществом. Они утверждали, что существует враждебный заговор антигерманских сил (такowymi считались все неарийские расы, евреи и даже ранняя Церковь), стремящийся разрушить идеальный немецкий мир, освободив негерманскую чернь для фальшивого равенства незаконнорожденных. История, с ее войнами, экономическими кризисами, политической неопределенностью и ослаблением власти германского начала изображалась ими как результат расовых смешений. Для противостояния современному миру ариософы основывали множество тайных религиозных обществ, посвященных возрождению утраченного эзотерического знания и расовых достоинств древних германцев, созданию новой всенемецкой империи.

Ариософы были культурными пессимистами. Очевидна связь между их фантазиями и разочарованиями немецких националистов в Габсбургской империи Австро-Венгрии на исходе XIX века. Стремительная урбанизация и индустриализация, конфликт славянских и немецких интересов в многонациональном государстве, католицизм, возникновение австрийского движения пангерманизма под руководством Георга фон Шонерера, мода на социаль-

ный дарвинизм и его расистские выводы также существенно определяли мышление ариософов. Оккультизм в их доктринах играл весьма существенную роль сакрального оправдания их крайних политических позиций и глубокого неприятия действительности. Фантазии ариософов фокусировались в идеях элитарности и чистоты, в тысячелетних образах золотого будущего нации.

Это введение должно подготовить почву для детального изучения ариософии, возникшей в XIX веке, в переплетении национализма, антилиберализма, культурного пессимизма и расизма. Нашей точкой отсчета станет народническое (volkisch) движение, объединившее эти концепции в приемлемую идеологическую систему. В своих исследованиях народнической идеологии Георг Л. Мосс отмечал духовные коннотации слова «volk». В XIX веке для немцев этот термин значил много больше, чем буквальный его перевод словом «народ»: оно означало национальное единство, одушевляемое общей творческой энергией. Предполагалось, что эти метафизические качества определяют уникальный культурный статус немецкого народа. Идеологическую окраску слово «volk» получило по двум причинам: во-первых, эта культурная ориентация была результатом крайне медленного объединения Германии; во-вторых, она была связана с широко распространившейся романтической реакцией на современность.

Раздробленность Германии проявлялась в мозаике маленьких королевств, княжеств, герцогств, составлявших вместе с более крупными государствами, Пруссией и Австрией, Священную Римскую Империю Германской нации, вплоть до ее формального распада в 1806 году. После поражения Наполеона положение резко изменилось. Возникла свободная Немецкая Конфедерация, и государствам, входящим в ее состав, была пре-

доставлена возможность независимого развития. Если итоги Венского конгресса в 1815 году разочаровали немецких националистов, то после революции 1848 года рухнули все их надежды. Ввиду затруднений в движении к политическому объединению, немцы напряженно искали национального единства в культурной сфере. Это стремление обнаружилось еще в конце XVIII века, когда писатели предромантического движения «Буря и натиск» обретали немецкую верность себе в народных песнях, обычаях и старой литературе. Идеализированный образ средневековой Германии взывал к духовному единству, если уж политические его формы не были достижимы. Этот упор на прошлое и традиции придавал причинам объединения глубоко мифологический характер.

Когда Бисмарк провозгласил прусского короля немецким Кайзером нового Второго Рейха в 1871 году, многим казалось, что национальное единство наконец победило. Однако новое государство быстро разочаровало значительную часть немцев. Напряженное ожидание единства питалось утопическими и мессианскими настроениями, которые не могли быть удовлетворены прозой реальности общественного управления и дипломатии. Повсюду чувствовалось, что политическое объединение под началом Пруссии не принесло с собой того патетического национального самосознания, которого с такой силой жаждали. Кроме того, новый Рейх лихорадочно был озабочен созданием промышленности, строительством городов, а этот процесс выглядел весьма материалистическим, и более того — он разрушал патриархальную крестьянскую Германию, излюбленную идиллию романтических грез о немецкой подлинности. Средневековая фигура кайзера и его современные броненосцы, современный стиль архитектуры символически воплощали напряжение между старым и новым во Втором Рейхе. На дворцовое величие и помпезность уличных фаса-

дов надвигались реалии индустриальной революции.

Исключение Австрии из нового, объединенного Пруссией Рейха, огорчило националистов в обеих странах. Но Бисмарк строил усиление Пруссии на военном поражении Австрии, чем вызвал ее уход от немецких дел. Позиция немецких националистов в Австро-Венгрии с этого момента становится затруднительной. В 1867 году венгры получили политический суверинитет внутри двойного государства. Рост пангерманского движения в Австрии в последующие десятилетия отразил проблему австрийских немцев в государстве, состоящем из них и славян. Их программа предлагала отделение немецких провинций Австрии от многоязычной империи Габсбургов и включение их в новый Рейх, невзирая на границы. Этот план и был до конца осуществлен позднее — присоединением Австрии к Третьему Рейху в 1938 году.

Народническая идеология включала в себя также и общую реакцию на современность. Германия и Австро-Венгрия сильно отставали в развитии от западных экономик. Сохранение докапиталистических отношений и учреждений в этих странах свидетельствовало о том, что модернизация явилась бы насилием в отношении к людям, все еще связывавшим себя с традиционным, сельским укладом. Многие презирали новое, поскольку растущие города, появляющиеся как грибы, заводы, разрушали сложившиеся сообщества и лишали людей чувства безопасности и надежности. Либерализм и рационализм также отвергались, поскольку они стремились демистифицировать освященные временем порядки, разоблачить привычные авторитеты и предрассудки. Эта ненависть к современности присутствует в трудах трех основных немецких националистических пророков: Пауля Делагарди, Юлиуса Ланга и Мёллера ван ден Брука. Расизм и элитаризм составляли основное содержание

народнической идеологии. Факт расовых различий использовался для утверждения необходимости разделять по качествам нации на высшие и низшие. Антропология и лингвистика предлагали практические стандарты для классификации рас, и эти стандарты стали главным элементом в идеологических восхвалениях германской расы. Внутренние моральные качества связывались с внешними характеристиками расовых типов: поскольку арийцы (и германцы тем самым) были голубоглазы, светловолосы, высоки и хорошо сложены, они оказывались также благородными, наделенными чувством чести, отважными. Дарвинистская идея эволюции через борьбу видов также использовалась для того, чтобы доказать, что высшие чистые расы должны доминировать над смешанными, низшими.

Расистское мышление способствовало возникновению антисемитизма. Консервативный гнев на разрушительные следствия экономических изменений обретал выход в поношении евреев, на которых взваливалась вина за упадок традиционных ценностей и порядков. Расизм указал на то, что евреи не являются религиозным сообществом, но биологически отличаются от других рас.

Политические корни ариософов уходят в народническую идеологию конца девятнадцатого столетия и движение пангерманизма в Австрии. Их консервативная реакция на национальные проблемы и на современную действительность имела в виду образ всегерманской империи, в которой негерманские национальности и низшие классы были бы лишены всех прав представительства и возможностей саморазвития. Но если теории арийско-германского превосходства, антилиберализм и озабоченность социальным и экономическим прогрессом были местом народнической идеологии, то оккультизм не был ей свойственен и представлял собой нечто новое. Задача оккультизма состояла в том, чтобы подтвердить живые смыслы устаревшего и хрупкого социального

порядка. Идеи и символы античной теократии, тайные общества, мистическое знание розенкрейцеров, каббализм и франкмасонство были втянуты в орбиту народнической идеологии, с целью доказать, что современный мир основывается на ложных принципах зла, и описать ценности и законы идеального мира. Эта опора на полурелигиозный материал ясно показывает, насколько ариософы нуждались в патетических убеждениях, насколько вера была нужна им для построения человеческого общества: они были слишком разочарованы в современном мире.

Как романтики и поклонники золотого века, ариософы стояли в стороне от практической политики, но их идеи и символы проникали в отдельные антисемитские и националистические группировки поздней кайзеровской Германии, из которых после Первой Мировой войны в Мюнхене возникла нацистская партия. Наша задача состоит в том, чтобы проследить, как распространялась ариософия в личных контактах и литературных влияниях. Мы также изучим возможность влияния Листа и Ланца фон Либенфельса на Адольфа Гитлера в его предвоенные годы в Вене. Ариософия созревала в маленьких кружках, пропагандировавших расистские тайные культы в период Веймарской республики и живших верой в национальное возрождение. По меньшей мере два ариософа были тесно связаны с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером в 1930-е гг., работая с ним над проектом истории, церемониальными обрядами СС и даже были причастны к его визионерскому плану Великого Германского Рейха в третьем тысячелетии. В этой книге мы намерены показать, как фантазии ариософии, покидая пределы культурной ностальгии, высвечивают первоначальный воображаемый мир Третьего Рейха.

Часть первая

ПРЕДПОСЫЛКИ

1

ОБРАЗ ПАНГЕРМАНИЗМА

Австрийское государство, в котором Лист и Ланц достигли зрелости и впервые сформулировали свои идеи, было результатом трех крупных политических перемен, произошедших в конце 1860-х гг. Эти изменения состояли

в выходе Австрии из Германской Конфедерации, административном отделении Венгрии от Австрии и установлении конституционной монархии в «Австрийской» или западной части империи. Конституционные метаморфозы 1867-го положили конец абсолютизму и ввели представительное правление, удовлетворив требования классических либералов; император с этого момента разделил свою власть с двухпалатным парламентом, в выборах которого из-за ограниченного права голоса (существовало 4 разряда голосующих) участвовало примерно 6 процентов населения. Демократическому крылу либерализма, требовавшему свободы мысли и ставившему под сомнение действующие институты, противостояла его ранняя олигархическая форма. В результате этой борьбы произошло резкое падение парламентского веса партий традиционного либерализма и подъем партий, представлявших радикальную демократию и национализм, эта тенденция была подтверждена введением в 1896 г. пятого избирательного разряда. Развитие в этом направлении определенно благоприятствовало появлению пангерманизма как крайней парламентской силы.

Другие политические сдвиги в Австрии касались ее территориального и этнического состава. Отделенные одновременно от Германии и Венгрии, земли австрийской

части империи образовали территорию в виде полумесяца, простирающуюся от Далматии на Адриатическом побережье через наследственные земли Габсбургов — Корниолы, Каринции, Штирии, Австрии, Богемии, Моравии — до восточных провинций Галиции и Буковины. Географическая нелепость этой территории соединялась с тем фактом, что в ее пределах жили десять различных национальностей. Национальность в Австрии определялась преимущественно языком, на котором говорили люди. Большинство немцев — около 10 миллионов в 1910 — жили в западных провинциях государства и составляли около 35% от 28 млн. жителей. Кроме немцев в Австрии проживали 6400000 чехов (23% всего населения), 5 000 000 поляков (18%), 3500000 украинцев (13%), 1200000 славян (5%), 780000 сербохорватов (3%), 770000 итальянцев (3%) и 275000 румын (1%). Структура национальностей в провинциях государства указывает на драматическую сложность этнических взаимоотношений: преобладание различных народов от одной провинции к другой меняется; если в некоторых провинциях немцы составляют отчетливое большинство, то в других они противостоят преобладанию другой нации, а в третьих — просто являются народом среди народов.

После прусско-австрийской войны 1866 года австрийские немцы вышли из Немецкой Конфедерации и были вынуждены существовать как одна из многих национальностей империи Габсбургов. В условиях нарастающей демократизации, некоторые австрийские немцы начали опасаться, что первенство немецкого языка и культуры в империи, законы, действующие с конца XVIII века, будут поставлены под сомнение другими национальностями государства. Этот конфликт между немецкой национальностью и австрийским гражданством часто обострялся беспокойством относительно славянского

или латинского распространения, ведущего к появлению двух практически связанных форм национализма, отличных от немецкого. Народно-культурный национализм, связанный с пробуждением национального самосознания среди немцев, особенно в крупных центрах и тех провинциях, где смешались разные народы, выразился в создании образовательных Лиг и Лиг защиты (ферейнов), цель которых состояла в сохранении немецкой культуры и укреплении немецкой идентичности. Пангерманизм был более политичен, он больше приспособлялся к меняющимся условиям, чем защищал немецкие интересы. Он возник как символ веры маленького немецкого сообщества в Австрии, отказавшегося признать неизменным отделение ее от остальной Германии в 1866 г. и намеренного восполнить этот разрыв немецкого единства единственным способом, возможным после победы Бисмарка над Францией в 1870: присоединением (Anschluss) того, что они называли Германо-Австрией — тех провинций, которые входили в Немецкую Конфедерацию с 1815 по 1866 — к бисмарковскому Рейху, даже если бы этот союз означал разрушение монархии Габсбургов. Эта идея превращения Германо-Австрии в провинцию Немецкого Рейха получила название Kleindeutsch (малого немецкого) национализма в противоположность Grossdeutsch (великому немецкому) единству под началом Вены, концепции, которая потеряла смысл после 1866.

В 1885 множество народных ферейнов действовали в провинциях и в Вене. Они занимались исследованием и ритуализацией событий и символов немецкой истории, литературы и мифологии; и совмещали такие формы общественной жизни как хоровое пение, гимнастика, спорт, восхождение на горы с национальными (volkisch) ритуалами. В 1886 союз ферейнов (Germanenbund) был

основан в Зальцбурге Антоном Лангтаснером. Ферейн, членствующий в Союзе, должен был участвовать в немецких фестивалях, установленных специальным немецким календарем, и невзирая на классы, переживать чувство общности немецкой нации. Социальной базой движению служила провинциальная интеллигенция и молодежь. Правительство с осторожностью относилось к такой форме национализма и действительно Немецкий Союз был распущен в 1889 и возник вновь уже в 1894 как Союз Немцев.

В 1900 более чем 160 ферейнов принадлежали Союзу, разбросанные в Вене, Нижней Австрии, Штирии, Каринции, Богемии и Моравии. Известно, что сущест-

вовало примерно такое же количество незарегистрированных ферейнов; возможно, что от 100 до 150 тысяч человек были серьезно затронуты их пропагандой. Лист сформулировал свои идеи и политическую позицию преимущественно в этой среде. В 1870-80-е гг. он писал для журналов движения; он посещал ферейн «Немецкий дух» и Deutscher Jurnverein, гребной клуб Donauhof в Вене и ферейн «Немецкий дом» в Брно; активно участвовал в фестивалях Союза Немцев в 1890-е гг. Только через эту жизнь ферейнов в последние десятилетия века можно понять воодушевление и пафос его националистических романов и пьес в доокультурной фазе его творчества между 1880 и 1900 гг.

Движение пангерманизма возникало и как выражение юношеских идеалов студенческих братств Вены, Граца и Праги 1860-х. Впервые возникшие в 1840-х, австрийские братства были построены по образцу немецких студенческих клубов периода Vormorz (консервативная эпоха между 1815 и буржуазной либеральной революцией марта 1848), которые развивали традицию радикального национализма, романтических ритуалов и

тайны, черпая вдохновение из уроков Фридриха Людвига Яна (1778-1850), народного проповедника атлетизма, немецкой подлинности и национального единства. Некоторые братства, возбужденные проблемой немцев в Австрии после 1866, начали защищать Kleindeutsch национализм, то есть включение Германе-Австрии в Немецкий Рейх. Они прославляли Бисмарка, аплодировали прусской армии и Кайзеру Вильгельму 1, носили голубые фиалки (считалось, что это любимый цветок Бисмарка) и пели «Die Wacht am Rhein» на публичных митингах и банкетах. Этот культ пруссофилии неизбежно вел к торжеству силы и умалению гуманности и справедливости.

Георг фон Шонерер (1842-1921) связал свое имя с этим движением, когда 1876 г. в Вене объединил в союз братства Kleindeutsch. Без его вмешательства пангерманизм, быть может, остался бы только «тенденцией» среди политически наивных студентов, народников и рабочих группировок. Его идеи и темперамент, талант агитатора определили характер и судьбу австрийского пангерманизма, породив тем самым революционное движение, соединившее в себе народнический антикапитализм, антилиберализм, антисемитизм и пруссофилию немецкого национализма. Баллотировавшись впервые на выборах в рейхсрат в 1873 году, Шонерер следовал радикально демократической линии вместе с другими прогрессивными левыми. Это продолжалось до 1878. Затем он начал требовать экономического и политического союза Германе-Австрии с Немецким Рейхом и с 1883 стал печататься в крайне националистической газете («Подлинное немецкое слово»). Сущность пангерманизма Шонерера состояла, впрочем, не в требовании национального единства, политической демократии и социальных реформ (эту программу он разделял с убежденными радикальными националистами парла-

мента), но в его расизме: в убеждении, что кровь — единственный критерий всех гражданских прав.

Движение пангерманизма стало заметной силой в австрийской политике середины 80-х гг., но затем угасло после осуждения Шонерера в 1888 за изнасилование; лишенный всех политических прав на пять лет, он удалился от парламентской деятельности. Но не далее чем в конце 90-х пангерманизм вновь достиг статуса народного движения. Это произошло в результате вызова, брошенного немецким интересам в империи. Многие, кто привык к немецкому господству в культуре, пережили шок, когда в 1895 правительство ввело славянские классы в исключительно немецких школах Корниолы. Этот незначительный спор имел для немецких националистов символический смысл, несоизмеримый с его практическими следствиями. Затем в апреле 1897 австрийский премьер граф Казимир Бадени предложил свой закон о языке, в соответствии с которым все служащие Богемии и Моравии должны были говорить на немецком и чешском языках; мера, явно направленная против немцев. Эти события спровоцировали взрыв националистического возмущения в империи. Демократические немецкие партии и пангерманисты, не имея сил заставить правительство отменить закон о языке, блокировали деятельность парламента, и эта практика продолжалась вплоть до 1900 года. Когда последующие премьеры привели закон в исполнение, возмущение хлынуло из парламента на улицы больших городов. Летом 1897 кровавые конфликты между бунтующей толпой и полицией — даже армией, чуть не ввергли страну в гражданскую войну. Охраняя общественный порядок, полиция распустила сотни ферейнов. Во всех этих событиях — разрушение парламента, общественные беспорядки, немецкий шовинизм, избирательные кампании пангерманистов 1901 г. — можно усмотреть корни нового

воинствующего настроения, свидетелем которому была возникающая ариософия.

Основной темой разнообразных политических протестов была попытка части австрийских немцев сопротивляться славянским претензиям на политическое и национальное самовыражение и вместе с тем стремление сохранить единство, распадающейся, пережившей себя многонациональной империи Габсбургов. Отнюдь не все сторонники пангерманизма хотели экономического и политического союза Германе-Австрии с Немецким Рейхом, как это предполагалось программой Шонерера. Причины, по которым они поддерживали партию, часто сводились к желанию поддержать силами фереинов немецкие национальные интересы внутри империи. Поскольку в последнем десятилетии, куда ни бросишь взгляд, везде австрийские немцы могли видеть возрастающее влияние славян, что ставило под сомнение традиционное преимущество немецких культурных и политических интересов: спор о школах, указ Бадени о языке, всеобщее избирательное право (окончательно введенное в 1907) довели до критической точки этот мучительный и неразрешимый вопрос. Австрийские немцы рассматривали эти политические меры как удар по немецкой собственности и ключевым позициям немцев в экономике. Первые статьи Ланца целиком посвящены проблемам универсального избирательного права и немецкого экономического господства (Besitzstand). И Лист, и Ланц осудили парламентскую политику и потребовали подчинения всех национальностей в империи немецкому закону. Идеи ариософии были самым тесным образом связаны с этим последним в XIX веке немецко-славянским конфликтом.

Выраженный антикатолицизм ариософии также восходит к влиянию пангерманизма. Несмотря на симпатию к народному язычеству Немецкого Союза, Шонерер в

1890 начал размышлять о вероисповедной политике, при помощи которой он мог бы вступить в борьбу с католической церковью, эту последнюю он рассматривал как чуждую германизму и опасную политическую силу. Император пользовался советами епископата, приходские священники создали сеть эффективной пропаганды по всей стране и христианская социальная партия лишилась прежней поддержки среди крестьянского и полугородского населения Нижней Австрии и Вены. Он думал, что обращение движения в протестантство поможет подчеркнуть в сознании немецкого народа связь славянства с католицизмом, династией и австрийским государством. Консервативно-клерикально-славянофильское правительство с 1879 действительно сделало вероятной и почти неизбежной неприязнь к католицизму. Многие немцы считали, что католическая иерархия носит антинемецкий характер, и в Богемии уже росло возмущение против чешских священников, которым давали немецкие приходы. С целью эксплуатации этих чувств в 1898 году Шонерер открыл свою кампанию по разрыву с Римом (проект *Los von Rom*).

Имея связи с протестантскими сообществами миссионеров в Германии, Шонерер публично объединил движение пангерманизма с новым лютеранским движением, за которым стояло 30 тыс. протестантских обращений в Богемии, Штирии, Каринции и Вене между 1899 и 1910 гг. Союз, однако, остался непрочным: большинству ферейнов движение пришлось не по нраву, другие же пангерманисты осудили кампанию разрыва с Римом как вариант отжившего клерикализма. Что касается самих миссионеров, они весьма сокрушались, что политические оттенки обращения отпугивают многих религиозных людей, ищущих новую форму христианской веры, тогда как те, кто руководится политическими мотивами, вообще не заботятся о религии. Показатель

ежегодных обращений стал падать в 1902, а в 1910 вернулся к цифре, имевшей место до начала движения. Хотя движение касалось этнических границ, его социальная база определялась высококвалифицированным и торговым средним классом. Наибольший успех проекта *Los von Rom* поэтому совпал с успехом партии пангерманизма: проект не усилил пафоса пангерманизма, но и не ослабил католической церкви.

Хотя кампания разрыва с Римом в политическом смысле провалилась, она выдвинула на передний план антикатолические чувства, овладевшие австрийскими немцами в 1900-е гг. Это настроение было существенным элементом ариософии. Лист рассматривал католическую церковь в качестве основного противника в своих реконструкциях мифологического прошлого Германии. Он объединил клерикализм, консерватизм и австрийское правительство с его славянскими интересами, с 1879 ставшее злейшим врагом германизма Ч в Великую Интернациональную Партию. На эту несуществующую организацию возлагалась ответственность за все политические шаги против германских интересов в Австрии; все действия в этом направлении рассматривались как заговор католиков. По-видимому, Ланц также был подхвачен волной этих настроений. Он завершил свое цистерцианское послушничество глубокой антикатолической нотой (1899), присоединился к пангерманизму и вскоре обратился в протестантство. Хотя проект *Los von Rom* был целью лишь промежуточного этапа на его пути к собственному расовому культу ариософии, все же он обозначил важность пангерманизма для его идеологического развития.

Жизненно важным элементом для ариософского понимания национальных конфликтов и немецкого духа был расизм. Классическим источником по вопросу о пре-

восходстве нордическо-арийской расы с пессимистическим предсказанием подчинения ее неарийскими народами служили размышления Артура де Гобино. И хотя его творчество не вызвало немедленного отклика, идеи его отозвались длительным эхом, множество пропагандистов иначе интерпретировали его выводы — в пользу грядущего торжества германизма. Когда социал-дарвинисты заговорили о неизбежности биологической борьбы в человеческом мире, то подразумевалось, что арийцы (или истинные немцы) не подвергнутся разрушительным влияниям этой войны, что они смогут противостоять угрозе распада и смешения, утверждая свою расовую неприкосновенность и чистоту. Необходимость войны рас и евгенической реформы нашли широкий отклик в Германии на исходе века: основные работы Эрнста Краузе, Отто Аммона, Людвиг Вильзера, Людвиг Вольтмана — все социал-дарвинисты — были опубликованы между 1890-ми и 1910.

Выдающийся зоолог Эрнст Геккель, неоднократно предупреждавший об угрозе смешения рас, с целью популяризации расистской версии социалдарвинизма среди немцев основал Монистическую Лигу в 1906. Эти научные воплощения расизма, в формулах физической антропологии и зоологии придали силу и без того предвзятым мнениям народных националистов в Германии и Австрии. Лист заимствовал опорные расистские понятия из практики движения. Ланц сотрудничал со «Свободным словом», полуофициальным журналом Монистической Лиги и с «Политико-антропологическим обзором» Вольтмана. Таким образом, огромная важность арийского расизма в ариософии, несмотря на ее язык оккультных формул, может быть связана и с расистскими интерпретациями социалдарвинизма в Германии.

Если некоторые аспекты ариософии связаны с проб-

лемами немецкого национализма в империи Габсбургов конца XIX столетия, то другие ее стороны имеют причиной особенности венской жизни. В отличие от этнически разнородных провинций Вена была традиционно немецким городом, коммерческим и культурным центром австрийского государства. Однако, в 1900 г. стремительная урбанизация ее окраин в соединении с притоком людей других национальностей сильно изменила ее облик, а в некоторых центральных районах — и этнический состав. Старые фотографии красноречиво свидетельствуют о переменах венской жизни в конце XIX века. В 50-е годы старый звездообразный вал принца Евгения был разрушен, чтобы дать место для новой Рингштрассе с ее великолепными новыми дворцами и общественными зданиями. Если сравнить облик Вены до и после произошедших метаморфоз, легко заметить утрату интимной, эстетической атмосферы королевской резиденции среди великолепных парков; ее сменил жесткий, монументальный стиль метрополии. Может быть, реагируя на новую Вену, Лист отвергал городскую культуру и прославлял средневековую сельскую идиллию.

Между 1860 и 1900 гг. население города возросло почти втрое, породив в результате серьезный жилищный кризис. В 1900 году не менее чем 43% населения занимали помещения из двух комнат и менее, широко распространились бродяжничество и нищета. Одновременно с перенаселением и возникновением трущоб, произошло крупное переселение евреев из Галиции. В

1857 только 6 тыс. евреев остались в столице, а в 1910 эта цифра возросла до 175 тыс., что составляло более чем 8% всего населения города: на отдельные районы приходилось до 20% временных жителей. Восточные евреи носили традиционный костюм и вели жизнь мелких торговцев или разносчиков. Немцы, озабоченные духом народа, определенно могли рассматривать это новое вме-

шательство как серьезную угрозу этническому характеру столицы. В качестве примера такой реакции можно вспомнить описание Гитлером своей первой встречи с евреями во внутреннем городе. Озабоченность ариософов растущим преобладанием негерманских национальностей в Австрии наряду с такими местными переменами могли бы завершить предварительное обследование проблемы.

Остается выяснить, каким образом ариософия впитала оккультные идеи популярной в Вене теософии. Хотя

Теософское общество возникло там в 1886, немецкий перевод основного текста движения, «Тайной доктрины», был опубликован только в 1901. В 1900-х можно было наблюдать целую серию немецких теософских публикаций. Но ариософские тексты (с 1907) явно были связаны с европейской модой на теософию, в связи с чем нелегко было приписать специфически австрийское качество народническо-теософскому феномену. Мистические и религиозные спекуляции смешались также с псевдонаучными формами (социалдарвинизм, монизм) народнической идеологии в Германии. Существенно и то, что многие ариософские авторы и сторонники общества Листа жили за пределами Австрии. Таким образом, хотя народнический расизм, антикатолицизм и ненависть к современности ариософии связываются со специфическими австрийскими факторами, вовлечение в ее орбиту теософии указывает на более общий феномен. Не только венские ферейны, но и маленькие кружки нашли в новой доктрине «свежее» доказательство для собственных теорий арийско-германского превосходства. Особенная уместность теософии для оправдания элитаризма и расизма еще будет обсуждаться в дальнейшем.

Сформулируем выводы: рождение ариософии в Вене

связано с проблемами современности и национализма в империи Габсбургов начала века. Внешне все еще блистательная и преуспевающая, Вена была обращена в прошлое. Под давлением времени эта «старая, космополитическая, феодальная, крестьянская Европа» — все еще пульсирующая на землях империи — мягко и незаметно исчезала. Некоторые буржуа, особенно мелкие остро ощущали угрозу прогресса, безумного роста городов и экономической концентрации. Эти тревоги усугублялись растущей враждебностью среди народов империи разрушавшей и без того хрупкое равновесие многонационального государства. Подобные страхи стимулировали возникновение оборонительных идеологий, которые их сторонники предлагали как панацеи для мира под угрозой. То, что многие искали безопасности и стабильности в доктринах немецкой идентичности, было в общем нормальной реакцией на жизнь в сердце империи, этом тигеле народов. Описывая свои чувства, к людям негерманского происхождения в современной ему Вене, Гитлер говорил: «Я нахожу смешение рас : имперской столице отвратительным. Этот базар чехов поляков, венгров, украинцев, сербов и хорватов невыносим. Город кажется воплощением расовой нечистоплотности».

Кажется трагическим парадоксом, что насыщенное многоцветье народов Габсбургской империи, законность династической власти, одинаково расположенной ко всем, смогли породить расовую доктрину геноцида в наш век национализма и социальных метаморфоз.

2

ОККУЛЬТНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕРМАНИИ

1880-1910

Оккультизм берет начало в религиозном типе мышления, корни которого уходят в античность и которое обычно характеризуется как западная эзотерическая традиция. Ее необходимые составляющие — гностицизм, герметические трактаты по алхимии и магии, неоплатонизм и Каббала — возникли на востоке Средиземноморья в первые пять веков нашей эры. Собственно гностицизм связан с верованиями некоторых еретических сект в эпоху раннего христианства, они требовали обладания гнозисом или специальным эзотерическим знанием о духовных предметах. Хотя отдельные доктрины во многих аспектах отличались друг от друга, существовали две общие гностические темы: во-первых, восточный (персидский) дуализм, в соответствии с которым два мира Добра и Зла, Света и Тьмы, порядка и хаоса рассматриваются как независимые враждующие силы; и, во-вторых, убеждение в том, что материальный мир подвержен злу, так что человек может спастись только достигая знания о высших сферах. Гностические секты исчезли в IV веке, но их идеи воодушевили дуалистическую манихейскую религию (II век) и герметическое движение. Греческие тексты были собраны в Египте между III и V веками, здесь был завершён синтез гностических идей, неоплатонизма и каббалистической теософии. Поскольку эти мистические доктрины возникали на подвижной социальной и культурной почве, очевидна связь между разрастанием сект и распадом стабильного сельскохозяйственного порядка поздней Римской империи.

XV веке новые научные открытия и гео-

графические удачи уничтожили условия средневекового мира, гностические и герметические идеи пережили краткое возрождение. Выдающиеся гуманисты и ученые маги в период Ренессанса опубликовали старые классические тексты и тем самым заново создали корпус оккультных наук. Но после триумфа эмпиризма в научной революции XVII столетия подобные идеи сохранились лишь среди немногих любителей древности и мистиков. В XVIII веке эти неканонические религиозные и философские теории были определены как «оккультные», поскольку располагались на крайней периферии общепринятых форм знания. Впрочем, реакция на рационалистическое Просвещение приняла форму живого романтического интереса к Средним векам, стремления к тайне и способствовала оживлению оккультизма в Европе около 1770 г.

Германия гордилась своими известными учеными магами времен Ренессанса, а также сетью розенкрейцерских общин; теософия и алхимия процветали здесь между XVII и XIX веками. Однако, призыв к неоромантическому оккультному возрождению возник не в Германии. Его скорее следует связать с реакцией на засилье материалистических, рационалистических и позитивистских идей в практических и промышленных культурах Америки и Англии. Немецкое оккультное возрождение многим обязано популярности теософии в англо-саксонском мире в 1880-е годы. Здесь она имела выход на международное движение тайных обществ, связанное с именем Елены Петровны Блаватской (1831-1891), русской искательницы приключений и оккультистки. Ее удивительная, полная событий и путешествий (1850-1860) жизнь, ее способности к ясновидению и страсть к сверхъестественным феноменам, интерес к американскому спиритизму в 1870-е гг. повлекли за собой основание в Нью-Йорке, в 1875 году Теософского общества, с последующим перенесением его деятельности в Индию меж-

ду 1879 и 1885 гг.; все эти события подробно описаны несколькими биографами. В основных моментах теософия как доктрина сформировалась здесь и в таком виде проникла в Центральную Европу.

Первая книга мадам Блаватской, «Разоблаченная Изида» (1877), мало напоминала очерк новой религии, но представляла собой бессвязные страстные тирады против рационализма и материализма современной западной цивилизации. Ее обращение к традиционным эзотерическим источникам имело целью дискредитацию современных верований и делало очевидным преимущество древних религиозных истин перед мощной современной наукой и агностицизмом. В этом предприятии она руководствовалась также множеством вторичных источников, посвященных языческой мифологии, тайным религиям, гностицизму, герметизму, заповедным знаниям ренессансных ученых, розенкрейцеров и прочих тайных братств. В. Е. Коулмэн указывал на то, что ее работы часто являются компиляцией сотен современных текстов, посвященных древним и экзотическим религиям, демонологии, франкмасонству и явлениям спиритизма. Но за всем этим многообразием традиций мадам Блаватская различала уникальный источник вдохновения: тайные знания древнего Египта. Ее очарованность Египтом, убеждение в том, что именно там содержится ключ ко всякой мудрости возникли благодаря ее увлечению английским автором — сэром Эдвардом Бульвер-Литтоном. Его роман «Последние дни Помпеи» (1834) был задуман как повествование о культе Изиды в Риме первого века нашей эры. Более поздние работы, Занони (1842), Странная история (1862), Грядущая раса (1871), также были посвящены оккультным знаниям, эзотерическим обрядам, тайным братствам; все это производило неотразимое впечатление на романтическую душу XIX века. Ирония ситуации в том и состоит, что

ранняя теософия воодушевлена главным образом английской литературой, отчасти художественной, отчасти популярной и факт этот с очевидностью доказан сравнительными исследованиями Лильегрена.

Только после того, как в 1879 мадам Блаватская и ее последователи отправились в Индию, теософия приобрела более систематическую форму. В новой штаб-квартире Теософского общества в Мадрасе она написала «Тайную доктрину» (1888). Эта работа подтвердила ее склонность к компиляциям, но на этот раз в качестве источников ею были использованы современные труды по индуизму и последние достижения науки. Ее новая книга выглядела как комментарий к сакральному тексту под названием «Строфы Дзиан», который автор имела случай видеть в подземном гималайском монастыре. Этот новый интерес к Индии свидетельствует о ее высокой восприимчивости к переменам в научном мире: только что Франц Бопп и Макс Мюллер подчеркнули огромное значение санскрита в качестве основы для сравнительного изучения так называемых арийских языков. Источник мудрости сместился от Египта на Восток. Позднее концепция теософии обнаружит еще большее сходство с принципами индуизма.

В «Тайной доктрине» содержалось описание Божественной деятельности от начала периода сотворения мира до его конца, процесс этот был признан циклическим, повторяющимся через неопределенные промежутки времени снова и снова. Это история о том, как возник настоящий мир, откуда, какие силы образовали его и придали форму, куда он идет и что все это значит. Первый том (Космогенез) охватывал собой общий план, в соответствии с которым первоначальное единство неявленного божества дифференцирует себя в многообразии сознательно развивающихся существ, которые постепенно

наполняют мир. Божество обнаруживает себя впервые через эманацию и три следующих друг за другом формы Разума: три космические фазы создают время, пространство и материю и они символизируются в серии священных знаков индуизма <f1.gif>. Все последующие творения происходят в строгом подчинении божественному плану, проходя через семь кругов или эволюционных циклов.

В первом круге мир определяется властью огня, во втором — воздуха, в третьем — воды, в четвертом — земли, и в прочих — эфиром. Этот порядок отражает постепенное отпадение мира от божественной милости в первых четырех кругах и его искупление в следующих трех; это должно произойти прежде чем все вернется к точке первоначального единства, для того, чтобы начать новый большой круг. Мадам Блаватская иллюстрирует стадии космического цикла разнообразными эзотерическими символами, включая треугольники, трискелионы и свастики. Этот последний восточный знак удачи и плодородия был так популярен, что она включила его в проект печати Теософского общества. Исполнительное начало всего космического процесса получило имя Fohat, «универсальный посредник Детей Бога, призванный создавать и поддерживать наш мир». Обнаружениями этой силы, в соответствии с Блаватской, следует считать электричество и солнечную энергию, «объективированные мысли Бога». Эта электро-спиритуальная сила находилась, впрочем, в полном согласии со взглядами современной науки, по преимуществу, виталистической.

Второй том (Антропогенез) пытается связать человека с грандиозной картиной космоса. Но только представление о человеке уходит здесь далеко за пределы античности, гораздо дальше, чем привыкла к этому наука; Блаватская пытается внедрить человека непосредственно в схему космического, физического и духовного развития. Ее теории здесь частично имеют отношение к

палеонтологии конца XIX века, приспособленной одновременно к расовой теории эволюции. Она сопровождает свою циклическую концепцию утверждением о том, что каждому кругу сопутствует падение и возвышение семи последовательных корневых рас, в первом — четвертом круге они испытывают упадок духовного развития, все более отдаваясь во власть материальному миру (явное заимствование гностического представления об отпадении от Света во Тьму), в пятом-седьмом кругах высшие корневые расы поднимаются к свету. В соответствии с Блаватской настоящая человечность может быть создана только пятой корневой расой на планете, которая прошла через четвертый космический круг, так что биологические виды на ней стоят перед возможностью духовного развития. Пятой корневой расой была названа арийская, ей предшествовала раса жителей Атлантиды, ушедшей под воду при затоплении Атлантического континента. Атланты были наделены неизвестными нам психическими силами, их гигантизм позволял им создавать циклопические строения, они владели развитыми технологиями, поскольку могли успешно использовать Fohat. Три ранние расы настоящего планетного цикла были протогуманоидами. Первая, астральная раса, возникла в невидимой и вечной священной земле; вторая, гипербореицы, жили на исчезнувшем полярном континенте. Третья, лемурианцы, процветала на острове, затерянном в Индийском океане. Этой расе соответствовал самый низкий духовный уровень в эволюционном расовом цикле. Блаватская обвиняла лемурианцев в смешанных браках, размножении уродов, и в других формах падения.

Другим важным теософическим убеждением была вера в реинкарнацию (перевоплощение) и карму, также заимствованная из индуизма. Человеческий индивид рассматривался как незначительная часть божественного существа. Идея реинкарнации обязывала всякого пуститься

в космическое путешествие по кругам и корневым расам, которое привело бы его к окончательному воссоединению с богом, от которого он был оторван. Этот путь бесчисленных возрождений пишет историю постепенного искупления: за первоначальной никчемностью лежит путь восхождения к точке, где индивид и Бог совпадают. Процесс реинкарнации исполняется в соответствии с принципами кармы: кто совершал добрые поступки — перевоплощается удачно, кто был зол — перевоплощается в еще более низкие формы. Эта вера предполагала не только скитание каждого по фантастическим мирам бесконечно далекой истории, но также заставляла задуматься о спасении, грядущем воплощении в высших расах, которые будут представлять наиболее высокие ступени духовной эволюции: лмы, люди, в будущем должны занять наше место в небесах как Боги планет. Регенты галактик, властители Огненного Тумана (Fohat)». Этот хилиастический образ дополняла психологическая потребность принадлежать необозримому космическому порядку.

Помимо расовых акцентов, теософия также подчеркивала принципы элитаризма и иерархии. Блаватская утверждала, что сама она получила рукоположение от двух просветленных матахм или мастеров, по имени Мория и Куут Хууми, живших где-то в удаленном тайном монастыре в Индии. Адепты эти сами не были богами, скорее продвинутыми членами нашей эволюционной группы, которые решили передать свою мудрость остальному арийскому человечеству через избранную ими представительницу, мадам Блаватскую. Подобно ее учителям, она претендовала на безусловный авторитет поскольку он основан на ее месте в оккультной иерархии. В своих рассматриваниях предыстории она также часто ссылалась на выдающуюся роль элитарных священников корневых рас прошлого. Так, когда лемурианцы погрязли во зле и пороке, только иерархия избранных осталась

чиста духом. Эти немногие составили лемуру-атлантическую династию королей-священников, обитающую в легендарной стране Шамбала в пустыне Гоби. Они были связаны и с учителями Блаватской, которые должны были послужить наставниками пятой арийской корневой расы.

Несмотря на запутанную аргументацию и частые противоречия, возникающие по причине множества псевдонаучных ссылок, содержание «Тайной доктрины» все же можно сформулировать в трех основных принципах. Первым таким принципом является признание существования Бога, который вездесущ, вечен, безграничен и неизменен. Действующим началом Бога, его инструментом является Fohat, полуэлектрическая-полудуховная сила, которая проводит божественный план в космосе, воплощающийся в законах природы». Вторым принципом служит правило периодичности, всякое творение немедленно включается в череду бесчисленных распадов и возрождений. Эти круги всегда заканчиваются духовным приближением к первоначальной точке. в-третьих, всегда существует фундаментальное единство между индивидуальными душами и божеством, между микро-и макрокосмом. Но едва ли эта простая теология обеспечила теософии такое количество сторонников. Только смутное обещание оккультного посвящения, просвечивающее через бесчисленные заимствования из древних верований, цитаты из утраченных апокрифов, традиционных гностических и герметических источников может объяснить успех ее доктрины и количество ее сторонников среди образованных классов в нескольких странах.

Но с чем связан такой энтузиазм по отношению к идеям Блаватской среди американцев и европейцев, начиная с 1880-х гг.? Теософия предложила привлека-

тельную смесь из древних религиозных идей и новых научных концепций, синкретическую веру для тех, чьи привычные взгляды были опрокинуты дискредитацией ортодоксальной религии, прогрессом науки, разрывами в социальной и экономической жизни конца XIX столетия. Георг Л. Мосс писал, что теософия является типичным выражением антипозитивизма, наводнившего Европу в конце века, и отмечал то обстоятельство, что ее понятия из всех европейских стран наибольшее впечатление производят на немцев.

Да, несмотря на немыслимое смешение египетской веры в перевоплощения, американского спиритизма и индийских верований, теософия действительно была крайне популярна в Австрии и Германии. Ее появление лучше всего может быть понято в контексте неоромантического движения протеста в кайзеровской Германии, известного под названием Lebensreform (реформы жизни). Это движение, опирающееся по преимуществу на средние классы, представляло собой попытку сгладить противоречия современной жизни, вызванные ростом промышленности и городов. Множество альтернативных форм жизни включая естественную медицину и траволечение, вегетарианство, нудизм, автономные сельские коммуны исповедовали небольшие группы людей, надеявшихся вернуться к природной жизни. Политическая атмосфера движения была отчетливо либеральной, затрагивала левое крыло с его заинтересованностью в земельной реформе, но вместе с тем пересекалась и с народническим движением. Марксистские критики оценивали его как наиболее последовательную форму буржуазного уклонения от последствий капитализма. Теософия вполне соответствовала настроению Lebensreform, обеспечивая их при этом и какими-то философскими принципами.

В июле 1884 возникло первое Немецкое Теософское Общество под председательством Вильгельма Губбе-Шлейдена (1846-1916) в Эльберфельде, где находились Блаватская и ее основной сотрудник Генри Олькотт, с ними были их теософские друзья Гебхарды. В это время Губбе-Шлейден служил старшим чиновником в Колониальной Конторе в Гамбурге. Он много путешествовал, некогда управлял имением в западной Африке, был выдающейся фигурой в политическом лобби в пользу распространения Немецкой империи за океан. Олькотт и Губбе-Шлейден ездили в Мюнхен и Дрезден, устанавливали там контакты с отдельными теософами и такт образом заложили фундамент немецкой организации. Полагают, что поспешность в создании немецкого движения вызвана потребностью Блаватской в новом центре после скандала, разыгравшегося в Мадраса, в начале 1884 Теософам предъявили тогда обвинение в шарлатанстве Методы, применяемые Блаватской при работе с оккультными феноменами, сообщения, которые она передавала от своих учителей, вызвали подозрение в ее окружении что привело в результате к расследованию и крайне неблагоприятному отчету о ее деятельности, составленному лондонским Обществом Психических Исследований. К несчастью для Губбе-Шлейдена, его председательство прервалось в связи с распадом немецкой организации скандал же приобрел еще более публичный характер связи с исходом теософов из Индии в апреле 1885. С этих пор Блаватская жила в Лондоне и находила новых страждущих среди правящих классов викторианской Англии.

В 1886 Губбе-Шлейден более серьезно занялся оккультизмом в Германии, он приступил к публикации ежемесячного журнала «Сфинкс», в котором спиритизм и паранормальные явления обсуждались с научной точки зрения. Его основными участниками были выдающиеся

психологи, философы и историки. Здесь Макс Дессуар излагал гипнотизм. Эдуард фон Гартман развивал философию индивидуализма, в соответствии с которой «Я» преодолевает смерть как неполноценную сущность, отталкиваясь от Канта, христианской теологии и спиритуалистических спекуляций. Здесь работали Карл дю Прель, исследователь психики, и его коллега Лазарь фон Гелленбах, проводившие в Вене сеансы с известным американским медиумом Генри Слэйдом, оба писали эссе примерно в одном духе. Другим значительным членом кружка «Сфинкса» был Карл Кизеветтер, чьи исследования истории пост-Ренессансной эзотерической традиции очень многое смогли сообщить широкой аудитории об ученых магах, первых алхимиках Нового времени, о современном оккультизме. Еще не вполне теософический, сборник Губбе-Шлейдена был мощным элементом оккультного возрождения в Германии, пока в 1895 его публикация не прекратилась.

Кроме научной струи оккультизма, в 1890-х возникло более широкое немецкое теософское движение, на этот раз оно было связано с популяризаторскими усилиями Франца Гартмана (1838-1912). Гартман родился в Donauiworth и воспитывался в Кэмптене, где его отец состоял на службе королевским доктором. По завершении военной службы в Баварском артиллерийском полку (1859) приступил к изучению медицины в Мюнхенском университете. Во время каникул во Франции, в 1865, поступил корабельным доктором на судно, идущее в Соединенные Штаты, где и провел последующие 18 лет своей жизни. Закончив обучение в Сент-Луисе, открыл глазную клинику и практиковал до 1870. Затем путешествовал вокруг Мексики, ненадолго обосновался в Новом Орлеане, в 1873 уехал в Техас, в 1878 перебрался в Джорджтаун, штат Колорадо, где в 1882 работал коронером. Помимо медицинской практики горячо интере-

совался добычей золота и серебра. В начале 1870-х увлекся американским спиритизмом, посещал сеансы таких лидеров движения как мистрисс Раис Холме и Кэйт Вентворт, в это же время был поглощен чтением Юдж Эдмонс и Эндрю Джексона Дэвиса. Впрочем, следующее его открытие, «Разоблаченная Изида», ставит на место спиритизма теософию. Он решает посетить теософов в Мадрасе, отправляется туда из Калифорнии, по дороге заехав в Японию и Юго-Восточную Азию (конец 1883). Когда в 1884 Блаватская и Олькотт отправляются с визитом в Европу, Гартмана назначают действующим президентом Общества на время их отсутствия. Он остается в штаб-квартире теософов до момента, когда последние в апреле 1885 окончательно покидают Индию.

Работы Гартмана первоначально посвящены розенкрейцерам, Парацельсу, Якобу Беме и другим аспектам западной эзотерической традиции; они публикуются в Америке и Англии между 1884 и 1891 гг. Но побывав однажды директором санатория Lebensreform в Галлейне, недалеко от Страсбурга, после возвращения в Европу в 1885 году, Гартман начинает распространять новую мудрость Востока среди своих сограждан. В 1889 он организует, вместе с Альфредо Пиода и графиней Констанцией Вахтмейстер, близкой подругой Блаватской, теософский светский монастырь в Асконе — место, заметим, многих анархических экспериментов. С 1892 печатает переводы индийских священных текстов и переводы Блаватской в своем журнале «Цветы лотоса» (1892-1900). Это первое немецкое издание, титул которого украшен теософической свастикой. Во второй половине десятилетия теософская издательская деятельность в Германии впервые достигает первого пика. Вильгельм Фридрих из Лейпцига, издатель гартмановского журнала, выпускает двенадцатитомную книжную серию «Библиотека эзотерических трудов» (1898-1900), в то время как Гуго Геринг, теософ

из Веймара, издает тридцатитомную серию «Теософские труды» (1894-1896). Обе серии состоят из немецких переводов последователей Блаватской в Англии, Анни Безант, Чарльза Лидбитера, также там можно найти оригинальные исследования Гартмана и Губбе-Шлейдена. Основное содержание этих маленьких книжек — глубокомысленная космология, карма, спиритизм, повествование о деятельности тайных махатм. Помимо этой продукции должны быть упомянуты гартмановские переводы Бхагавад Гиты, Дао-Дэ-Цзин и Таттва Бодха, наряду с его собственными монографиями о буддизме, христианском мистицизме и Парацельсе.

Пример Гартмана ускорил рождение другого важного журнала. В 1896 Пауль Цильман приступил к изданию ежемесячного журнала «Метафизический обзор», который включал в себя не только разнообразные аспекты эзотерической традиции, но и новые парапсихологические исследования; в этом он шел по следам «Сфинкса».

Цильман, живший в Гросс-Лихерфельде, близ Берлина, был членом исполнительного комитета нового Немецкого Теософского Общества, основанного в августе 1896, в Берлине под председательством Гартмана. Это было в тот момент, когда американские теософы Кэтрин Тингли, Е. Т. Харгроув и Вригг путешествовали по Европе в поисках поддержки своего движения. Собственные исследования Цильмана и статьи в его журнале выдавали известную эклектичность: там шла речь о йоге, френологии, астрологии, животном магнетизме и гипнотизме: здесь же можно было найти репринты средневековых немецких мистиков, алхимические трактаты конца XVIII века и работы современного французского оккультиста Жерара Энкосса (Папюс) Гартман постоянно снабжал его беллетризованной историей о своем открытии тайного монастыря розенкрейцеров в Баварских Альпах, ее с нетерпением ждали читатели, задетые романтической

идеями суровых адептов в центре современной Европы. Цильман в свою очередь был так воодушевлен Eckhartshausen (начало XIX века) и идеями школы иллюминатов, что в начале 1897 сам основал оккультную ложу. Лесная Ложа была организована тремя квазимасонскими ступенями посвящения. В окружении Цильмана там работали Фердинанд Маак, изучавший только что открытые рентгеновские лучи в контексте собственной «динамософической» науки и издававший классические тексты розенкрейцеров, астролог Альберт Книпф, индийские теософисты и авторы американского движения христианской науки и новой мысли. В качестве издателя Пауль Цильман был важным звеном между немецкими оккультными группами и ариософами Вены, чьи работы он издавал под своей обложкой между 1906 и 1908 гг.

Немецкое Теософское Общество было учреждено в августе 1896 как национальная ветвь Интернационального Теософского Братства, основанного американскими теософами круга Виллиан Юдж и Кэтрин Тингли. Но теософия осталась ограниченным феноменом в Германии, представленным маленькими и часто враждующими местными группами. В конце 1900 издатель Neue Metaphysische Rundschau получил ежегодные отчеты от обществ Берлина, Дрездена, Граца, Эссена, Лейпцига что дало ему повод сожалеть о явном недостатке взаимного дружелюбия в движении. Впрочем, в 1902, наметилось тяготение к двум основным центрам, Берлину и Лейпцигу, их поддерживало более десяти теософских обществ и около тридцати маленьких кружков по всей Германии и Австрии. Пауль Раатц, издатель журнала Теософская жизнь, открыл теософский центр в столице, тогда как в Лейпциге в это время существовал другой центр, связанный с именами Артура Бебера, Германа Рудольфа, Эдвина Беме. Вебер издавал свой журнал «Теософский указатель», а из только что организованной

Теософской Центральной Книжной Лавки получал «Оккультные лекции», в которых авторами многих статей были Рудольф и Беме.

Поскольку вся эта деятельность контролировалась по преимуществу Францем Гартманом и Паулем Цильманом, нужно упомянуть о другой теософской тенденции в Германии. В 1902 году Рудольф Штайнер, молодой ученый, прежде обучавшийся в Вене, а затем приехавший в Веймар для работы над научным наследием Гете, стал генеральным секретарем Немецкого Теософского Общества в Берлине, основанного лондонскими теософами. С 1903 по 1908 Штайнер издавал в Берлине журнал «Люцифер». Но его мистические христианские интересы отдалили его от прочих теософов индуистской ориентации, сторонников Анни Безант, в результате он окончательно порвал с ними и учредил собственное Антропософское общество в 1912 году. Может быть желание противостоять влиянию Штайнера побудило Гартмана содействовать изданию новых журналов. В 1906 году, руководимый юным протеже Гартмана, Гуго Вольраттом, возникает Теософский Дом Печати — Лейпциг. Под этим флагом на арену выходят сразу несколько оккультных журналов: «Странник» (1906-1908) издается Артуром Вебером; «Прана» (1909-1919), издается сначала Карлом Врандлер-Прахтом, а затем Иоханнесом Бальзли, секретарем Лейпцигского Теософского общества; «Теософия» (1910) издается Гуго Вольраттом. Астрологические журналы и книжные серии, Астрологический обзор и Астрологическая библиотека начинают выходить здесь с 1910 года. Прежний журнал Гартмана вновь оживает в 1908 под названием «Новые цветы лотоса» в издательстве Джэггер, которое одновременно приступает к изданию Книги Озириса, длинной серии, которая знакомит немецкую публику с новыми оккультными.

Тем временем на арену выходят другие издатели. Карл Ром, посетивший английских теософистов в Лондоне в конце 1890-х открывает фирму в Вюртемберге. Его публикации включают репринтные издания Беме, Гамана, Юнга-Стиллинга, Альфреда Мартина Оппеля (А. М. О.) и романы сэра Эдварда Бульвер-Литтона, труды современных оккультистов. Издательский дом Иоханнеса Баума «Новая мысль» основан в 1912 году, в 1919 переезжает в Пфуллинген. Занятая первоначально переводом американского материала, эта фирма сыграет важную роль, издавая немецкую эзотерику в 20-е годы.

С теософами Лейпцига спорит фирма Макса Альтмана, он начинает свою деятельность в 1905 году. В июне 1907 Альтман начинает выпускать популярный Zentralblatt für Okkultismus, редактируемый д. Georgeewitz-Weitzer,) известным своими работами о современных розенкрейцерах, алхимии и оккультной медицине, которые он подписывает псевдонимом G. W. Surya. Лейпцигский книготорговец Генрих Транкер издает оккультную серию между 1910-1912, в которую включены работы Карла Гельмута и Карла Хейзе. С 1913 Антониус ван дер Линден начинает претенциозную серию «Тайные науки» (1913-1920), состоящую из репринтов эзотерических текстов ренессансного ученого Агриппы, розенкрейцеров, алхимиков XVIII века совместно с комментариями и оригинальными текстами современных оккультистов. Этот краткий обзор позволяет заключить, что оккультное издательское дело в Германии между 1906 и 1912 годами достигло в своей активности второго пика.

Но если немецкий оккультизм неплохо развивался перед Первой Мировой войной, то и Вене было о чем вспомнить. История оккультной традиции здесь тесно связана с именем Фридриха Экштейна (1861-1939).

Личный секретарь композитора Антона Брукнера, этот блестящий знаток всех наук имел обширные знакомства среди ведущих мыслителей, писателей и музыкантов Вены. Его склонность к оккультизму впервые обнаружилась, когда будучи членом группы Lebensreform, он практиковал вегетарианство и дискутировал о доктринах Пифагора и неоплатоников в конце 1870-х. Затем его интересы распространились на немецкую и испанскую мистику, легенды, окружающие тамплиеров, франкмасонов, на вагнерианскую мифологию и восточные религии. В 1880 он подружился с венским математиком Оскаром Симони, который, в свою очередь, находился под впечатлением метафизических теорий профессора Фридриха Цольнера из Лейпцига. Цольнер выдвигал гипотезу о том, что спиритические феномены подтверждают существование четвертого измерения. Экштейн и Симони были также связаны с австрийским психиатром Лазарем фон Гелленоахом, который проводил научные эксперименты с медиумами в состоянии транса и печатался в «Сфинксе».

После весьма теплой встречи с Блаватской в 1886 году, Экштейн собрал кружок теософов в Вене. В конце 1880-х Франц Гартман и молодой Рудольф Штайнер были частыми посетителями (rabitues) этого кружка. Экштейн был также знаком с мистическим кружком, существовавшим вокруг неграмотного христианского пиетиста Алоиса Меландера (1844-1905), который был знаменитостью для многих теософистов сначала в Кэмптене, а потом в Дармштадте, включая Гартмана и Губбе-Шлейдена. Экштейн состоял в переписке с Густавом Майринком, основателем теософской ложи «Голубая звезда» в Праге 1901 и перед Первой Мировой войной приобретшим славу оккультного романиста. В 1887 в Вене возникло Теософское Общество, президентом его был Экштейн, секретарем — граф Karl Zuleiningen-Billingheim.

На рубеже веков в Вене возникали все новые оккульт-

ные кружки. Существовала Ассоциация оккультизма, устроившая библиотеку с выдачей книг на дом, ее члены всегда могли справиться о чем-либо в работах Цольнера, Гелленбаха и дю Преля. Ассоциации был близок Филипп Машлюфски, который с 1903 года начал издавать эзотерический журнал «Гнозис». Газета, систематически получаемая берлинскими теософистами, печатала из «Люцифера» Рудольфа Штайнера. В декабре 1907 возникла аналогичная оккультная организация Клуб Чтения Сфинкс, ее создал Франц Герндль, автор двух оккультных романов и один из основных членов Общества Листа. Астрология и другие оккультные науки также были представлены в австрийской столице. После возвращения из Соединенных Штатов в родной город, Карл Брандлер-Прахт организовал Первое Венское Астрологическое Общество (1907). Судя по юности Гитлера, с описанием которой нас знакомит Иозеф Грайнер перед войной в столице различные митинги и лекции, посвященные астрологии, гипнотизму и различным формам предсказания будущего, были общим местом. Опираясь на эту среду, можно лучше понять причины и почву движений, сложившихся вокруг Гвидо фон Листа и Ланца фон Либенфельса, чье расистское творчество после 1906 столь многим обязано современному оккультному возрождению в Центральной Европе.

Хотя современный оккультизм был представлен очень разными формами, у него была одна задача. За системами астрологии, френологии и хиромантии в той же мере, как и за доктринами теософии, за квазинаучными концепциями «динамософии», животного магнетизма и гипнотизма, за архаическими текстами розенкрейцеров, каббалистов и алхимиков стояло отчетливое желание примирить результаты современных естественных наук с религиозным взглядом на мир, что могло бы вернуть человеку его достоинство и центральное место в универ-

суме. Оккультные науки имели целью подчеркнуть интимную и глубоко осмысленную связь человека с космосом в терминах обнаруженных соответствий между макро и микрокосмом, нанести удар материалистической науке с ее пафосом измеримых и воспринимаемых феноменов и пренебрежением к невидимым качествам духа и эмоций. Эти новые «метафизические» науки давали людям целостный взгляд на себя и мир, в котором они жили. Он наделял их одновременно чувством участия в полноте осмысленного мироустройства и через предсказания, вручал средства устройства собственных дел в соответствии с этим порядком.

Привлекательность такого взгляда на мир уже отмечалась в начале главы. Впервые расцвет оккультизма совпал с распадом Римской империи, затем обнаружил себя на исходе Средних веков. Теперь его голос слышали те, кто нашел мир не в порядке, для кого социальные и идеологические перемены конца XIX века оказались разрушительными. Те, кого чувства и образование делали восприимчивыми к идеалистической и романтической перспективе, приняли участие в оккультном возрождении, чтобы найти смысл миропорядка, исчезнувший с распадом прежних убеждений.

Поскольку ариософия родилась в Вене в ответ на проблемы немецкой национальности и столичной жизни, ее можно рассматривать как особую разновидность теософии, приспособленную ариософами к народническим (volkisch) идеям. Теософский кружок действовал в городе примерно в 1887 году, но его участники были более склонны к традиции религиозного самосозерцания и сосредоточения на внутреннем мире, под руководством Мари Ланж. Рудольф Штайнер был членом этого кружка и круг его интересов указывает на то, как мало симпатии существовало между «подлинной» буддистской теософией

Франца Гартмана, который также бывал здесь, и рефлексивными наклонностями остальных членов кружка. В 1890-х гг. венская теософия отражает влечение образованных классов к благочестию, субъективизму и культуре переживаний — настроение, соответствующее современной моде на *feuilleton* и импрессионизму в искусстве. Шорске пытался связать этот культ внутреннего с социальным положением венской буржуазии конца века. Он полагал, что посредством возведения храма искусства этот класс намеревался слиться с аристократией, но в результате нашел в нем убежище и от крушения либерализма и от варварских массовых движений. Возникновение венской теософии в этом контексте выглядит вполне убедительно.

Когда теософские труды стали более широко публиковаться благодаря немецким издательствам на рубеже веков, их идеи стали достоянием публики. К этому времени теософия уже представляла собой детально разработанный корпус учений, изложенный в новом переводе основного труда Блаватской («Тайная доктрина», 1897-1901) и бесчисленных переложениях и комментариях, выполненных Францем Гартманом, Германом Рудольфом, Эдвином Беме и другими. Но если ранние формы теософского движения в Австрии ограничивались в основном мистическим христианством и личным гностицизмом сосредоточенных на себе индивидов, то поздние его проявления связаны с разочарованием в католицизме и распространением мифологии, фольклора и альтернативных религий. Толчок пришел из Германии, ведь и Лист и Ланц вынесли свои знания о теософии из немецких источников. Лист многим был обязан берлинскому теософу Максу Фердинанду фон Зебальдту и его соратникам Францу Гартману, Гуго Герингу, Раулю Цильману. Цильман был первым, кто опубликовал статьи Листа и Ланца на эзотерические темы. Венская теософия

после 1990 выглядела околоинтеллектуальной сектантской религиозной доктриной, вывезенной из Германии, она была популярна среди людей, разочаровавшихся в религиозной ортодоксии, но все еще ищущих себя в горизонтах веры.

Теософия привлекала Листа, Ланца и его сторонников своей одинаковой терпимостью к экзотическим религиям, мифологии и эзотерическим знаниям, что открывало универсальную и вместе с тем нехристианскую перспективу для понимания природы, происхождения человека; сюда можно было поместить источники тевтонских верований и обрядов, что вполне отвечало спекулятивным построениям (volkisch) народнического движения. В условиях антипатии к католицизму среди народных

националистов и пангерманистов в Австрии, теософия предлагала себя как схему религиозных убеждений, исключавших христианство в пользу смеси мифических традиций и псевдонаучных гипотез, согласных с данными современной антропологии, этимологии и истории древних культур. В дальнейшем сама структура теософской мысли была легко усвоена народническим движением. Подспудный элитаризм махатм с их сверхчеловеческой мудростью вполне отвечал жажде жесткого иерархического порядка, опирающегося на расовую мистику народа (Volk). Понятие оккультного знания в теософии, осложненного наслоениями других религий, принадлежащего немногим избранным, также соответствовало попытке приписать народническому национализму длинную родословную, он особенно нуждался в этом в связи со своим в действительности недавним происхождением. В контексте роста немецкого национализма в Австрии с 1866 года, мы можем наблюдать как теософия, едва связанная с народнической мыслью понятиями расы и расового развития, осложнила религиозной мистикой

и универсальными обоснованиями политические взгляды
незначительного меньшинства.

Часть вторая
АРИОСОФЫ ВЕНЫ

3

ГВИДО ФОН ЛИСТ

Гвидо фон Лист был первым популярным автором, соединившим народническую (volkisch) идеологию с оккультизмом и теософией. Он также оказался выдающейся фигурой среди volkisch публицистов в Германии перед 1914 годом. Урожденный житель Вены, столицы Габсбургской Австрии, которая на рубеже веков оказалась в стороне от магистралей немецкого национального развития, принадлежавший к более старшему поколению, чем большинство его предвоенных идеологических товарищей, Лист стал заметной фигурой на восточной окраине немецкого мира. Его читатели и последователи относились к нему как к умудренному патриарху, мистическому гуру националистов, чьей проникательно-славное арийское и немецкое прошлое Австрии избавлено от влияния иностранных культур и христианства. В своих книгах и лекциях Лист предлагал истинным германцам отыскивать в ландшафтах Родины, ее фольклоре и археологии сохранившиеся следы великолепного теократического арийско-германского государства, возглавляемого королями-священниками и посвященными гностиками. Он занимался каббалистикой и астрологией и претендовал на звание последнего из арманистских магов, тех, что имели власть в старом арийском мире. Гвидо Карл Антон Лист родился в Вене 5 октября 1848 года, став старшим сыном в семье преуспевающего торговца из средних классов. Его мать и отец принадлежали к торговым семьям, жившим в столице по меньшей мере на протяжении двух поколений. Мария Лист, мать Гвидо, была дочерью торговца недвижимостью

Франца Антона Киллиана, который в антироялистскую революцию 1848 командовал Первой Венской Гражданской Обороной. Его отец, Карл Антон Лист, занимался кожей, продавал седельное снаряжение и другие готовые товары, тогда как дедушка, Карл Лист, был трактирщиком и виноторговцем. Прадедушка тоже содержал гостиницу.

Гвидо Лист воспитывался в районе города, располагавшемся на восточной стороне старого канала Danube, в центре. Биографы утверждают, что у Листа было счастливое детство и надежный дом. В 1851 Антон фон Антейтор написал его портрет акварелью, что свидетельствует о богатстве семьи и о разделяемых ею буржуазных привычках Вены.

Молодой Лист имел очень хорошие отношения с родителями. Листы любили водить своих детей на прогулки по окрестностям столицы, и эти экскурсии пробуждали страсть Листа к природе и сельскому пейзажу. В нем обнаружились и артистические наклонности, свои чувства он всякий раз пытался выразить пером и красками. Поощряя его усилия, отец давал ему уроки живописи и рисунка. Сохранились заметки Листа, датированные 1863 годом, и рисунки замков, пейзажи Нижней Австрии и Моравии.

Семья Листа, подобно многим австрийским семьям, была католической, и Лист в должное время принял крещение в храме Святого Петра в Вене. Но в 1862 произошел случай, выдавший его недостаточную увлеченность ортодоксальной религией. Его отец с друзьями, собираясь посетить катакомбы под собором Св. Стефана, решили взять Листа с собой. Темнота и низкие своды произвели на мальчика сильное впечатление. Позже он рассказывал, что преклонив колена перед разрушенным

алтарем в подземной часовне, он поклялся создать храм Вотану, когда вырастет. Очевидно, он видел в лабиринте под собором дохристианскую усыпальницу, посвященную языческому божеству. Впоследствии Лист утверждал, что его обращение следует датировать этим юношеским откровением.

Лист хотел стать художником и ученым; ученость означала для него романтический образ историка, который может читать прошлое по фольклору и пейзажам. Это желание привело к конфликту с отцом, поскольку тот намеревался использовать старшего сына и наследника в семейном бизнесе. Лист подчинился отцовским ожиданиям и занялся коммерческим образованием, но это подчинение не было полным. С этого момента он делил свое время между требованиями коммерции и частной жизнью в мире искусства, воображения и почитания природы. В рабочие часы он помогал отцу, но все свободное время посвящал пешим прогулкам и верховой езде по окрестностям во всякую погоду, делал зарисовки, записывал впечатления. Деревенские прогулки обострили интерес Листа к альпинизму и гребному спорту. Хорошо владея тем и другим видами спорта, он стал основным персонажем Венского гребного клуба и секретарем Австрийской Альпийской Ассоциации в 1871 году. Знаменательно, что его первая публикация появилась в ежегоднике Альпийской Ассоциации. В спорте навсегда соединились для него деятельное братство с величественными стихиями гор и рек.

Любовь Листа к природе вместе с тем была одушевлена стремлением к одиночеству и желанием уйти от суеты дневного мира. Он бывал счастлив, если ему удалось совершать свои прогулки в одиночестве. Он не чуждался общества друзей, но часто все же воспринимал их как помеху радостям внутренней жизни. Со-

хранившиеся описания коллективных путешествий рассказывают о его причудах и приватных приключениях. Такие приключения всегда сопровождал ритуал, что превращало его внутренний мир во что-то исключительное и создало ему репутацию одинокого волка и мистика. Примером таких ритуалов могут служить встречи летнего солнцестояния. После долгого перехода через Мансфельд Лист и его друзья добираются до гостиницы. Разыгравшийся шторм принуждает группу заночевать там. Лист же покидает товарищей, чтобы ознаменовать солнцестояние (приветствовать солнце) одинокой ночевкой на вершине Гейзельберга. В другой раз, 24 июня 1875 года он убеждает четырех друзей отложить послеполуденные дела и сесть за весла. По каналу Danube они достигают развалин римского города Карнунтум, где располагаются лагерем и пируют всю ночь. Для его друзей это был просто удачный вечер; для Листа, погруженного в мечты, это была 1500 годовщина победы германцев над римлянами, которую он праздновал огнем и захоронением восьми винных бутылок в форме свастики под аркой Языческих Ворот.

В последние годы Лист открыто объяснял свое влечение к природе неприязнью к современному миру улиц, магазинов и заводов. Ему не нравилась новая Вена: когда бы ни бросал он город ради деревни, он чувствовал, что убегает от «мутного савана метрополии» и «отвратительных сцен дикой погони за прибылью». Современная экономика, по мнению Листа, словечками о поиске индивидом самого себя, сбива человечество с пути. «Нужно бежать из тех мест, где пульсирует жизнь, искать уединенные островки, которых не коснулась человеческая рука, чтобы поднять магический покров природы». Его уход в мягкий и покойный мир природы был бегством от современности, но вместе с тем и от отеческого насилия, принуждавшего его к коммерческой карьере.

Пока отец продолжал руководить делом, Лист мог свободно изощрять свой вкус одиночеством, долгими прогулками и спортом. Но после смерти Карла Антона в 1871 году, Листу пришлось самому зарабатывать на жизнь. Совершенно не приспособленный к коммерции, он скоро устал от бизнеса и женился на своей первой жене, Елене Форстер-Петерс, 26 сентября 1878 года. Следующее десятилетие он вспоминал как время тяжелых испытаний, молодая пара вела весьма скромное существование на небольшие собственные средства и скудные доходы от журналистской деятельности Листа.

Теперь, когда его карьера завершилась, Лист все время мог отдавать литературе и истории. С 1877 по 1887 он опубликовал множество статей об австрийской деревне и привычках ее обитателей в газетах *Heimat, Deutsche Zeitung, Neue Welt*, хорошо известных своими националистическими чувствами. Его описания местности сопровождались языческими интерпретациями местных названий, обычаев и народных легенд. Одно из первых типичных идиллических описаний группы средневековых замков близ Мелка было опубликовано в *Neue Deutsche Alpenzeitung* в 1877 году. Поскольку Австрийская Альпийская Ассоциация приобрела транснациональный статус в 1874 году и для нее не существовали немецко-австрийские границы 1867 и 1871 годов, Лист находился в контакте и с немецкими и с австрийскими членами Ассоциации националистической и пангерманистской ориентации. Теперь Лист все время говорил о родном пейзаже. Альпы и *Danube* почитались им за национальную идентичность: реки, поля и горы имели лицо, здесь жили духи Тевтонских мифов и фольклора. Эти первые статьи отличались от юношеских набросков своим отчетливо *volkisch* и националистическим духом.

Все эти годы Лист работал над первым большим романом «Карнунтум» (издан в двух томах в 1888), воодушевленным памятной летней вечеринкой, посвященной солнцестоянию 1875-го. В 1881 он опубликовал короткие фрагменты тех переживаний. Очарованный гением места, Лист всматривался в далекое прошлое Карнунтума. Улицы и великолепные здания разрушенных городов вставали вокруг него, призрачные фигуры прежних обитателей проходили перед его мысленным взором, он видел роковое сражение германцев и римлян, приведшее к падению гарнизона в 375 году. В его глазах нападение племен Квади и Маркоманни положило начало тем германским продвижениям, которые в результате повели к разграблению Рима в 410 году и падению империи. Для Листа само слово Карнунтум несло волнующую ауру старой германской доблести, сигнал, напоминающий о событии, выведшем древних германцев на арену мировой истории. Карнунтум, описанный в романе, был захватывающей игрой воображения.

Эта правдоподобная история была вдвойне привлекательна для немецких националистов Австрии. Во-первых, Лист поместил австрийские племена в авангард победы над Римом. Во-вторых, его повествованием предполагалось, что родовые племена доримской Австрии и постримских варварских королевств неизменно населяли родную землю. Их высокая цивилизация, употребляя термин Листа, только дважды прерывалась за всю историю: впервые, Римской колонизацией Паннонии с 100 по 375 и, вторично, с пришествием христианства или «другого Рима». Такое представление событий отражало неприязнь Листа к современному католическому состоянию Австрии. Действующее политическое устройство и общепринятое вероисповедание выглядели с этих позиций незаконными, следствием иностранного подавления немецкой культуры на протяжении многих ве-

КОВ.

Мифологические события направили внимание немецких националистов на поиск оправданий их неудовлетворенности многонациональным австрийским государством. Раннее признание романа сослужило Листу большую службу. В 1888 выходит также исторический труд Генриха Кирхмайра, озаглавленный «Древнее германское племя Квади». Опубликовал книгу ферейн «Немецкий дом» в Брно, чьим президентом был промышленник Фридрих Ванек, глава Пражской Медной Компании и Первой Инженерной Компании Брно; обе компании — наиболее крупные производители Габсбургской империи. ферейн «Немецкий дом» объединял немецких жителей Брно, замкнутых в кругу преобладающего чешского населения Южной Моравии. Ванек был поражен параллелями между художественным воображением Листа и академическим трудом Кирхмайра. Между Ванеком и Листом завязалась регулярная переписка, которая заложила фундамент последующей дружбы. Ферейн «Немецкий дом» опубликовал впоследствии три книги Листа в отдельной серии, посвященной изучению истории и литературы, а щедрость Ванека привела впоследствии к созданию Общества Листа 20 лет спустя.

Помимо популярности в *volkisch* кругах Брно, «Карнунтум» помог Листу приобрести известность в австрийском движении пангерманизма, связанном с именами Риттера Георга фон Шонерера и Карла Вольфа. Шонерер впервые участвовал в выборах в австрийский рейхсрат и был первым пламенным поборником антисемитизма и национализма среди немецких националистов Габсбургской империи. Он произнес свою первую антисемитскую речь перед собранием в 1878 году и в выборном обращении потребовал экономического и политического союза немецкоязычной Австрии с Не-

мецким Рейхом. С 1883 он издавал крайне националистическую газету «Подлинное немецкое слово», в которой настаивал на германской сущности австрийских немцев и требовал отделения немецких провинций от многонационального тела империи. В эти десять лет Шонерер ездил по провинциям, отыскивая кружки, культурные сообщества, спортивные клубы с аналогичными настроениями. Все объединения были заняты пробуждением националистического сознания среди австрийских немцев. Для этого употреблялось множество способов: празднование годовщин немецкой королевской династии и культурных героев — прусского кайзера, Бисмарка, Мольтке, Вагнера; праздники летнего солнцестояния — в соответствии с древними обычаями; создание исследовательских кружков по изучению немецкой истории и литературы. В 1890-х Лист оставил свой след в этой среде.

В 1890-м году Карл Вольф, пангерманист и парламентский депутат, начал издавать еженедельный «Восточно-Германский обзор»; политический тон его был чуть менее националистичен, чем газета Шонерера. Лист стал его постоянным сотрудником. В 1891 году газета публикует выдержки из его последней книги «Мифологические пейзажи Германии» (1891), которая представляет собой антологию его фольклорной журналистики за предшествующее десятилетие. Названия его статей спустя несколько лет свидетельствуют о неугасающем интересе к национальному прошлому Австрии: в 1893 году увидел публикацию «Gotterdammerung» и «Allerseelen und der vorchristliche Totenkult des deutschen» в газете Вольфа; в 1894 вышла длинная, публикуемая частями «Die deutsche Mythologie im Rahmen des Kalender-jahres» и в традиционно volkisch стиле, поэтизирующем крестьян «Der Kohlenbrenner, ein nieder-Osterreichische volks-type»; юбилей национальных

ремесел был предметом его статьи «Die Blutezeit des deutschen Handworkers in Mittelalter» в 1895. В статьях

«Der deutsche Zauberglaube im mephistopheles Bauwesen» он исследовал магический фольклор. В середине десятилетия в систему национальных чувств Листа вошел антисемитизм, что отразилось в его предупреждающем эссе «Die Juden als Staat und Nation». Он также писал для Аурелиуса Польцера в «Bote aus dem Waldvrrtel» и «Kyffhauser», которые подняли флаг пангерманизма в Хорне и Зальцбурге. Его темами постоянно были геральдическая символика и народные обычаи, касающиеся крещения, свадеб, похорон. Ему казалось, что эти традиционные институты целиком отражают архаические тевтонские практики. По пути национального освоения местной истории и-археологии, проложенному Листом, последовал также Франц Кисслинг, автор нескольких: книг по топографии, древним памятникам и обычаям

Нижней Австрии. Оба автора были знакомы и несомненно имели влияние друг на друга.

Журналистика не была единственным средством, каким Лист поддерживал пангерманизм, он был известен

также как лектор и автор пьес. 24 февраля 1893 он прочитал лекцию для ферейна «Немецкий дух» о служителях культа Вотана. Лист утверждал, что эта вымершая форма веры была национальной религией тевтонов. Эта весьма близкая Листу тема послужила предметом и для более ранней лекции, прочитанной для ферейна Ванека «Немецкий дом» в 1892 году, в Брно. В будущем воображаемое священство должно было стать центральной идеей его политической мифологии. Он также сотрудничал с «Союзом немцев», ферейном, учрежденным вновь в январе 1894 года Карлом Вольфом и Карлом Иро, издателем газеты Шонерера. 3 декабря 1894 ферейн проводил вечерний фестиваль, в программу которого входили выступления музыкантов, хор, а также

премьера мифологической пьесы Листа «Вала пробуждается», которая должна была последовать за его же речью о немецкой миссии. Фестиваль предназначался исключительно для националистов и на входных билетах можно было прочесть: «для евреев недействителен». Как член крайне националистической Немецкой гимнастической лиги, на святочных торжествах 1895, Лист выступил с воодушевляющей речью, имеющей название «Deutsche Treue», опубликованной сначала в ежемесячном журнале Немецкой Националистической Рабочей Лиги, и затем вышедшей как приложение к «Восточно-Германскому Обзору».

Лист продолжал публиковать свою литературную продукцию на протяжении всех 90-х годов. В 1893 он основал, вместе с Фанни Вшиянски, беллетристическое общество в целях воспитания неоромантической и националистической литературы Вены. Данубианское Литературное Общество создавалось по образцу *litteraria sodalita Danubiana* (Вена, XV век) венского гуманиста Конрада Цельте (1459-1508), краткую биографию которого Лист составил в 1893 году. Успех первого романа «Карнунтум» ожидал и два других исторических романа о германских племенах. «Возвращение юного Дитриха» (1894) рассказывало историю молодого тевтонца, в V веке насильно обращенного в христианство. Роман заканчивался радостным возвращением отступника к первоначальной религии огнепоклонников. Столь же мелодраматичной была сага «Пипара» (1895), это двухтомное повествование посвящалось поразительной карьере девушки племени Квади из Эбуродунума (Брно), которая прошла путь от римской пленницы до императрицы. Пангерманисты были единодушны в своей восторженной оценке произведений Листа. Газеты Шонерера и Вольфа публиковали горячие отклики на «Пипару». 9 апреля 1895 редакция «Восточно-Германского Обзора» устроила

вечер Гвидо Листа в честь автора. Помимо чтений на нем выступили с лекциями Оттокар Штауф фон дер Марк, издатель *Tiroler Wochenschrift* и Карл Птак, другой издатель газеты Вольфа. Лист также представил лирические фрагменты на мифологическом и националистическом жаргоне. После его «Посвящения валькирий», изданного Ассоциацией Ванека в Брно, хоровое общество Вены дало концерт 6 июня 1896, на котором исполнялась его поэма «Ostara's Einzug». То же самое общество организовало фестиваль Листа, посвященный серебряной годовщине его литературных попыток, 7 апреля 1897 года. К этому моменту Лист стал знаменит среди пангерманистов Австрии.

Поиски древней религии страны привели Листа к языческой вере, что нашло подтверждение в его катехизисе «Непобедимый» (1898). 6 января 1898 его посетил старый католический епископ Богемии, Ниттель фон Варнсдорф, и тепло поздравил с введением «новой эпохи в истории религии». В августе 1899 Лист вторично женился на Анне Виттек из Стеки в Богемии; венчание состоялось в евангелической протестантской церкви. Лютеранство его жены отражало духовные колебания многих австрийских пангерманистов, желавших выразить свое разочарование в империи отказом от общепринятой католической веры. Аурелиус Польцер формально перешел в протестанство в 1885; в 1900 за ним последовал Шонерер. Эта тенденция стала особенно сильной после 1898, в пограничных немецких поселениях; здесь австрийские пангерманисты, поощряемые проектом Шонерера по разрыву с Римом, стремились отличить себя от окружавших их чехов и славян особой, прусской системой ценностей. Подсчитано, что к 1900 число обращенных в Австрии достигало 10 тысяч, более половины из них временно жили в Богемии. Впрочем, склонность Листа к язычеству препятствовала любым

формам объединения с альтернативной христианской религией.

Анна Виттек была актрисой, играла Валу на фестивале 1894; также участвовала в драматических чтениях поэзии Листа. Ее портрет показывает нам молодую милую женщину, одетую просто и таинственно. Лист нашел в ней источник вдохновения и страстную истолковательницу для образов национального прошлого, терзавших его чувства. После женитьбы, Лист посвятил себя исключительно драме. Его пьесы «Король Ванниус» (1899), «Магический огонь летнего солнца» (1901) и «Золотая монета» (1903) посвящались соответственно королевской трагедии, обрядам Иванова дня и любовной истории в незапамятные времена. Любопытным результатом обращения к сцене как способу распространения идей, стал программный памфлет «Реконструкция Карнунтума» (1900). Здесь Лист писал о том, что восстановление римского амфитеатра с ареной под открытым небом позволяет включать в сценарий бои с драконами, парусные гонки, состязания бардов и Thing (ежегодные немецкие ассамблеи), что могло бы облегчить понимание символов культа Вотана широкой публике. Лист называл проект «Нового Карнунтума» германо-австрийским Байрейтом и действительно пример Вагнера служил для него образцом.

К концу века Лист достиг значительного успеха как автор, работающий в рамках неоромантического и националистического жанра. Его творчество целиком сосредотачивалось на героическом прошлом и религиозной мифологии родной страны. В 1902 году произошли существенные изменения в характере его идей: оккультные понятия проникли в воображаемый мир древних германских верований. В 1902 году Лист перенес операцию по удалению катаракты и оставался слеп на протяжении одиннадцати месяцев. Все это долгое и тревожное время

вынужденного безделья, он находил утешение в размышлениях над происхождением рун и языка. В апреле 1903 он отправил манускрипт об арийском протоязыке в Имперскую Академию Наук в Вене. Этот документ содержал идею грандиозной псевдонауки, объединяющей немецкую лингвистику и симвонологию: первая его попытка проинтерпретировать средствами оккультного откровения буквы и звуки рун, алфавит, с одной стороны, и эмблемы и знаки древних надписей, с другой. Хотя Академия вернула манускрипт без комментариев, этот небольшой труд разрастался в последующие десятилетия и превратился в результате в шедевр его оккультно-националистических изысканий. В сентябре 1903 венский оккультный журнал «Лгнозис» опубликовал статью Листа, отражавшую новый теософский поворот его мысли. Здесь автор восстанавливает процесс мирового творения и иллюстрирует его фазы знаками трискелиона и свастики. Более подробно теософские влияния на творчество Листа будут рассмотрены в последующих главах.

Между 1903 и 1907 годами Лист время от времени Употребляет аристократический титул «фон» в своем имени: в 1907 он вносит титул в адресную книгу Вены. Такая процедура требовала выписки из архива родовой знати, который устраивал официальное расследование. 2 октября 1907 года Лист отстаивал перед магистратом принадлежность своей фамилии нижеавстрийской и штирийской аристократии. Он утверждал, что его прадедушка отказался от титула, поскольку вступил в сословие городских торговцев (содержал гостиницу), но он, Гвидо фон Лист, возвращает себе титул, потому что оставил коммерцию для занятий литературой в 1878 году. В доказательство своего происхождения Лист продемонстрировал кольцо с печатью, которое его дедушка по праву носил. На гербе изображались две геральдические лисы в расчетверенном поле (Лист по-немецки —

хитрость); они служили эмблемой рыцарю двенадцатого века Буркхардту фон Листу, что подтверждается старыми хрониками.

Может быть и в самом деле в признании титула нуждалась тонкая организация Листа, в любом случае социальные мотивы его притязаний, будь это 1878 или 1907, гораздо важнее. Почему Лист хотел титула? — должно быть нашим первым вопросом. По собственному признанию, Лист решил вернуть титул, потому что отказался от коммерческой карьеры. Как автор, он чувствовал себя принадлежащим культурной элите, порвавшим глубокие связи со средним классом. Рассмотренное в этом свете принятие Листом титула выглядит социокультурным подтверждением желаемой идентичности. С другой стороны, если обращение к титулу датируется 1907 годом, как об этом свидетельствуют документы, самоутверждение Листа может быть рассмотрено как закономерное следствие его религиозной фантазии. Как явствует из его лекций о жрецах Вотана, Лист полагал, что эта древняя религиозная элита образовала первую аристократию германских племен. С 1905 по 1907 эта мысль проходит через его геральдические исследования. Он трактует геральдику как систему эзотерических семейных эмблем, передаваемых от старой иерархии современному дворянству. Настаивая на титуле и гербе, Лист тем самым утверждал себя как потомок иерархии в той же мере, как ее историк. Его друг, Ланц фон Либенфельс также принял титул в 1903, и возможно, тем повлиял на Листа. Аристократические ловушки генеалогии и геральдики, эзотерически интерпретируемые, помогали людям вновь обрести собственное достоинство и смысл жизни. Несмотря на резкий отказ Имперской Академии, удача улыбалась Листу. В декабре 1904 Рудольф Бергер поднял вопрос в парламенте, потребовав объяснений такого обращения с Листом от министра культуры и обра-

зования. Этот запрос был подписан пятнадцатью видными венскими сановниками. Никакого удовлетворения от Академии не последовало, но поднявшийся шум привел сторонников Листа к широкому обсуждению вопроса о возможном основании Общества Листа (Guido-von-List-besellschaft), которое могло бы финансировать и издавать серии исследований Листа, посвященных национальному прошлому. Инцидент и последовавшее предложение демонстрируют невероятную привлекательность идей Листа для пангерманистов и оккультистов одновременно.

В 1905 году Фридрих Ванек, его сын Фридрих Оскар Ванек, Ланц фон Либенфельс и еще примерно пятьдесят человек подписывают первый адрес в поддержку Общества Листа. Изучение этих подписей свидетельствует о широкой и мощной волне сторонников среди общественных деятелей Австрии и Германии. Здесь имена Карла Люэгера, антисемита и мэра Вены; Людвига фон Бернута, главы völkisch организации здоровья Фердинанда Кхуля, члена комитета Клуба Немецкого Языка; Адольфа Гарпфа, издателя Marburger Zeitung; Германа Пфистера-Швагхузена, профессора лингвистики в университете Дармштадта, и энтузиаста австрийского пангерманизма; Вильгельма фон Пикль-Шарфенштайна (барон фон Виткенберг), составителя нескольких антисемитских справочников; Аманда фон Швейгер-Лерхенфельда, издателя популярного журнала Stein der Weisen и офицера армии; Аурелиуса Польцера, издателя националистических газет Хорна и Граца; Эрнста Вахлера, völkisch автора и организатора немецкого театра под открытым небом в горах Граца; Вильгельма Рохмедера, просветителя-пангерманиста в Мюнхене; Артура Шульца, издателя берлинского журнала за völkisch образовательную реформу; Фридриха Вигершауза, главы Эльберфельдской ветви мощной Немецкой Национальной Ассоциации Коммерческих служащих и Франца Винтер-

штайна, члена комитета антисемитской Немецкой Социальной Партии (DSP) в Касселе. К этим представителям пангерманизма в Австрии и Германии присоединились несколько оккультистов: Гуго Геринг, издатель теософской литературы в Веймаре; Гаральд Аруна Гравелл ван Остенооде, теософский автор из Гейдельберга; Макс Зейлинг, эзотерический памфлетист и популярный философ из Мюнхена и Пауль Цильман, издатель Метафизического обзора и мастер оккультной ложи из Берлина. Все эти люди своей подписью подтвердили основание Общества Листа.

После официальной церемонии открытия 2 марта 1908 года, Общество Листа продолжало привлекая националистических и оккультистских сторонников. С 1908 по 1912 в состав Общества вошли: депутат Беранексо — организатор Союза немцев в 1894 году; Рудольф Бергер, член комитета Немецкой Национальной Рабочей Лиги в Вене; Герман Брасс, глава Лиги Немцев в Северной Моравии; Данкварт Герлах, пылкий приверженец националистического и романтического Молодежного Движения; Конрад Глазенапп, биограф Вагнера; полковник Карл Хельвиг, völkisch организатор в Касселе Вернхард Кернер, геральдический эксперт и популяризатор генеалогии; Йозеф Людвиг Реймер, пангерманистский автор из Вены; Филипп Штауфф, крайне антисемитский журналист из Берлина; Карл Херцог, глава Филиала Маннгейме DNV. Этот список националистов можно дополнить именами ведущего немецкого теософа Франца Гартмана, теософского издателя Артура Вебера, оккультного романиста Карла Хильма, теософа генерала Блазиуса фон Шемуя, всего коллектива членов Венского Теософского Общества и Карла Хейзе, ведущей фигуры в вегетарианском и мистическом культе Магоагпап из Цюриха. Этот перечень предполагает, что идеи Листа были одинаково приемлемы для многих образованных

людей, вышедших из высших и средних классов Австрии и Германии. Привлеченные уникальным соединением национальной мифологии и эзотеризма, эти люди готовы были ежегодно жертвовать обществу по десять крон. Основной частью своего имущества Общество было обязано семье Венека, который в день торжественного открытия передал ему более трех тысяч крон.

Поощренный такой щедрой поддержкой, Лист написал серию «Ариогерманских исследовательских отчетов; (Guido-List-Vswherei), которые в основном содержал»

окультные интерпретации национального прошлого. Между 1908 и 1911 шесть отчетов были изданы в виде буклетов под покровительством Общества Листа. Эти публикации включали в себя ключ к смыслу и магической власти рун (GLB1), изучение политической власти и организации жрецов Вотана (Armanenschaft) (GLB2 и 2a), эзотерические толкования фольклора и местных названий (GLB3 и GLB4), словарь тайных арийских писем в иероглифах и гербовых знаках (GLB5). В 1914 Лист опубликовал свой коронный труд по лингвистике и символогии (GLB6). Эти семь буклетов представляли систематический обзор его творчества, касающегося религиозных, политических и социальных установлений национального прошлого. Воображаемый мир прошлого (и желанного настоящего) служил записью мировоззрения (Weltanschauung), разделяемого Листом и его ближайшими соратниками. Анализ этого Weltanschauung будет задачей последующих глав.

Репутация Листа среди членов völkisch и националистических объединений еще более укрепилась на волне его первых трех отчетов 1908 года. Ариогерманские институты стали предметом интенсивных обсуждений в völkisch прессе и других газетах. С 1909 имя Листа хорошо известно völkisch кружкам Австрии и Гер-

мании; Neues Wiener Tagblatt и Grazer Wochenblatt восхищаются его открытиями; ежедневная берлинская газета «День» занимается освещением бесценного наследства; французский журнал говорит о нем как об «учителе мистического империализма». Только в феврале 1911 о нем прочитаны три академические лекции в Берлине и Вене. За этими рукоплесканиями последовало восхищение второстепенных авторов, черпающих в его исследованиях свое вдохновение. В 1907 Джером Бал, венгерский учитель из Levosa опубликовал оккультный справочник по венгерской геральдике, который он посвятил Листу; его примеру последовали Б. Ханфтман, написавший исследование об отечественной архитектуре и Эрнст фон Вольцоген, автор обзора современной литературы. В июне 1909 Вольцоген поставил свою völkisch драму «Майская невеста» в Висбадене. Со словами глубокого восхищения он посвятил пьесу Листу и просил его о чести посетить премьеру. Репортер впоследствии описывал Листа как «воинственную, увенчанную сединами манифестацию Арманизма». В 1912 Карл Хейзе, написав о семи священных рунах, указал, что его работа опирается на открытия «моего дорогого учителя Гвидо фон Листа», в это же время Карл Энгельгардт посвятил мифологическую идиллию «учителю Божественного». Немецкие теософы также согласились с националистической популяризацией Листом их доктрин. Франц Гартман сравнил труд Листа о иероглифах с «Разоблаченной Изидой» Блаватской, а Иоханнес Бальзли, издатель «Праны», написал биографию Листа как «заново открывшего древнюю арийскую мудрость», Идеи Листа распространялись тремя основными путями. Его идеология, укорененная в конфликте немецких и славянских национальных интересов, привлекла völkisch кружки Германии, которые также стремились к шовинистической мистике в целях защиты германизма от либеральных, социалистических и «еврейских

политических сил в позднюю вильгельмианскую эпоху. Наиболее важными переносчиками идей Листа за границей были те члены Общества Листа, которые участвовали в создании Reichshammerbund и Germanenorden. Филиг Штауфф, Карл Хельвиг, Георг Хауэрштайн, Вернер Кернер и Эберхард фон Брокхузен действовали в обеих этих предвоенных антисемитских лигах. В последующих главах мы проследим, как это идеологическое влияние распространялось через Germanenorden и его мюнхенское отделение, к еще молодой нацистской партии. Эта линия влияний конечно имеет особый вес в любых оценка исторической значимости Листа.

Второй путь распространения влияний связан с несколькими теневыми völkisch фигурами в Германии, чья публицистическая деятельность обеспечила широкую аудиторию идеям Листа во время и после войны. В ноябре 1911 Лист получил письмо, подписанное псевдонимом Тарнхари; автор утверждал, что является потомком или воплотившейся душой вождя древнего племени Вользнген. Тарнхари сообщал Листу, что его родовые воспоминания-видения подтверждают реконструкции ариогерманских традиций и иерархических институтов выполненную Листом. Во время войны Тарнхари издал две патриотические брошюры в Дейссене, около Мюнхена и затем открыл völkisch издательство в Лейпциге. В послевоенный период он был связан с Дитрихом Эккартом наставником Гитлера в первые дни партии нацистов. В том, что Тарнхари занимался популяризацией идей Листа во время войны, можно убедиться из работ Эллергарда Эллербека, völkisch-мистического автора, одинаково благодарного и Тарнхари, и Листу. Его примеру последовали другие в 1920-е гг., т. е. кто писал о религии арманизма и обеспечивал это слово современно националистической валютой.

Третий путь распространения влияний Листа связан с теми, кто подробно разрабатывал его идеи оккультного арийско-германского наследства и размышлял над мудростью рун, пророческих наук, Эддой и тевтонской астрологией. Рудольф Джон Горслебен, Вернер фон Бюлов, Фридрих Бернхард Марби, Герберт Рейхштайн и Фроти Инголфсон Верманн создали сложный комплекс арманистско-ариософских знаний, которыми, хоть и связанные с творчеством Ланца фон Либенфельса в 1920-е, все же в большей мере обязаны Гвидо фон Листу. Позднее ариософское движение расцвело в Германии в конце 20-х и в 30-е годы. Хотя представители движения работали в эзотерических обществах и не были связаны с политическим движением, все же маленькие кружки рунологов-окультистов пользовались большим доверием Генриха Гиммлера и принимали участие в разработке символов и ритуалов СС.

Сам Лист оставался мистическим мыслителем с нулевым организационным талантом. Все же он создал небольшой круг посвященных внутри Общества Листа, обозначенный буквами НАО (Hoher Annanen-Orden).

НАО возникла на празднике летнего солнцестояния 1911, когда наиболее посвященные члены Общества Листа в Берлине, Гамбурге и Мюнхене отправились навестить своих австрийских коллег в Вене. Лист принял решение совершить паломничество к избранным местам «земли Остара, где еще жив дух Хари-Вотана». 23 июня 1911 группа посетила катакомбы собора, где юный Лист впервые ощутил присутствие языческого бога, и затем направилась к другим признанным святыням Вотана на Каленберге, Леопольдсберге и в Клостернебург. Спустя три дня энтузиасты отправились в Брюль близ Медпинга, Бург Крейзенштайн и, конечно, в Карнунтум. Этой последней экспедицией отмечен апофеоз «странствований по святым местам, предпринятых нашей конгрегацией».

Памятная фотография апофеоза свидетельствует о том, что конгрегация насчитывала только десять человек.

Предполагалось, что НАО будет форпостом строительства «новой духовной Германии», однако ее сектантская природа и слишком благочестивый характер достаточно очевидны. В апреле 1915 Лист созывает в Вене собрание НАО, который теперь составляют в большей мере австрийские общественные деятели, и они собираются для того, чтобы выслушать приветственную речь Листа.

НАО была слепым отростком среди прочих исторически значимых объединений, поскольку Лист всю войну предавался изучению оккультных и расовых проблем. Его последний «исследовательский отчет», озаглавленный «Арманизм и Каббала» содержал в себе намерение развить разрабатываемую в юности систему оккультных соответствий между различными объектами и качествами физического мира, включая животных, растения, минералы, цвета, звуки, музыкальные знаки, числа, и снабдить их эзотерической интерпретацией. «Отчет» так никогда и не был подготовлен к публикации. В 1916-1917 годах Лист пишет несколько статей о приближении национального золотого века; предполагалось, что он должен наступить после поражения союзников; Иоханнес Бальзли опубликовал два из этих предсказаний в своем журнале «Прана», в 1917 году.

И во время войны идеи Листа по-прежнему привлекали тех, кто искал мистических объяснений трудностям и лишениям войны. Лист получал множество писем фронта, в которых его благодарили за утешительные открытия; руны и древние арийские символы находили на камнях, далеко от домашнего очага, они помогали верить в окончательную победу ариогерманцев. Книги Листа передавались из рук в руки в окопах и полевых госпиталях. В начале 1917 Лист имел видене

убедившее его в скорой победе над союзниками, но его предсказания не сбылись. 1918 год принес с собой блокаду Европы, еда и топливо все в меньших количествах поступали в города. Ранней осенью империя Габсбургов начала разлагаться и австрийцы были вынуждены просить о мире 3 октября 1918. Лист оценил катастрофу в тысячелетнем контексте: кризис был необходим как время скорби на пороге спасения ариогерманцев.

В конце 1918 семидесятилетний гуру был очень плох. Вена голодала. Следующей весной Лист и его жена решили поправить здоровье в поместье Эберхарда фон Брокхузена, патрона Общества Листа, жившего в Ланжене, около Бранденбурга. По прибытии на вокзал Anhalter в Берлине, Лист почувствовал себя очень утомленным путешествием. Врач диагностировал воспаление легких; состояние Листа резко ухудшилось. Утром 17 мая 1919 года арманистский маг и пророк национального возрождения скончался в берлинской гостинице. Его кремировали в Лейпциге, а урну с прахом захоронил на Центральном Кладбище Вены. Филипп Штауф написал некролог, появившийся в Munchener Beobachte vцlkisch газете, издаваемой Рудольфом фон Зеботтендорфом; уже в следующем году эта газета стала официальным нацистским органом и оставалась ведущей газетой партии вплоть до 1945 года. Так, хотя Листу не довелось узнать нацистскую партию, ее рождающийся дух почтил его.

4

ВОТАНИЗМ И НЕМЕЦКАЯ ТЕОСОФИЯ

По мнению Листа, древние тевтонцы обладали гностической религией, позволявшей людям проникать в тайны природы. Вотан занимает место главного бога в немецком пантеоне. Основными источниками для древней религии служили руны и Эдда. Старая северная поэзия Исландии рисует красочную мифологию язычников, которых Лист рассматривал как приверженцев Вотана, вынужденных бежать из Германии, спасаясь от христианских преследований на заре средневековья. Эдда, таким образом представляет собой запись мифов и верований древних германцев. В Эдде Вотан почитался как бог войны и покровитель умерших героев Валгаллы. Он также считался магом и некромантом. «Хавамал» и «Волюспа» описывают как Вотан предавался ритуальному самоистязанию, чтобы овладеть магическим ведением тайн природы. Если верить ученым XIX века, эти действия являются формой шаманизма. Ценою боли исполнитель ритуалов приобретает магическую и физическую силу. В «Хавамал» Вотан ранен копьем и, беззащитный, привязан к дереву на девять ночей без воды и питья. На вершине страданий к нему внезапно приходит понимание рун. Спустившись с дерева, он составляет восемнадцать рунических заклинаний, заключающих в себе тайну бессмертия, способность к врачеванию себя, искусство побеждать врага в бою, власть над любовными страстями. В «Волюспе» Вотан предлагает Мимиру собственный глаз в обмен на пророческое ведение будущего. Весьма вероятно, что этот миф напоминал Листу его собственные оккультные откровения в период

слепоты 1902 года.

Руны общеизвестны как форма древнего северного письма — выразительные, отделенные друг от друга знаки — написанные или вырезанные в дереве, металле, камне; но они также высоко ценились за их магические свойства, способность служить амулетами заклинаниями. Каждая руна имела имя и собственную символику, выходящую за пределы ее фонетики и буквального смысла. Необходимо признать, что Лист выступил пионером оккультного чтения рун, поскольку он первым связал рунический алфавит с руническими заклинаниями Вотана в «Хавамал». Лист сопровождал каждый стих Вотана особой руной, присовокупив также ее оккультный смысл и окончательную формулу заклинания. Предполагалось, что эти оккультные смыслы и формулы составляют основное содержание вновь открытой религии вотанизма. Ее классические максимы были таковы: «Познав себя, ты познаешь мир!»; «Заклучи в себе мир и ты станешь творцом универсума!»; «Не бойся смерти, она не может убить тебя!»; «Твоя жизнь в руках Бога, доверься ему!»; «Брак — корень арийской расы!» «Человек одно с Богом!». Ударение в этих максимах неизменно падало на внутреннюю силу человеческого духа и его единство с Богом, открывающее гностическую природу вотанизма.

Но вотанизм также подчеркивает мистическое единство человека с миром и его магическую власть над ним. Мир здесь описывается как непрерывная черед превращений, как путь через «рождение», «бытие», «смерть» и «возрождение». Вращение планет, смена времен года, процветание и упадок всего живого подтверждают истинность простой циклической космологии. За этой цепью перемен и превращений Лист видел «первичные законы природы». Законы говорили о сокро-

венном присутствии Бога в природе. Все вещи Лист представлял себе как проявления духовной силы. Человек оказывался неотъемлемой частью единого космоса и потому был вынужден следовать простому этическому правилу жить в согласии с природой. Все напряжения и противоречия должны были изживаться в таинственном единении человека и космоса. Расовая чистота выглядела естественным следствием верности природе.

Двойственные идеи магической самости и мистического единства в листовской версии гностической религии Вотана отражают духовные противоречия романтизма XIX века, который, в свою очередь, являлся реакцией на более общие культурные и социальные сдвиги, произошедшие в Европе того времени. Георг Л. Мосс, исследуя мотивы романтизма, в связи с этим писал: «Запутавшиеся и прижатые к стенке, люди пытались быть собой. Но поскольку размах индустриальных преобразований, их причины и следствия ускользали от разума, многие рациональному решению проблем предпочли собственные эмоциональные глубины. Желание найти самого себя сопровождалось противоречивым стремлением принадлежать чему-то большему, нежели индивидуальная душа... поскольку социальные условия выглядели лишенными ясности и угрожающими, романтики искали такого всеобъемлющего единства, которое не имело бы отношения к преобладающим экономическим и политическим обстоятельствам».

Вот и Лист сформировал свою религию из архаических материалов в пике современности. Его учение опиралось на мощь и неизбежность индивидуального духа в царстве природы. Как подлинный опыт древних германцев, эта религия должна была воскреснуть в вере и моральном единении нового движения пангерманистов.

Для воссоздания древнего знания Лист использовал понятия современной теософии. В этом ему послужили два различных источника. Первым стало творчество Макса Фердинанда Зебальдта фон Верта (1859-1916). Зебальдт начал свою литературную карьеру как издатель журнала «Практическое христианство» (1891) при сотрудничестве Морица фон Эгиди, выдающегося представителя Lebensreform в Германии. Много писал о путешествиях и чужих странах. В 1897 начал публиковать толстые тома по сексологии. Его «Ванидис» (1897) и D. I. S. «Сексуальные религии» (1897) описывают сексуальные религии арийцев, священные евгенические практики, предназначенные для укрепления чистоты расы. Обе работы опубликованы Вильгельмом Фридрихом в Лейпциге, известным своими теософскими изданиями и проиллюстрированы магическими кривыми свастики; рисунки делал теософский художник Фидус. Затем Зебальдт опубликовал «Генезис» (1898-1903) в пяти томах, где исследовал эротизм, либидо, манию в контексте сексологии и расизма.

Берлинский автор с очевидностью предвосхитил ариософию, соединив расовые доктрины с оккультными идеями и сопроводив это сочетание причудливым истолкованием тевтонских мифов. Содержание «Ванидиса» указывает на его склонность к выявлению метафизического смысла символики немецкого пантеона. По Зебальдту древняя арийская космология определялась творческим актом бога Мундельфори (Mundelfцри), который создал мир из первоначального огненного хаоса. После чего определилась двойственность полярных начал материи и духа, мужского и женского. Он настаивал на значении евгенических мероприятий для арийского превосходства, поскольку только соединение «чистых противоположностей» могло бы освободить первоначальную энергию, заложенную в этой двойственности и тем

самым способствовать рождению отличного потомства. Схожие идеи в последующие годы появились и в труда Листа.

Первое указание на то, что Лист знаком с творчеством Зебальдта содержится в его анонимной статье «Germanischer Lichtdienst», опубликованной в «Des Scherer», сатирическом тирольском ежемесячном журнале, сотрудничавшем с австрийскими пангерманистами. Обсуждая религиозное значение языческих солнечных феерий. Лист высказывал предположение, что этот ритуал символизирует первоначальное рождение солнца. Он также утверждал, что свастика является священным арийским символом, поскольку происходит Feuerquirl — огненной метелки (венчика), вращением которой Мундельфори приводил космос к бытию. В сентябре 1903 венский оккультный журнал «Гнозис» опубликовал статью Листа, также отсылающую к Зебальдту. В ней исследуется «древнеарийская сексуальная религия» и мистическая космогония, фазы которой иллюстрируются иероглифами . Здесь Лист также впервые упоминает о бессмертии, перевоплощении и кармической предопределенности. Он различает между экзотерической (вотанизм) и эзотерической (арманизм) формами религиозного учения и пишет о неограниченной власти, которую посвященные имели над обычными людьми в древней Германии. Тевтонские боги, Вотан, Донар и Локи понимаются им как символы эзотерических, космологических идей, что является зембальдтианским штампом, очевидным для современников. Этой статьей Листа отмечен первый этап в истолковании германской оккультной религии, главной заботой этого этапа выступала расовая чистота.

В последующие несколько лет работы Листа приобрели откровенно теософский характер. Его заметки

и ссылки постоянно указывают на «Тайную доктрину Блаватской, опубликованную в немецком переводе Вильгельмом Фридрихом, и на немецкое издание «Утраченной Лемурии» Вильяма Скотта Эллиота с описанием сказочного континента и исчезнувших цивилизаций. Лист больше не употребляет привычное «немцы» и «народ», но пользуется словами «ариогерманцы» и «раса», как будто подчеркивая совпадение с пятой корневой расой в этнологической схеме Блаватской. Жрецы Вотана, вопрос о которых Лист впервые поднял в 1890-х годах, теперь превратились в просветленную гностическую элиту посвященных (Armanenschaft), что соответствовало иерофантам «Тайной доктрины». в «Таинствах ариогерманцев» (1908) основные элементы теософской космогонии в их предполагаемом отношении к арийской вере хлынули потоком. Скрытые и явные божества, рождение мира божественным дыханием, первичный огонь как источник силы, напоминающей Fohat, постепенная эволюция космоса в соответствии с подчинением этой силы «законам природы», — все это получило здесь детальную проработку. Заголовки разделов сопровождалась теософскими надписями и знаками <f3.gif>. В синтезе теософии и немецкой мифологии закладывался фундамент мировидения (weltanschauung) Листа. Тогда как в первых трех «исследовательских отчетах» слово «теософия» применительно к воображаемому миру тевтонских верований встречалось только случайно.

Лист обнаружил глубокое знание теософических деталей. Жизнь у него развивалась в соответствии с «размерностью», ее усиление предполагало прогрессивное восхождение через круги. Он также упоминал о дирижаблях и циклопических постройках атлантов. «Религия ариогерманцев» (1910) содержала долгое обсуждение индуистских космических циклов, воодушевленное гипотезой Блаватской. Лист был глубоко захвачен

количественным соответствием между арифметическими загадками «Гримнизмал» в Эдде и числом лет в Калиюге, самой короткой и наиболее упадочной из индуистских эпох. Источником своих размышлений он считал «Тайную доктрину» Блаватской. Астрологические анализы в его книгах появились в 1910 году, в том же году Теософский Издательский Дом выпустил первый популярный немецкий астрологический журнал.

В «Die Bilderschrift der Arno-Germanen (1910) теософская космогония описана следующим образом: изучение того, как божество обнаруживает себя, ведет к трем формам Логоса и соответствующим кругам огня, воздуха, воды и земли. Лист изображает эти этапы при помощи индуистских знаков Блаватской и связывает первые четыре круга с мифологическими тевтонскими царствами Муспильхайм, Асгард, Ваненхайм и Мидгард, в которых правили соответственно драконы огня, боги воздуха, титаны воды и люди. В его адаптации семи корневых рас для каждого круга тоже сказывается влияние Блаватской. Лист полагал, что ариогерманцы представляли пятую действующую расу в нынешнем круге, а имена мифических тевтонских гигантов приписывал четырем предшествующим расам. Дилювиальные атланты были признаны родственными титану Бергельмиру, пережившему потоп в северной мифологии, а третья раса — титану Трудгельмиру. Соглашаясь с Блаватской Лист полагал, что третья раса (ее лемурианцы) первой перешла к половому размножению. Две первые расы родственные Имиру и Оргельмиру, были андрогинами соответствовали астральной и гиперборейской расам схеме Блаватской.

Эта германизация теософии представлена тремя таблицами в приложении. Первая из них иллюстрирует эволюционные ступени одного полного циклического

перехода от единства к множественности и до возвращения к единству. Теософские понятия неявного и явного божества, трех форм Логоса, пяти первоначальных сфер (включая эфир) и появление человечества Лист сопроводил германизованными мифологическими эквивалентами. Так, божество Аллватер раскрывалось у него трех формах Логоса, каковы Вотан, Вили и Ви. Серии направленных против часовой стрелки трискелионов свастик, перевернутые треугольники, символизировал этапы космической эволюции нисходящего цикл (движение от единства к множественности), в то время как движение по часовой стрелке и линии, обращенных вверх, свидетельствовали об обратном пути к богу. Взаимное наложение «падающих» и «восходящих» линий образовывало знак сложной структуры, похожий на гексаграмму и Мальтийский Крест . Лист утверждал, что эти последние знаки особенно священны, поскольку они соединяют противостоящие силы творения: на вершине цикла они указывают на ариогерманского богочеловека высшую форму, которой только может достичь жизнь в универсуме. Две другие таблицы содержат каббалистическую схему «соответствий» между растениями, деревьями птицами и божествами классического и немецкого пантеонов. Франц Гартман комментировал эту работу, сравнивая ее с «Разоблаченной Изидой» Блаватской и хвалил Листа за раскрытую им связь германских и индуистских учений.

В 1914 году Лист опубликовал шестой и последний из своих «исследовательских отчетов», «Протоязык ариогерманцев», в котором вводились все новые теософские понятия применительно к национальному прошлому. Для корневых рас лемурианцев и атлантов он предназначил земли затонувших континентов, о которых он прочитал у Вильяма Скотта-Эллиота, чью карту и зоспроизводил. Лист думал, что доисторические мегалиты

и огромные обломки скал Нижней Австрии указывают на сохранившиеся Атлантические «островки» в центре современного европейского континента. На карте, прилагаемой к работе. Лист пытался соединить геологические периоды Земли, по данным современной палеогеографии с фазами последнего теософического круга 4 320 000 000 лет или калпа по индуистской хронологии.

Почему же теософия стала такой важной частью исследований Листа? Один из ответов на этот вопрос может связываться с чрезвычайной модой на теософию и с тем фактом, что многие участники Общества Листа глубоко интересовались оккультизмом. Фридрих Ванек, например, был рьяным спиритуалистом и верным учеником теософских махатм, Мория и Куут Хууми; полковник Блазиус фон Шемуя (1856-1920) был связан с мистической школой Алоиса Мэландера в Дармштадте, с 1890, среди последователей которого были также Франц Гартман и Вильгельм Губбе-Шлейден. Шемуя был выдающимся теософом и другом Деметера Джоржвитца-Витцера (1873-1949), издававшим Zentralblatt für Okkultismus и писавшим различные оккультные труды под псевдонимом G. W. Surya; Макс Зелинг написал статью о Мэландере и другие книги по спиритизму и оккультизму; Фридрих Швиккерт (1857-1930) изучал труды сэра Эдварда Бульвер-Литтона и написал исследование об эликсире жизни. Он же стал одним из ведущих астрологов в Веймарской Германии; Карл Хейзе был участником культа Mazdarnan и вместе со своим оратом Генрихом основал коммуну под названием «Ариана» близ Цюриха; Владимир фон Эглоффштейн увлекался хронологическими построениями, касательно циклов и написал эзотерическую историю церкви. Наконец, и сам Ланц фон Либенфельс со своим мощным направлением расистского оккультизма многим был обязан теософии. Лист заимствовал некоторые идеи у своего

молодого друга: об оккультном значении тамплиеров, о манихейской борьбе между расой господ (ариогерманцы) и расой рабов (не-арийцы); о первоначальной родине арийцев, исчезнувшем полярном континенте под названием Arktogda.

Теософия предлагала этим людям целостный взгляд на мир, возможность видеть настоящее через призму прошлого. Воображаемое прошлое оправдывало множество самых разных социальных, политических и культурных идеалов, таких как расизм, магия, иерофантический элитаризм, единодушно отвергавших современный мир. Будучи вполне мифологическим, это оправдание все же включало в себя современные научные достижения, представления об обществе и истории ссылки на сверхъестественное. И это было спасением для тех, кого не устраивала современная жизнь. В лучшем случае, оккультные предрассудки могли усилить и наполнить смыслом сопротивление происходящим социальным процессам. В худшем случае, они позволяли уйти в мир фантазии, где обладатели истинного знания могли чувствовать себя удобно и издалека сетовать на беды мира действительного.

ARMANENSCHAFT

Политическая мифология Листа о сословии служителей Вотана опирается на идею политической власти посвященных как в старом, так и новом обществе. Впервые эта идея была сформирована им в лекциях и статьях 1890-х годов, но как принципиальный элемент его воображаемого мира определилась в 1908. Термин *Armanenschaft*, которым Лист определил древнюю иерархию, восходит к его адаптации тевтонского мифа изложенного Тацитом в «Германии». Римский автор со-

общает, что история происхождения древних германцев сохранилась в обрядовых песнях. Этими песнями встречали рождение земного бога Твиско и его сына Мануса - основателей расы. В них также пелось о том, что Манус имел трех сыновей, по имени которых были названы три главных племени древних германцев: племена, жившие на побережье, получили имя «Ингевонов»; жившие

континенте — «Гермионов»; и прочие — «Истевонов».

В пику Тациту и другим классическими историкам, пытавшимся связать эти имена с географией. Лист ут-

верждал, что они указывают на социальные сословия внутри ариогерманского племени. Он полагал, что Ингевоны, Гермионы и Истевоны представляют сельскохозяйственное, интеллектуальное и военное сословие соответственно. Интеллектуальное сословие, клан королей-священников, послужило Листу основанием всех дальнейших политических построений. Он германизировал слово Гермион в «Агшапеп», имея в виду наследников солнечного короля, а их сообщество определил термином «Armanenschaft».

Короли-священники были ответственны за все дела правления и образования древнего общества, эти обязанности были возложены на них их глубокой мудростью. Мудрость состояла в знании германской теософии. Обладание этим знанием рассматривалось как абсолютное и священное право политической власти для посвященных, тогда как общество расслаивалось в соответствии с тем, насколько каждый класс причастен знанию. Лист под-

черкивал то обстоятельство, что указанное знание не было одинаково доступно всем членам общества. Он указывал на двухъярусную систему экзотерического и эзотерического обучения знанию. Экзотерическая доктрина (Вотанизм) предполагала популярную форму мифов и

притч, предназначенных для низших социальных классов, эзотерическая доктрина (арманизм) имела дело с тайнами знания и ограничивалась учениками из высшего круга. Поскольку Armanenschaft было структурой, ответственной за образование, то такое разделение административно было легко достижимым.

Лист описывает Armanenschaft, пользуясь концепциями франкмасонов и розенкрейцеров. Элита священнослужителей разделялась на три ранга в соответствии с рангами иерархии ложи: вступающие в ученичество, братство и мастера масоны. Каждая ступень означала определенную степень посвящения в знание. Помня о масонских ритуалах, Лист каждый ранг древних священников снабдил собственными особыми знаками, рукопожатиями и паролями. Перед тем как перейти в ранг брата, неофит должен был провести семь лет за изучением Эдды и элементарной теософии. На следующей стадии обучения он путешествовал по другим центрам арманизма, приобретая необходимый опыт священника, руководителя и учителя. По прошествии семи лет, подготовленный и умудренный брат мог перейти в ранг мастера, на ступень полного посвящения. Здесь он прикасался к последним тайнам знания, которые не могли быть сообщены при помощи языка: Лист описывал эти таинства знания такими оккультными формулами как «утраченное слово мастера», «непроизносимое имя бога» и «философский камень», изъятых из масонского, кабалистического и алхимического наследия XVIII века или же собственной формулой, составленной из пяти гласных <f6.gif> Arehisosur <f7.gif>. Франкмасонство, таким образом, послужило Листу моделью для иерархии священников, основывающей свою власть на механизмах посвящения.

Помимо власти мастера над подчиненными ему братьями, гностическая градация поддерживала и кол-

лективную власть Annanenschaft над непосвященным большинством. Обладая «высшим и священным статусом» Annanenschaft пользовалась и соответствующими высшими привилегиями. Поскольку и король, и знать происходили из коллегии мастеров, сословие абсолютно доминировало в делах правления. Знание священников сочетало в себе науку, религию и право, что позволяло им пользоваться абсолютной властью как учителям, жрецам и судьям. Органы правления, школы и суды являлись арманистскими центрами или «высшими зонами» (Halgadome). Всякая власть, таким образом, выступала как средоточие законности и святости.

Рассказывая историю Annanenschaft, Лист продолжая опираться на оккультные материалы розенкрейцеров алхимии, военных религиозных орденов и франкмасонства. Он утверждал, что Armanenschaft, подвергнувшееся преследованиям в древней Германии, выжило до настоящего времени лишь в силу того, что его таинства тщательно оберегались в обществах розенкрейцеров и франкмасонов, рыцарскими орденами и учеными магами Ренессанса, превзошедшими все герметические каббалистические науки. Связь между этими различными группами скрывается запутанной мифологией теософов и атмосферой тайны, окружающей такие общества XVIII веке. Для того, чтобы понять оценку Листом этих групп как социальных агентов арманизма в темные времена, необходимо подробно рассмотреть эти мифологии.

История указанных мистификаций может быть понята только в связи с ростом иррационализма в середине XVIII столетия. Эта тенденция частично оказалась реакцией на изменение взглядов просвещенных наследников абсолютизма в Германии, которые отказались считаться с наследием традиционных законных привилегий, неприкосновенности духовенства и народных

предрассудков. Реформа просвещения представляла угрозу для многих людей, поскольку обещала разрушить скрепленные временем привычки и культурные ценности. В иррационализме люди нашли конкретное идеологическое оружие для борьбы с грядущим обновлением. Существовали и более древние источники нового иррационализма: традиционная религиозность, пиетизм, восхищение мистическим способом решения загадок природы, — все это находило выражение в оккультных науках. Новый иррационализм был, таким образом, результатом слишком высокой оценки эмоций и интуиции, соединенной с отвращением ко всякому аналитическому разуму, материализму и эмпиризму. Духовное настроение, широко распространенное в Германии, породило множество сект и обществ во второй половине восемнадцатого века, посвятивших себя всему оккультному и таинственному. Именно они и ответственны за оживление интереса к алхимии, розенкрейцерам и франкмасонам.

Возникновение ордена розенкрейцеров следует датировать началом семнадцатого века, когда в Касселе были опубликованы два анонимных манифеста, приписываемых Chymische Hochzeit Иоанна Валентина Андрее (1586-1654). В манифестах объявлялось о существовании тайного братства, имеющего целью «универсальное и всеобщее преобразование мира». Предположительным создателем братства назывался Христиан Розенкрейц, живший приблизительно с 1378 по 1484. Преобразование мира должно было совершиться путем соединения протестантизма с магией и алхимией и каббализма с современными медицинскими и научными знаниями. Фрэнсис Йетс высказывал предположение, что манифесты выражали надежды, возлагаемые на Фридриха II, как на «политико-религиозного лидера, призванного решить проблемы века» в то время как их содержание выглядело

своеобразным герметическим возрождением среди протестантских интеллектуалов в эпоху, когда угасли первоначальные импульсы герметизма (Возрождение, XV век). Привлекательность такого проекта во времена жесткого религиозного и идеологического противостояния кануна Тридцатилетней войны очевидна. Из этой смеси мистического благочестия, утопических надежд и герметико-каббалистических идей возник миф о розенкрейцерах, который на протяжении многих лет очаровывал интеллектуалов, стремящихся к знанию и моральному обновлению. Клаус Эпштейн отмечал, что особенно привлекательным он выглядел для консерваторов, поскольку подчеркивал ценность древней мудрости для будущего развития.

Если розенкрейцеры начала XVII века лишь частично были связаны с алхимией, то их наследники серьезно сосредоточились на овладении секретами превращений, на «философском камне» и эликсире жизни. В 1710 году в Бреслау вышла работа под загадочным названием *Die warhaffte und vollkommene Bereitung des Philosophischen Steins der Bröderschaft aus dem Orden des Gulden — und Rosen-Creutztes*. Ее автором был Sincerus Renatus, в действительности Зигмунд Рихтер, пастор в Силезии, изучавший Парацельса и Якоба Беме. В свете других документальных находок, касающихся Центральной Европы, Кристофер Макинтош утверждает, что распространенное алхимическое движение под названием *Gold und Rosenkrenz* существовало во второй половине XVIII века. То ли в 1747, то ли в 1757 в Берлине возник квазимасонский розенкрейцеровский орден с аналогичным названием, с иерархией из девяти рангов основанной на каббалистическом Древе Жизни. Эта организация имела известное политическое влияние, поскольку среди ее братьев числились король Фридрих Вильгельм II и его первый министр Иоганн Кристоф фон

Вольнер (конец 1780-х). Идеология ордена связывала мистицизм с консервативными и антипросвещенческими позициями.

Лист был знаком с источниками розенкрейцеров, поскольку использовал каббалистическую иерархию десяти степеней, особо отличающую некоторые ордена. Возможно, он унаследовал эту идею от Франца Гартмана, который мог быть знаком с розенкрейцеровскими структурами Ордена Золотого Дна (Англия), поскольку, в свою очередь, общался с Теодором Рейссом, основавшим в 1902 отдельные масонские и розенкрейцеровские ложи в Германии совместно с Вильямом Весткоттом, непосредственным участником Золотого Дна. В любом случае литература о розенкрейцерах в Германии начала века была очень многообразной. О них писали и Франц Гартман и Рудольф Штайнер, алхимико-розенкрейцеровские тексты конца XVIII века публиковались в журнале Цильмана (1905). Когда Лист сделал далеко идущее утверждение о том, что розенкрейцеры XVII и XVIII веков являлись носителями арманистского знания, он тем самым пополнил штат адептов для своего учения. Кроме отклика, какой это утверждение нашло у теософов, можно было рассматривать его и как цель первоначальных розенкрейцеров. В контексте Листа «универсальное и всеобщее преобразование» дополнялось национальным возрождением, возможным благодаря проникновению в традицию арийско-германской мудрости.

Помимо предположительной связи тамплиеров с арманизмом, необходимо отметить и отношения Рыцарей Храма с оккультизмом. Эта сложная история касается двух различных мифологических линий: средневековой легенды о тамплиерах и ее смешении с франкмасонством в XVIII веке. Основанный в 1118 году первый союз Рыцарей Храма был странствующим военно-религиозным

орденом; он вынужден был покинуть Святую Землю в 1291 году. Затем орден стал жертвой клеветнической кампании, открытой королем Франции, который не мог терпеть в своих пределах их власти и влияния. Он обвинил тамплиеров в сатанинских культах, извращениях, богохульстве, включая поклонение огромному идолу в форме человеческой головы. По причине этих наветов, орден был безжалостно истреблен, а его руководители сожжены в 1314 году. Несмотря на возможную ложность обвинений, исторические свидетельства о тамплиерах окружены аурой тайны и ереси. Атмосфера средневекового преследования сказалась и на масонской версии движения.

В начале XVIII века возникли институты современного масонства. Следует отметить, что новая организация молитвенных домов институционально была связана с действующими ложами масонов и мастеров-строителей, датирующихся еще XIV и XV веком. В конце XVII века франкмасоны стали объединять действующие ложи с целью создания организации, где профессиональная и правящая верхушка смогла бы обсуждать вопросы политики и бизнеса в атмосфере духовного единства и солидарности. Новая структура унаследовала ритуалы старой, только традиции братства стали аллегорией и символизировали идеи веры и всеобщей любви. После официального возникновения в Англии в 1717 году, масоны вскоре переместились на континент. В Германии, где масонские обряды интенсивно проникали в мистические и теософские секты, франкмасонство начало смешиваться с наследием тамплиеров.

Хотя идея рыцарского масонства впервые проникла в 1737 во Францию, первый орден тамплиеров возник в Германии под началом барона Готтхельфа фон Хунда (1722-1776). Назвав свой орден Орденом Строгого

Повиновения. Хунд объявил, что владеет секретными документами тамплиеров, датированными временем их преследования и доказывающих, что его орден является законным наследником тамплиеров. Хунд был убежден, что тамплиеры были причастны тайнам храма Соломона в Иерусалиме, что и послужило причиной возникновения ордена. Считается, что такая римская мистификация франкмасонства появилась с очевидной целью обеспечить аристократическим происхождением институт, состоящий из среднего класса, и компрометируемый низким прошлым ремесленников.

Масонский и оккультный интерес к тамплиерам в конце XVIII века повлиял и на ученых, изучающих верования и культы исторических тамплиеров. В попытке связать их ересь с экзотическими культами внимание сосредоточилось на богохульстве и на поклонении голове идола. Одна из версий описания головы, содержащихся в судебных документах, называет ее Бафомет и связывает ее смысл с мусульманской верой. Это имя отсылает также к гностическому культу Офита, процветавшему в первые пять веков нашей эры. Иозеф фон Хаммер-Пургшталь предполагал, что идол заимствован из сектанстких культов, с которыми тамплиеры находились в контакте во время пребывания в восточном Средиземноморье.

Все эти мифологии вошли в оккультный мир в конце XIX века благодаря творчеству выдающегося французского оккультиста Элифаса Леви (1810-1875), чьи работы по магии изучались Блаватской. Тамплиеров вновь наделяли тайным знанием. Оккультный тамплиеризм процветал среди квазимасонских орденов и по меньшей мере два особых ордена тамплиеров возникли на континенте около 1900 года. Ordo Templi Orientis (OTO) стала результатом спонтанной масонской деятельности Теодора Рейсса, Франца Гартмана и Карла Кельнера между 1895

и 1906; расистский Ordo Novi Templi (ONT) был основан Ланцем фон Либенфельсом около 1907.

Возможно, большинство своих идей о тамплиерах Лист почерпнул из масонских источников, но его представления были окрашены поэзией Грааля, мотивами Парсифаля, которыми его одушевил Ланц. Он широко использовал эти мифы, желая доказать, что средневековые тамплиеры пронесли арманистское знание через всю долгую ночь христианской эпохи. Лист пришел к выводу, что идол «Бафомет» был не головой, а гностическим знаком. Для Листа это был Мальтийский Крест, образованный наложением друг на друга ориентированных по и против часовой стрелки свастики. Лист утверждал, {то тамплиеры пошли на смерть за свою верность одному из самых священных арийско-германских символов и что вдохновение поздних масонских орденов тамплиеров также охраняло это значение. Лист утверждал, что тамплиеры и розенкрейцеры «представляли наиболее высокие слои тайного жречества, духовную и аристократическую тенденцию, тогда как франкмасоны являлись более низкой ступенью ... демократической тенденцией». Но помимо элитарного смысла рыцарства, тамплиеры были важны и в другом отношении. Поскольку они преследовались за свои убеждения, Лист с большей основательностью мог утверждать о существовании заговора против любых попыток возрождения древней немецкой религии и ее защитников.

В своем коротком эссе «Das Mittelalter im Armanentuin» Лист описывает еще более удаленную группу носителей арманизма. Это гуанисты Ренессанса, чье внимание сосредотачивалось на вторичном открытии герметических текстов. Особенно ценимы Листом — Пико делла Мирандола (1463-1494) и Джордано Бруно

(1548-1600) в Италии и Иоханн Рейхлин (1455-1522), Иоханн Тритемиус (1462-1516) и Агриппа фон Неттесхайм (1486-1535) в Германии. Лист утверждал, что их обращение к неоплатоническим и герметико-каббалистическим идеям стало причиной расцвета древнего национального знания и облегчило католическое удушьё средневековой Европы. Из криптографических работ Тритемиуса Лист скопировал «арийские» магические знаки; Агриппа был превознесен им как «старый арманист». Но более всего его реконструкции арманистской традиции послужил Рейхлин.

Рейхлин был провозглашен отцом немецкого гуманизма за его пионерскую работу над греческими и еврейскими текстами. Окончивший несколько университетов, Рейхлин первоначально получил образование судьи и поступил на службу в суд Вюртемберга в 1482 году. За свою службу был пожалован дворянством императором Максимилианом в 1494. Во время визита в Италию Рейхлин встретился с Пико делла Мирандолой, который подтолкнул его к изучению иврита. Впоследствии Рейхлин развил идеи, которые сделали его немецким представителем ренессансного каббализма. Он был убежден, что философия Платона берет начало в еврейских мистических книгах Каббалы. Эти идеи были развиты в его трактатах *De verbo mirifico* (1494) и *De arte cabbalistica* (1517). Кроме своих занятий еврейским мистицизмом, Рейхлин написал оригинальную работу об иврите, которая открыла путь библейской учености, основанной на древних текстах, что подтвердило его репутацию гуманиста, внесшего серьезный вклад в различные религиозные традиции, за исключением христианской.

Около 1510 года Иоханн Пфэфферкорн потребовал, чтобы евреям Германии вернули их священные книги, конфискованные церковью во время кампании по

насильственному обращению в христианство. Его требования встретили отпор антисемитской духовной партии Кельна. Рейхлин презирал этот тип религиозной нетерпимости и обрушился на аргументы антисемитов с ядовитыми насмешками, за что и был обвинен в ереси доминиканцами Кельна. Мучительная тяжба продолжалась до 1520 года, когда Рейхлин все же был освобожден от обвинения. Но именно эта защита еврейских текстов привела Листа к убеждению, что Рейхлин был посвящен в тайны арманизма. Лист полагал, что первоначальные короли-священники устно передали свое знание рабби Кельна в восьмом веке для того, чтобы уберечь его от новой волны христианских преследований. Рабби скрыли эти тайны в каббалистических книгах, которые ошибочно были использованы как представляющие еврейскую мистическую традицию. Кельнская тяжба, таким образом, представила Рейхлина как человека, пытающегося спасти сокровенные книги от антиарманистской церкви. Лист отдал Рейхлину роль великого арманистского реформатора, борющегося против католического заговора. Поклонение Листа перед Рейхлиным зашло так далеко, что он и себя считал реинкарнацией этого гуманиста XVI века.

Тамплиеры, ренессансные гуманисты, каббалисты и розенкрейцеры оказались зачислены в воображаемый ряд, протягивающийся от современных арманистов, подобных Листу и его друзьям, до преследуемых королей-священников, чье политическое господство потерпело крах во времена христианизации ранней средневековой Германии. Эта тайная традиция закрывала собой зияние, образованное христианской эпохой между благословенными древними временами и их будущим возрождением. Утверждая, что Annanenschaft никогда не умирало, но существовало в тайных сектах, Лист мог допустить, что его собственный культ еще живой след иерофантической

политической традиции, которая должна быть восстановлена в ордене, чтобы слава пангерманизма воцарилась над Европой.

Проекты новой пангерманской империи были разработаны Листом подробно и недвусмысленно. Они предполагали безжалостное подчинение неарийцев арийским мастерам в жестко организованном иерархическом государстве. Определение кандидата на образование или должность в общественных службах, в профессиональной и коммерческой сферах опиралось исключительно на признак расовой чистоты. Героическая ариогерманская раса освобождалась от всякого наемного труда и прочих унижительных занятий для того, чтобы управлять в качестве просвещенной элиты рабскими кастами неарийских народов. Лист сформулировал систему политических принципов нового ордена: должны были строго соблюдаться расовые и брачные законы; культивировалось патриархальное общество; только мужчина, глава дома, обладал правами и только ариогерманцы пользовались свободой и гражданством; каждая семья должна была иметь генеалогическую запись, подтверждающую ее расовую чистоту; новый феодализм должен был формироваться через создание крупных сословий, которые были наследственными, но правом наследования обладал только перворожденный мальчик. Эти принципы, опубликованные еще в 1911 году, невероятно похожи на Нюрнбергские расовые законы 1930-х и нацистский образ будущего.

Но Лист пошел еще дальше, предвосхитив и мистический элитаризм СС в нацистской Германии. Иерархическая структура ариогерманского общества опиралась на каббалистическое Древо Жизни. Эта оккультная система из десяти последовательных ступеней посвящения в гностические тайны служила основой но-

вого ордена. По схеме Листа две самые низкие ступени означали индивида и его семью, целиком подчиняющихся пяти уровням власти. Над ними существовали три высшие ступени, чья абсолютная власть соответствовала аналогичному расположению трех высших sefiroth (сферы) на Древе Жизни — «за покровом тайны». По Листу, восьмая ступень включала в себя верховную знать, девятую занимали только король и его ближайшее окружение. Десятая ступень символизировала Бога. Лист подчеркивал мистическое совпадение восходящих и нисходящих ступеней и истолковывал традиционную каббалистическую формулу «насколько выше, настолько ниже» в том смысле, что ариец есть богочеловек. Это использование Древа в целях политической иерархии превращало место власти в священную территорию. Поскольку древнее немецкое общество было теократическим государством, то и новый орден предполагал особую элиту, чья власть должна быть священной, абсолютной и таинственной. Идеальное государство Листа выглядело как мужской орден с оккультным собором. Аналогии с гиммлеровским планом орден-государства — поразительны.

Документы свидетельствуют о том, что Лист и члены его НАО находили большое удовольствие в том, чтобы быть членами тайной элиты. Лист стилизовал себя под Великого Мастера ордена и к нему так и обращались его последователи, тогда как и он наделял титулами сотоварищей в соответствии с иерархическими ступенями древних посвященных. Вернер Кернер был известен как *Arz-Femo-Aithari* и Лист тоже использовал титул *Arz-Wiho-Aithari*. Оба эти титула означали статус советника в девятой ступени каббалистической иерархии. Подчиненные только Богу и королю, эти советники составляли верховное собрание ордена. На погребальных монументах статус посвященного также отмечался эзотерическими знаками: в 1911 году Генрих Винтер был похоронен в

Гамбурге под грубообтесанным камнем, с вырезанной на нем свастикой; целый холм с колонной, покрытой орнаментом из знаков, воздвигли для Фридриха Оскара Ванека в 1914; в том же году Георг Хауэрштайн, похоронив свою первую жену, тоже положил в изголовье ее могилы камень со свастикой.

НАО предназначалась для мужчин, входящих в состав верхнего или среднего класса; они должны были быть немецкими патриотами и проживать на исторических землях Германии в Центральной и Восточной Европе.

Лист настойчиво заботился о современной аристократии, которая могла бы сопротивляться прославянским интересам и демократическим тенденциям Австрийского государства; он рассматривал современную аристократию как законного наследника старых королей-священников. Лист был горячим сторонником габсбургской монархии и имперской династии, которую он хотел видеть во главе новой арманистской империи. Все эти порывы отчетливо свидетельствуют о его отношении к пробуждению немецкого националистического духа среди знати и других групп, чье традиционное положение было поставлено под угрозу ростом негерманских политических влияний в Австрии.

Миф о тайной элите не нов для европейской идеологии. Он служил вечной темой для эпохи пост-просвещения, пытавшейся перенести достоинство и власть религиозной ортодоксии в более узкий контекст секты. Барон фон Хунд молился за «неизвестных настоятелей» своего Ордена Строгого Повиновения, Весткотт создал третий орден «Тайных Глав» внутри своего «Золотого Дна», Блаватская говорила о тайных мастерах «Великой Белой Ложи»: все эти авторитеты принадлежали одной традиции. Тайная элита обладала непререкаемой властью над видимыми служителями культа. Воображаемое сос-

ловие королей-священников прошлого подтверждало и оправдывало претензии Листа на скрытое значение и особую власть. В то же время предполагаемое существование современного Armanenschaft помогало вере в то, что золотой век еще может наступить и что Германия и Австрия соединятся в теократическом пангерманском государстве, где интересы неарийцев не будут играть никакой роли. В ближайшие тридцать пять лет такое видение мира приобрело законные формы в качестве иностранной политики Третьего Рейха.

6

ТАЙНОЕ НАСЛЕДИЕ

Проникнувшись современным пангерманским настроением, Лист был особенно озабочен объединением австрийских немцев с их компатриотами в Рейхе. Ему казалось, что *Armanenschaft* и его политико-религиозные установления должны процветать в самой Германии и в Дунайской области, как и в древние времена. Лист не разделял общепринятого исторического предрассудка о том, что варвары рассеяли кельтские племена края и что Шарлемань был первым, кто поселил обращенных в христианство немцев на восточных границах своей обширной империи IX века. Напротив, он утверждал, что на этой территории ариогерманская культура достигла высокого развития еще за несколько тысячелетий до ее Римской колонизации (100-375 в.), что до насильственного внедрения христианства, осуществленного Шарлеманем, здесь неизменно практиковалась религия востанизма; Шарлемань рассматривался им как «убийца саксонцев» в память о кровавом обращении в христианство язычников Северной Германии.

Лист был уверен в том, что открыл несомненные следы универсального золотого века арманизма во множестве мест своей родной страны. Несмотря на разрушительное действие времени, усугубленное христианскими влияниями он различал неясные линии и немногочисленные реликвии забытой культуры внутри и за пределами немецких поселений в Австрии. Он искал эти следы в археологических памятниках (насыпных холмах, мегалитах, укреплениях и замках, расположенных

на древних языческих территориях); в местных названиях лесов, рек и гор, многие из которых возникли еще до Каролингов и заставляли вспомнить о богах и богинях немецкого пантеона; ряд легенд и народных обычаев, которыми жив национальный фолькор, хотя и бессознательно, в бледном и искаженном виде сохранил в себе древние ариогерманские религиозные притчи и доктрины. Этими открытиями в сфере краеведения и фольклористики, Лист пытался убедить своих читателей в том, что западная или «австрийская» часть Габсбургской империи могла бы рассматриваться в историческом контексте национального прошлого — как принадлежащая языческой Германии с незапамятных времен.

Представления Листа о национальном прошлом в весьма малой степени опирались на эмпирические методы исторического исследования. Скорее, его догадки возникали в результате пророческих откровений, которые известные местности будили в его душе. Так, после прогулки в Hermannskogel, к северу от Вены и вновь, после ночлега на Гейзельберге Лист пережил состояние транса, в процессе которого почувствовал себя свидетелем религиозных битв, произошедших в этих местах много веков назад. Вооруженный редкой способностью, он мог узнавать все новые места, значимые для арманизма: вдоль Дуная, высоко в Альпах и в Vianiomina (Вена), священном тевтонском городе. Укрепления Gross-Mugl и Deutsch-Altenburg, а также Gцtschenberg, Leisserberg и Obergdnsersndorf дополнили его список святынь, напоминающих о древней вере. Лист считал, что город Ylbs построен на месте гробницы тевтонской богини Isa: что в развалинах Aggstein еще витает злой дух Agir: деревня Св. Николая вошла в список как убежище Nikuz'a, хозяина речных эльфов. Лист утверждал, что на юге Дуная, близ Мелка существует огромный ар-

манистский храм, протянувшийся на многие километры: Osterburg, Burg Hohenegg и лесную церковь в Mauer он рассматривал как элементы религиозного комплекса, имеющего центром священный камень, который теперь служит постаментом для статуи святого у ручья Zeno. Называя исторические и археологические памятники священными местами арманизма Halgadome Лист создавал личную мифологию, которая помогала приписывать культурным объектам-устойчивые националистические смыслы. Так, средствами оккультной интерпретации, он пытался перестроить прошлое страны по законам современной пангерманской идеологии.

Аналогичным образом он поступал с географией местных названий, отыскивая в них знаки древней немецкой религии. Имя Вотана, по его мнению, сохранилось в таких названиях как Wutterwald, Wulzendorf, Wultendorf и Wilfersdorf, тогда как память о его жене Фригге (известной также как Холла или Фрея) была жива в Hollenburge, Hollabnine, Hollgene, Frauendorfe, Frauenburge. Из-за того, что многие из древних языческих гробниц не были разрушены, но заново освящены и отданы христианским святым. Лист был убежден, что названия, содержащие в себе слова Микаэль, Руппрехт, Петер и Мария означают древние божества Вотана, Hruoperaht, Донара и Фриггу. Обладая таким ключом к загадкам имен, Лист имел возможность развернуть обширную сеть гробниц и святилищ посвященных религии Вотана по всей карте современной Австрии.

Наиболее плодотворными источниками, подтверждающими существование древней арманистской культуры в Австрии служили многочисленные народные сказания, легенды и эпосы, которыми Лист интересовался с раннего детства. Он утверждал, что такие основные персонажи

и мотивы волшебных сказок и приговоров, как людоед, спящий король, вольный охотник и крысолов отражают некоторые сюжеты религии Вотана. Когда Листу приходилось слушать легенды об исчезнувших замках, о преданной дружбе и разлученных любовниках, или о получеловеческих существах, он обращался к тевтонской мифологии в поисках космического значения историй, символизирующих богов зимы, богов солнца, богинь весны и смерти в естественной религии ариогерманцев. Аналогичным образом можно было проинтерпретировать и народные обычаи. В работе, специально посвященной обрядам ариогерманцев. Лист подробно изучает различные формы местной юстиции, с ее чиновниками, штрафами, испытаниями, наказаниями и всем церемониалом в связи с древними арманистскими процедурами.

Доказав при помощи этих свидетельств, факт существования языческой немецкой культуры. Лист пытается придать большее значение мифу о золотом веке, объясняя при этом падение идеального арманистского мира конкретными историческими причинами. Испытывая сильную симпатию к антикатолической кампании Георга фон Шонерера (Los von Rom, 1898), Лист направляет к той же цели свою теорию заговора, определяющую христианство как негативную и разрушительную силу в истории ариогерманской расы. Ведь если бы удалось доказать, что христианские миссионеры действительно виноваты в разрушении арманистской культуры, ее отсутствие в настоящем можно было бы связать с конкретными событиями, и было бы кого обвинить в ущемлении немецких национальных интересов в современной Австрии. Листовская версия христианизации германских земель на разные лады говорит об ослаблении тевтонских законов и морали, о разрушении немецкого национального сознания. Лист утверждает, что церковная проповедь любви и мило-

сердя расшатала строгие евгенические правила «старой арийской сексуальной морали», что новые духовные объединения размыли границы Gaue (традиционных этнических провинций), — и все это для того, чтобы принудить немцев к политической лояльности и повиновению. Наконец, лишив побежденных германцев всех религиозных возможностей и путей к образованию, удалось превратить их в рабов.

Все эти моральные и политические преступления могли быть совершены только в условиях уничтожения лидеров нации. В соответствии с Листом, деятельность христианских миссионеров началась с унижения Annanenschaft и завершилась его тотальным преследованием. Святилища были уничтожены — как центры вероисповедания, образования, управления — и тем самым устранены институциональные основания арманистской власти. Ограбленные и нищие, короли-священники были вынуждены скитаться по стране, в которой никто не признавал их положения и не ценил их священного знания. Многие из них отправились в Скандинавию или Исландию, а те кто остался в Центральной Европе пополнили собой касту отверженных, добывая себе пропитание как медники и лудильщики, странствуя с цыганами и бродячими актерами. Христианство завершило свое преследование Armanenschaft его публичным поношением. Новая вера называла старую орудием Сатаны. Оставленных храмов сторонились как «замков Антихриста»; молва превратила королей-священников в колдунов, руны — в знаки чародейства, древние праздники — в шабаши. Те же, кто упорствовал в старой вере были сожжены как еретики и ведьмы.

То обстоятельство, что церковь демонизировала (воображаемое) национальное священство было последним обвинением Листа, брошенным христианству. Но и сам

он демонизировал церковь как единственный источник зла по отношению к пангерманистской вере. Религиозное обращение при помощи миссионеров или военной силы (как в случае Шарлеманя и саксонцев) рассматривалось как грязное надругательство над единством нации, поскольку «только смешав германцев с землей, Наместник Бога смог воцариться над искусственно оглупленными подданными и править деморализованным народом, не знающим собственной национальности». Только заговор такого масштаба, влекущий за собой колоссальный процесс размывания нации, мог удовлетворительно объяснить падение арманистской культуры и уничтожение традиции.

Начиная со средних веков, поработанные немцы унавали свою историю только со слов иностранцев. Лживые хроники римских, греческих и французских авторов убеждали немцев, что до пришествия христианства они существовали в крайне жалком и примитивном состоянии. Мнение ученых называло их культурными последышами в Европе. Оспаривая факт позднего национального объединения Германии, Лист при помощи своей оккультной истории пытался доказать противоположное. Поскольку христианский заговор уничтожил все следы арманистского прошлого, для большинства людей они сделались недоступны. В этой точке оккультный характер его мысли и обнаруживал себя. Чтобы поддержать диалог между мифами прошлого и настоящим, Лист приписывал многим культурным феноменам тайный смысл. Эти факты культуры были вполне обыкновенны, но сопровождаемые тайным значением, они подтверждали его фантастические образы былого арманизма. Мы уже имели случай видеть, как в список арманистских реликвий Лист включает памятники старины, географические названия, народные сказания и обычаи. Но эти останки традиции предполагались существующими бессознательно, в иска-

женном и размытом виде. Тогда как Лист утверждал, что существует и сознательно культивируемое тайное наследие, которое вступит в силу одновременно с реставрацией арманизма в конце христианской эпохи.

Рассказ Листа о тайном наследии арманизма возвращает к тем временам, когда германские племена были силой обращены в христианство. Тогда короли-священники быстро оценили неизбежный результат этого процесса и занялись созданием тайных обществ, которые были ответственны за сохранение священного знания во все годы христианства. На тайных собраниях, известных как Kalander, тайнослужители переводили формулы своей мудрости в секретный язык Kala или Hochheilige heimliche Acht, понятный только посвященным. Этот язык позволял преследуемым носителям знания передавать другим метафизические и религиозные истины и сохранять их для потомства. При помощи глагола verkalen Лист обозначал процесс перевода эзотерической мудрости арманизма тайный код слов, символов и жестов. Этот язык помогал Листу «расшифровывать» самые разные культурные феномены в арманистском духе.

Поскольку франкмасонство и иерархия ложи послужили моделью для идеи священства, Лист и их существование использовал для того, чтобы доказать, что древняя мудрость выжила. Он полагал, что Kalande послужили социальными предвестниками будущих средневековых гильдий, близких масонским ложам своей иерархией послушников, странствующих и мастеров. Средневековые гильдии традиционно владели секретом мастерства, что защищало их членов от внешней конкуренции. Но Лист думал, что эти коммерческие секреты ремесла скрывали за собой настоящее знание, эзотерический смысл которого мог быть неясен и самим членам гильдии, поскольку память о королях-свя-

щенниках в эту эпоху уже стерлась. В качестве таких сознательных или бессознательных носителей традиции Лист называл три особых корпорации: скальды и менестрели, геральдисты и масоны, а также члены тайной средневековой службы *vehmgericht*. Культивируемые ими формы знания суть средневековые эпические песни, геральдические гербы, архитектурные детали и прочие элементы древности.

Лист утверждал, что коллегия геральдистов существовала в раннем средневековье в форме гильдии, и что целью этой корпорации было сохранение древнего гнозиса. Легко понять как возникло это мнение. Поскольку геральдика представляет собой метод идентификации личности через знаки носимые на щите и передаваемые по наследству, некоторые историки поддаются соблазну датировать ее возникновение тем временем, когда первые воины украшали свои щиты для битвы. Тогда как формальная геральдика возникла во второй четверти XII века, когда гербовые девизы на щитах начали повторяться из поколения в поколение. Польза от этой практики в крайне невежественном обществе была весьма велика; из-за роста и сложности ее короли учреждали коллегии геральдистов, которые должны были заниматься разработкой гербов и их присуждением тем или иным семьям (XV век). Интерес Листа к геральдике возник по трем особым причинам. Во-первых, эта практика возникла еще в дохристианские времена. Во-вторых, цветной герб содержал в себе разнообразные возможности интерпретации с точки зрения оккультного знания. И, наконец, генеалогия и широкое распространение геральдики продолжало эзотерическую традицию, пульсирующую в самых разных частях христианской Европы.

Лист первым выдвинул теорию о том, что ге-

ральдические знаки основаны на магических рунах (1891). Он отверг тезис историка Эриха Грицнера, связывавшего эту науку с эпохой Крестовых походов, и, напротив, демонстрировал зависимости между геральдическими линиями щита и руническими формами. Под влиянием теософских идей в 1903 году, Лист присокупил к тайному геральдическому наследию такие предположительно арманистские знаки как трискелион, свастика и солнечное колесо. Свои теории по этому поводу он изложил в серии статей, опубликованных в *Leipziger Illustrierte Zeitung* между 1905 и 1907 годами. В своем трактате «Тайна рун» (1908) он показал как рунические формы могут быть узнаны в геральдических линиях; их тайный смысл был связан с тем фактом, что внимание непосвященного сосредотачивалось на ярко окрашенных участках щита, так что разделяющие линии оставались незамеченными. Так, Лист угадывал fa — руну в гербах с угрожающими изгибами на правой от зрителя стороне щита: thuir — руну в гербах, включающих стопки монет и gibor — руне (или свастике) соответствовало множество гербов с ломаной центральной вертикальной полосой. Помимо этих рун, Лист также часто узнавал свастику в некоторых геральдических крестах.

Но это было только начало. При содействии Вернера Кернера (1875-1952), члена Общества Листа и офицера Прусской Королевской Академии Оружия с 1903, Лист расширил эти скромные наблюдения до геральдического справочника, в котором демонстрировалось наличие сохранившихся рун и бесчисленных глифов арманистского происхождения в, по меньшей мере, пятистах гербах; под многими из них родились современные аристократы Германии и Австрии. В этом изобразительном собрании арманистских реликтов Лист нашел тайный ключ для интерпретации зверей, цветов, линий и эмблем почти каждого герба. Три зверя — крот, горностаи и петух

отличали носителя оружия как члены одного из трех древних сословий: землевладельцев, королей-священников и воинов. Каждый цвет и металл строго соответствовали какой-нибудь идее арманистской доктрины, Красный символизировал слово ruoth, означавшее ариогерманский закон; зеленый отсылал к надежде и возрождению; серебряный символизировал знание, мудрость и Бога. Исходя из этих правил, Лист мог расшифровать любой геральдический знак как запись древнего знания. Некоторые из его решений были просты: серебро и лазурь эмблемы на оружии Брокхаузена должны были означать: «Храни закон и священную мудрость», но эзотерические смыслы оказывались более сложны и менее последовательны; Лист вводил здесь магические знаки из работ Иоханна Тритемиуса. Геральдический замысел он пытался понять через духа земли из гравюры Рембрандта «Маг» (1632). Поле, расчетверенное полосами из золота и лазури с двумя орлами в противоположных красных углах, серебро и черный цвет в других означало «Я жажду увидеть спасение арманизма, мудрость и закон, потому что приказы небес приходят из тьмы, а божественное благословение — из света». Эту произвольную систему интерпретации Лист завершил, наделив тайными смыслами геральдических животных. Он утверждал, что дракон, орел, червь и лев символизируют четыре стихии огонь, воздух, воду и землю, а змея означает пятую (теософскую) стихию — эфир. Поскольку грифон был сложным существом, соединившим в себе части различных животных. Лист пришел к выводу, что он должен означать весь космос.

В практическом отношении Лист был безгранично обязан Кернеру, с его глубокой погруженностью в геральдический оккультизм. Эмблемы государств, городов и благородных фамилий интерпретировались им как куль-

турные реликты древнего ордена. Бургундия, Моравия, Силезия и Карниола хранили в своих гербах старое знание, городские гербы Кельна, Базеля, Майнца тоже имели эзотерический смысл. Благодаря своим гербам, знатные фамилии Мекленбурга, Бранденбурга, Штирии и Каринции оказались законными наследниками старой иерархии. Лист неустанно множил примеры, чтобы доказать широкую распространенность арманистской контркультуры по всей Европе и за ее пределами.

Поскольку генеалогический принцип составлял основную сущность геральдики, было ясно, что следы наследия ведут к современной аристократии. Немецкие аристократы, чья политическая власть сильно пошатнулась со времен французской революции, должны были получить большое удовольствие от утверждений Листа, о том, что аристократия состоит в основном из «потомков древних иерократических фамилий». Такое знание служило эзотерическим оправданием их наследственного превосходства в борьбе с популистскими и демократическими тенденциями современности. Фридрих Фрайхер фон Гайсберг (1857-1932), член Общества Листа и вюртембергский дворянин, оказался как будто создан для листовской версии аристократической власти. В конце века он учредил Ассоциацию Св. Михаила для изучения сословия пэров и «сохранения их наследственных интересов как сословных». Лист посвятил Гайсбергу один из своих «исследовательских отчетов» и интерпретировал его герб следующим образом: «Спасение! Закон — сущность арманизма; творческая воля Бога рассеивает тьму». Речь шла, разумеется, о законах, которые гарантировали власть аристократии и будили их надежду на возрождение.

Геральдический и генеалогический оккультизм был обращен не только к аристократии. Существованию объединений, направленных на изучение генеалогии сред-

него класса указывает на то, что геральдическо-окультурные изыскания Листа имели широкую буржуазную аудиторию. Бернхард Кернер учредил Ассоциацию Роланда в Берлине, задумав издание двадцатитомного справочника, посвященного генеалогии среднего класса (1899). Ассоциация Роланда в Дрездене под руководством Германа Унбешайда занималась völkisch исследованиям геральдических вопросов с января 1902 года. Другая группа под названием Центральное Агентство Истории Немецких Фамилий была создана Хансом Брейманом в Лейпциге (февраль 1904). Для тех, кто входил эти группы геральдика и генеалогия означали поиск собственной сущности в глубине традиции, драгоценный дар и желанный образ феодального прошлого. Геральдика зримо воскрешающая рыцарские поединки, феодальные привилегии и старые замки служила впечатляющей антитезой социокультурным тенденциям настоящего. Все это обостряло голод по архаичным структурам политической власти, отвергнутой институтами современного мира. Можно вспомнить, что и Лист и Ланц были буржуа, самостоятельно добывшими себе дворянство. Средний класс явно испытывал на себе очарование феодальных приманок и потому геральдический оккультизм Листа имел большую силу.

Архитектурные увлечения Листа были похожи геральдические и по форме и по содержанию. В 1889 году он высказал предположение, что выступы на западной арке собора св. Стефана имеют аллегорический смысл. Средневековые масоны все скульптурные формы понимали как тайный код, смысл которого всегда остается собственностью братства. Во времена знакомства с Фридрихом фон Шмидтом (умер в 1891), одним из строителей собора, Лист узнал об этой масонской тайне. Усвоивший и теософскую символику, он мог развернуть архитектурный оккультизм и в геометрическом смысле.

В соответствии с Листом, священные арманистские знаки — трискелион, свастика и другие — могли быть зафиксированы в позднем готическом криволинейном орнаменте и в круглых окнах-розетках, датируемых XV веком. Такая техническая форма воплощения оккультных знаний была наиболее убедительной, что подтверждалось неизменным обращением к ней оккультистов. Но эта идея имела и два других основания. Во-первых, современники знали о масонских тайнах; это могло произойти только если бы средневековые братья вкладывали масонскую мудрость в собственные творения, предназначая для расшифровки последующим поколениям. Во-вторых, реагируя на Готическое Возрождение в Германии, Лист полагал, что готовые ответы на его вопросы можно найти, открывая тайны готической архитектуры. Он также подчеркивал, что готическая архитектура насыщена атмосферой арманистского мира и временами выделял жирным шрифтом слово *Fraktur* в своих публикациях. *Vehmgericht* была последней из тех гильдий, с которыми Лист связал задачу сохранения священного арманистского знания в христианскую эпоху. Поскольку *vehmgericht* в действительности была тайной организацией, призванной отправлять правосудие в священной Римской Империи между XIII и XVI веками, она казалась Листу наиболее эффективным посредником для передачи оккультного наследства. *Vehinik* законы возникли может быть еще до Каролингов, но приобрели историческое значение только к концу XII века. К этому времени имперскую юрисдикцию узурпировали новые владетельные князья, боровшиеся за политическую власть для феодальных сословий. Противодействуя этой новой тенденции, архиепископ Кельна возглавил старую систему местных судов, выносивших решения от имени императора. Вышедший из употребления институт, таким образом, взял на себя новую историческую роль. Из Вестфалии *vehmgericht* вскоре распространились по всей

империи, повсюду, где консерваторы пытались помещать власти князей. Впрочем, стабилизация политической жизни сделала такую систему юстиции избыточной. В начале XVI века *vehmgericht* снова существовали только в Вестфалии, а в 1811 исчезли окончательно.

Организация *vehmgericht* опиралась на полномочия множества местных судов. Сессии проводились публично или в тайне, приглашались только члены данного суда и судья, которому все безусловно повиновались. Новые члены клялись сохранять в секрете все, что касается *vehmgericht* и принимали присягу о том, что они целиком и полностью принадлежат компетенции суда. Затем им сообщали пароль и условные знаки организации, они получали символы своей службы: веревку и кинжал, с вырезанными на нем буквами S. S. G. G, которые означали невразумительный девиз String. Stone. Grass. Gree (Веревка. Камень. Трава. Зелень). С этого момента новички вступали в борьбу за феодальные привилегия против тех, кто пытался их узурпировать и предавали преступников суду.

Такова была историческая реальность *vehmgericht*, но впоследствии эта служба стала предметом романтического воображения. Благодаря тайным средствам и традиционным целям — защита исторических прав против централизующих тенденций княжеского уклада - *vehmgericht* стала символизировать героическую радикальную силу для историков Романтического периода. Ныне давно забытые готические романы, опубликованные в Германии между 1780 и 1820 годами особенно ответственны за создание впечатляющего образа *vehmgericht* как тайной мощной власти, вершащей справедливый суд над местными деспотами и их приспешниками в давние времена средневековых раздоров. Эти готические истории целиком были посвящена

мистике тайных судов. В полночь офицер *vehmgerich* мог чертить приговор на двери осужденного или просто тело, пронзенное *vehrnic* — кинжалом находили под городскими воротами. Повинуясь приказу, обвиняемый должен был прибыть в назначенное ему место. Это могла быть залитая лунным светом пустошь или одинокий перекресток; там собиралась *vehmgericht* для того, чтобы судить обвиняемого. Если человек был невиновен, он мог быть помилован; если виновен — повешен без промедления. Отказ появиться после предъявления обвинений рассматривался как убедительное доказательство вины. Беглеца преследовали *vehrnic* убийцы, они подстерегали его у кабаков, на лесных дорогах, повсюду, куда бы он ни бежал.

Лист был хорошо знаком с этими впечатляющими образами. В 1891 он описал сессию *vehmgericht*, которая предположительно происходила в замке Раухенштайя именно в таких псевдосредневековых тонах; приговоры, кинжалы, тайные путешествия, подземные тюрьмы, комнаты пыток и сияние полуночи все это с успехом послужило для того, чтобы сделать арманистскую гильдию более живой и правдоподобной для широкой аудитории. Кроме своей популярности *vehmgericht* обладала другими признаками, которые превращали ее в удобный исторический инструмент для оккультной традиции Листа. Во-первых, даже академические историки признавали, что *vehmgerichts* произошли из местных судов дохристианских времен. Лист хотя бы поэтому мог утверждать, что они являются тайной гильдией арманизма. Поскольку управление и суд являлись важными функциями королей-священников, можно было также доказать, что *vehmgerichts* являлись формой сохранения ариогерманского закона. Лист использовал также оккультные идеи для того, чтобы доказать это. Непонятные буквы на *vehrnic* кинжале были сочтены за транслите-

рацию двойной sig — руны, соответствующей двум свастикам <f8.gif> , тогда как «Kalic» слово ruoth (означающее закон) предполагало, что любой культурный объект либо красный (rot), либо в форме колеса (Rad) скрывает в себе указание на vehmgericht. Следуя за этими иррациональными размышлениями, Лист полагал, что все вообще красные придорожные кресты и мальтийские кресты в католических зонах Центральной Европы указывают на прежнюю локализацию тайных арманистских судов; а такие он находил в избытке по всей Нижней Австрии, в Богемии и даже в пригородах Вены.

Во-вторых, общепризнанные цели vehmgericht совпадали и с листовской тайной традицией. Лист только приписывал судам другие идеологические мотивы. Так, в 1905 году он опубликовал небольшое исследование о vehmgerichts, которые предположительно проводил свои сессии в Ротенкрейце, близ Штеки в XV веке. Это был период гуситских войн и время беззакония по всей Центральной Европе. Из обзора Листа ясно, что он рассматривал эти религиозные войны как чешскую кампанию против германских меньшинств в Богемии. Его vehmgerichts действовали соответственно как защитники немецких прав против-чешской тирании. Эта проекция современных националистических чувств в прошлое с очевидностью была адресована сегодняшним немецким меньшинствам. Опубликованная в ежегоднике völkisch ассоциации в Северной Моравии, эта история несомненно выглядела как оправдание перед читателями античешских установок.

Vehmgericht была идеальным агентом для тайного наследства Листа. Она одновременно культивировала тайный элитаризм и обещала известное удовлетворение тем, кто страдал от тирании выскочек. Поэтому могли быть найдены не только ее следы, но и восстановлены ее

функции. Vehmgerichts могли возникнуть снова для того, чтобы восстановить порядок в мире, современные тенденции которого угрожали некоторым индивидам. Лист и его сторонники наслаждались образом военизированной вездесущей и все же тайной силы, обещавшей воскресить новую пангерманскую империю. Эта фантазия во всей ее мрачной силе воплотилась в результате проигранной войны, когда крайне правые националисты называли себя vehrnis убийцами и совершили убийства нескольких политических лидеров в новой германской республике.

Лист использовал все возможные способы для того, чтобы доказать, существование древней национальной культуры в самом сердце наследственных габсбургских земель. Археологические памятники, местные названия, легенды, эпос и народные обычаи дунайской области — все было описано им так, чтобы убедить окружающих: эта часть центральной Европы всегда являлась частью универсальной и совершенной Германской цивилизации. Его поиск тайного, сознательно культивируемой» ар-манистского наследия, отыскиваемого в геральдических фигурах, архитектурном орнаменте и прочих древностях также прогрессировал от простого воспевания старой немецкой славы к анализу исторической роли, принятой на себя древними королями-священниками. Тайные смыслы, которые от приписал окружавшей его культуре являлись политическим завещанием и отражали ожидания последних представителей утраченного единства ариогерманской нации. Время для реставрации теперь пришло. Тайное наследие Листа предвещало близкое превращение Австрии и Германии в новую пангерманскую империю.

НЕМЕЦКИЙ ЗОЛОТОЙ ВЕК

Фриц Саксль, немецкий исследователь Ренессанса, прежде всех обратил внимание на возрастающий интерес к гаданию и предсказанию судьбы в начале двадцатого века. Он датировал эти перемены 1910 годом, отметив, что количество журналов, посвященных астрологии за последние десять лет в Германии резко возросло, их сопровождали специальные учебники, отдельные пророчества и репринты классиков астрологии. Как и следовало, наряду с астрологией появились хиромантия, нумерология, каббализм и карты таро и определили собой научный фундамент для популярного движения, чудовищно разросшегося в 1920-е годы. Допуская возможную нелепость этих наук с логической точки зрения, Саксль отмечал, что душевные и религиозные причины такого движения все же чрезвычайно важны.

В теоретическом отношении вычисление дат, на основе установленных соответствий между естественными феноменами и человеческими поступками, могло и не иметь научной ценности, но смысл предсказания отражал желания и нужды людей. Предсказание будущих событий могло оказаться жизненно важным для тех, кто испытывал тревогу и подавленность. Во время краха всех ожиданий Саксль увидел в пророчествах знак растущего социального недовольства. Он рассматривал эти проявления времени как симптомы Первой Мировой войны.

Пророчества Листа были адресованы немецкой нации в целом, но, оказалось, могли быть пригодны и для определения индивидуальной судьбы. Он предсказывал приближение эпохи благополучия, которая облегчит несчастья немецких националистов в Центральной Европе. Этот оптимистический взгляд в будущее не противоречил его пафосу по отношению к прошлому. Предсказание счастливого национального будущего оказывалось естественным продолжением ностальгии об утраченном золотом веке, поскольку означало один и тот же вообра-

жаемый мир. Прошлое и будущее представляли собой две стороны одного контридеала, возникшего на почве жестокого разочарования в настоящем; тайное наследство арманизма, пронесенное через ночь христианской эпохи, служило мостом между двумя идеальными образами; оно одновременно было реликвией древнего благополучия и предвестником нового порядка. В этой главе мы исследуем характер пророчеств Листа, оценим их социальное значение и попытаемся показать как его циклическая концепция времени поддерживала идею о фундаментальных колебаниях счастья, и как эти настроения позднее были преобразованы мыслью о спасении и линейной концепцией истории.

Три источника теологического вдохновения повлияли на циклический образ времени, в который верил Лист: непосредственно исповедуемая им святость природы, северная мифология и современная теософия. Мы уже показывали как содержание арманистских доктрин определялось «законами природы», эти же в свою очередь зависели от всеобщих планетарных и органических циклов космоса. Лист часто восхищался этими космическими ритмами еще в своих ранних очерках, посвященных национальному пейзажу: их устойчивые законы предполагали неизменный божественный принцип, в его поздних работах превратившийся в циклический образ времени. Влияние северной мифологии также очень велико в этом отношении.

Упоминания Листа о *Fimbulwinter* и *Götterdämmerung* заставляют предположить, что он был знаком с языческими легендами в соответствии с которыми ожидался приход жестокой зимы, после чего земля должна была быть уничтожена огнем и водой для того, чтобы возникнуть снова «богатой, зеленой и светлой как никогда прежде, свободной от страданий и зла». Согласно этим мифам, периоды разрушения и сотворения повторялись

непрерывно. Наконец, на Листа повлияла и теософия с ее космическими кругами и последовательными перевоплощениями индивидов в каждом круге; все это заставило его поверить в возвращение вещей.

Такое представление о времени могло уживаться с идеями о спасении и искуплении, но лишало их наиболее напряженного, конечного пункта. Завершение каждого цикла конечно означало духовную эволюцию и космическое обновление, но один цикл сменялся другим: всякий организм предназначался к падению и возвращению в вечность. Этому восточному фатализму времени и судьбы Лист предпочитал иудейско-христианскую версию спасения. Используя теософские материалы для своей космологии, он все же неохотно принимал ее эзотерические следствия. Надежда на восстановление традиционного мира и национальное возрождение вели его к западному апокалипсису. Так, в его творчестве непрерывно спорили между собой концепция линейного времени, окончательного искупления и циклические моменты, заимствованные из теософии. Помня о листовских поношениях христианства, нельзя не улыбнуться этой ситуации. В результате образ пангерманской империи оказался практически полностью основанным на западном апокалипсисе.

Еврейский и христианский апокалипсис отличаются от других форм пророчеств утверждением качественного различия между настоящим и будущим. Дуалистическая и линейная схемы времени соединяют пессимистический взгляд на настоящее с фантастическими и светлыми образами будущего. В настоящем люди всегда подвержены лишениям и несчастьям. Апокалиптический писатель часто говорит о том, что мир есть возрастание морального и физического падения. Эти жалобы сопровождаются обвинениями: мир во власти Сатаны и злых сил. В точке

совпадения с самим повествованием, исторический обзор превращается в пророчество. Апокалиптический автор предсказывает, что старые болезни усилятся, разнообразие их возрастет; он перечисляет несомненные признаки окончательной катастрофы: жестокие климатические сдвиги, засухи, землетрясения и пожары. Появляется дух зла, дракон или другое чудовище, который терзает человечество. С приближением конца времен «страдания мессии» становятся невыносимы. И тогда внезапно появляется божественный воитель, он освобождает избранных, разрушает тиранию зла и устанавливает свое божественное и справедливое царство на земле. Эти действия открывают новый век, когда радуются избранные и не знают страданий искупленные: этот новый мир не подчиняется обычным законам природы и физическим ограничениям; счастье и удача царят здесь вечно.

Основные черты западных апокалиптических пророчеств верно угаданы в этом общем очерке. Лежащий во зле, век достигает апогея, а когда приходят новые времена, те, кто страдал, оказываются спасены и возвышены. Разумеется, такие пророчества имели большую власть над несчастными людьми. Норман Кон показывал, насколько буквально относятся к таким пророчествам потерявшие в жизни люди. Когда очередные несчастья обрушиваются на них, они уже слышат «вопли мессии». Тираны обыкновенно отождествляются с апокалиптическим чудовищем последних дней, воплощением Антихриста. Растет ожидание искупителя-мессии, который исполнит пророчество, установив счастливое тысячелетие, в котором они будут участвовать как избранные. Эти надежды заставляли их думать о себе как о мессианском авангарде и бунтовать против сложившихся структур для того, чтобы завоевать для себя достойное место в новом мире. Степень их воинственности обычно определялась ощущаемой близостью спа-

сения.

Воскрешение древних религиозных фантазий в контексте западного революционного воображения свидетельствует о глубокой укорененности стремлений к счастью и комфорту во времена насилия и раздоров. Ведь нищета, эпидемии и войны всегда существовали в средневековой Европе и тем еще не порождали апокалиптических настроений: идеи золотого века тоже были традиционны. Однако движение Lebenswelt увидело в апокалиптике фундаментальную систему объяснения современных признаков упадка. Предположительный его источник идентифицировался как абсолютное зло, а уничтожение его означало предвосхищение золотого века. Абсолютные категории добра и зла, права и греха восстанавливали равновесие в умах дезориентированных людей. Эсхатологические идеи, таким образом, никогда не покидали иудео-христианской орбиты религиозного влияния.

Лист продолжал традицию апокалиптики, выражая крайний пессимизм относительно современного австрийского общества. Его возмущение особенно возросло, когда дело касалось национального вопроса. В предшествующее десятилетие статус немецкого языка и немецкой культуры в Австрии постоянно подвергался сомнению славянами империи. Процесс этот зашел очень далеко при правительстве «Железного кольца» которое поддерживало клерикальные, консервативные и славифильские интересы с 1879 по 1893 годы. Триумф славифилии наступил в 1897, когда граф Бадени ввел свои законы о языках, обязав всех гражданских служащих Богемии говорить на чешском и немецком — мера, явно направленная против немецкого населения. Лист выступил против клерикальных и социалистических партий, предпочитавших славянские интересы, под лозунгами

Шонерера и движения Los von Rom; он осудил как незаконное назначение чешских священников в немецкие приходы в этнических провинциях и отрицал преобладание славян в бюрократической системе гражданской службы.

Его критика современной Австрии затрагивала и более широкие социальные и экономические вопросы. Так, он был недоволен экономическими тенденциями, ведущими к капитализму *laissez-faire* и крупномасштабным предприятиям, поскольку они подрывали существование художников, ремесленников и владельцев небольших предприятий, принадлежащих среднему классу. Он сожалел, что торговое дело утратило свой этический кодекс, и говорил о падении гильдий как о разрушенном «оплоте бюргерского мира». Собственный план экономического устройства он ностальгически связывал с докапиталистическими формами производства, давно уничтоженными процессом обновления. Рост современного банковского дела и других финансовых институтов он оценивал как махинации безнравственного меньшинства, спекулирующего бумагами за счет честных людей, которые занимаются производством реального и качественного товара. Все финансовые операции он назвал ростовщичеством и сделал это в период антисемитской кампании, развернутой газетами Шонерера и Аурелиуса Польцера. Историю банкротства Венской фондовой биржи в 1873 он, конечно, представил как неизбежный результат современной деловой практики.

Критика Листом новой экономики действительно отражала настроения многих австрийцев. Поскольку только прекращение индустриализации, на которой сосредотачивали свое внимание государство и иностранные инвесторы, могло обеспечить капиталовложения местным предпринимателям обычно получающим деньги от банков

и кредитных организаций. По этой причине капитализм рассматривался как удел немногих. Этот взгляд еще более укрепился после краха биржи в 1873, когда широкая публика просто отказалась вкладывать деньги в бумаги. Польцер комментировал эту ситуацию следующим образом: поскольку рост капитализма был процессом, с которым большинство населения не связывало себя, преобладающими чувствами оказались пессимизм и псевдо-революционный консерватизм. Работа же Листа состояла в том, чтобы выразить эти чувства в форме апокалиптического протеста.

Не менее пессимистическим было настроение Листа в отношении современных политических и культурных тенденций. Искренний защитник монархического принципа и династии Габсбургов, Лист отрицал все народные и демократические органы представительства. Парламентаризм был для него сущей нелепостью, поскольку опирался на большинство голосов, худо ли, хорошо ли, но определяющих политику. Современные культурные веяния также не радовали его: к феминизму он относился как к проклятию; к современной живописи — как к насилию над идеей немецкого искусства; в театре преобладали иностранцы и евреи. Расхожие мнения этого периода отражали апокалиптическое убеждение в том, что мир на грани вырождения и распада.

Следуя штампам *völkisch* писателей, Лист говорил о сельских жителях как о гарантах здоровья нации. Но в результате крупных миграций в города в конце XIX века крестьянство также пришло в упадок. Посещая опустевшие усадьбы Нижней Австрии, Лист мог наблюдать печальные следствия этого процесса. Падение крестьянского сословия, по его мнению, являлось признаком общенационального истощения. Кроме того, сокращение числа жителей деревни и резкий рост городского населения

также вызывали серьезное беспокойство. Население Вены между 1870 и 1890 утроилось и городские службы уже с трудом поддерживали порядок. Одна треть временных жителей занимала помещения из двух комнат и менее; город занял одно из первых мест по заболеваемости туберкулезом в Европе. Лист заметил, что в основном жертвами перенаселения становились сельские иммигранты; трудности адаптации и плохое питание окончательно разрушали здоровье нации. Физический упадок сопровождался моральным вырождением. Подобно средневековым моралистам, перечислявшим смертные грехи. Лист сравнивал современную городскую культуру с извращениями поздней Римской и Византийской цивилизаций.

Совершенно очевидно, что описание Листом реальностей современной Австрии фундаментально обесценивало настоящее. Особенному осуждению подвергался индустриально-урбанистический комплекс и вызванные им к жизни социально-политические институты. Следуя апокалиптическим принципам, Лист зашел очень далеко в утверждениях о том, что настоящей ситуацией мир обязан владычеству злых сил. Разрушение традиционных социальных практик и институтов было вызвано, по мнению Листа, более простыми и более сознательными причинами, нежели игра рыночных сил, социальных обстоятельств и структурных изменений в экономике. Лист искал более точной персонификации социоэкономических отношений и нашел ее в грандиозном заговоре Великой Интернациональной Партии. Эта воображаемая сила представляла собой антропоморфную идею социальных влияний; тем самым все исторические события связывались с наделенными волей посредниками. Происхождение партии датировалось христианским заговором против ариогерманской иерархии. В настоящее время злой умысел Великой Интернациональной Партии

можно было обнаружить в финансовых институтах, политических партиях, пренебрегающих немецкими национальными интересами, в защите эмансипации, реформ и интернациональном сотрудничестве. Очевидный парадокс единой силы, стоящей за всеми многообразными проявлениями современного общества не мешал апокалиптической логике Листа: обнаружение низкой и бесчестной силы оправдывало его религиозный и революционный пафос в деле критики Австрийского общества. Великая Интернациональная Партия явно была воплощением сатаны, неуловимым, но злобным и чудовищным.

Перед лицом этой опасности Лист занялся поиском признаков, свидетельствующих о национальном спасении, как этого требовала традиционная апокалиптическая модель. Он изобрел несколько теорий, доказывая, что такие признаки уже имеют место, заимствуя хронологические понятия из индуистской космологии и западной астрологии. В 1910 он вновь занялся космическими циклами и их теософской популярной версией. Размышления о периодическом рождении и разрушении всех организмов позволили Листу связать его апокалиптические настроения с предположением о близком конце цикла: начало нового соответствовало бы и пришествию нового времени. Он погрузился в сложные вычисления, опиравшиеся на схемы Блаватской, чтобы доказать, что в 1897 закончился весьма существенный цикл. Другим источником для подсчетов послужили труды современных немецких астрологов-теософов. Блаватская уже писала о солнечном или звездном годе — времени, необходимом планетам, для того, чтобы занять свое место в следующем доме зодиака. Она определяла этот период как 25.868 земных лет. Лист воспользовался этим термином и произвел от него звездный сезон, который длился 0.467 земных лет. Поскольку перемены

сезона играли главную роль в пантеистической мифологии, применение концепции звездных лет к апокалиптике было вполне последовательным. В серии статей, опубликованных во время войны, Лист писал о «космических влияниях звездных сезонов», которые имеют такую силу над человеческими делами. Арманистско-каббалистические вычисления убедили его в том, что зимнее солнцестояние 1899 совпало с зимним солнцестоянием текущего звездного года. Несчастья времени и лишения войны поэтому были рассмотрены им как отражение космических бурь равноденствия, предвещающих приход звездной весны. Этот сезон означал и совершенно другой период в истории человечества. В рамках этой астрологической системы «мессианские страдания» выглядели космическими предвестниками искупления.

Другим знаком, наполнившим Листа мессианским оптимизмом, стало получение им в ноябре 1911 письма от некоего человека, называвшего себя Тарнхари. Этот человек, чье имя буквально означало «тайный король», называл себя наследником древнего рода Вольсунген.

Таинственный эмиссар из далекого прошлого сообщил Листу, что его открытия, касающиеся ариогерманского прошлого совпадают с видениями его родовой памяти. Тарнхари также подтвердил существование Armanenschaft: он утверждал, что сам является реинкарнацией короля-священника принадлежавшего к древней элите. И хотя появление Тарнхари подтверждало и касалось прошлого, Лист рассматривал реинкарнацию древнего вождя как добрый знак скорого возрождения в будущем. Другие мессианские надежды, связанные с Тарнхари, можно обнаружить в письме Фридриха Ванека к Листу, написанном в первые месяцы войны. Старый патрон считал, что Тарнхари должен выступить открыто, поскольку для Германии настал час нужды.

Все эти разнообразные знаки говорили о необходимости уничтожить сатанического врага. Лист требовал истребления Великой Интернациональной Партии, чтобы ариогерманцы могли спокойно войти в обетованные земли счастья и благополучия. В 1911 году он написал пророчество о тысячелетнем сражении, которое странно предвосхищает военные действия Первой Мировой войны: «Да, арио-германо-австрийские -корабли еще пошлют своих ядовитых пчел, лучами Донара еще ударят огромные пушки наших дредноутов, наши армии еще пойдут на юг и на запад, чтобы сокрушить врага и восстановить порядок». Описание этих боев вполне соответствует апокалиптической схеме. Грандиозный мятеж, напоминающий о сумерках богов или потоках варваров, сомнет адского врага, чтобы восстановить справедливый и всегерманский порядок. В стремлении Листа к апокалиптической мести легко угадать планы немецкой военной агрессии против негерманского мира. Он сам признавал, что интернациональная война могла бы более зримо удовлетворить его требования, и что антигерманский враг все же лучше, чем воображаемая Великая Интернациональная Партия. Превращение тысячелетнего сражения в войну наций было выгодно Листу еще и в этом отношении, что отвлекало от бесполезного и нежелательного протеста против местных структур, традиционные черты которых он все же надеялся сохранить. Соединение хилиастической агрессивности и неприязни к внутренней социальной революции подтверждалось также стремлением к национальным войнам со стороны многих консервативных революционеров и фашистов в Европе.

Первая Мировая война поэтому была встречена ликованием во всех участвующих в конфликте странах. Некоторые историки предполагали, что такая реакция народа свидетельствовала о всеобщей жажде перемен, охва-

тившей людей после нескольких десятилетий застоя. Другие думали, что это расцветающий империализм пытается отвлечь внимание от давления наступающих перемен. В любом случае, в Германии были популярны «Идеи 14 года», выразившие то чувство облегчения, которое охватило всех, когда национальное единство преодолело все социальные различия и проблемы перед лицом общего иностранного врага. Предвоенные пессимисты от культуры связывали все национальные трудности с вредными влияниями западных демократий, которые теперь пришло время уничтожить силой, в контексте этой эйфории вполне понятно и отношение Листа к войне.

В апреле 1915 Лист собрал встречу НАО в Вене. Он произнес торжественную речь, в которой приветствовал войну как начало тысячелетнего сражения, предвещавшее приход новой эпохи. Он предупредил, что этот переходный период первоначально может быть связан с увеличением трудностей, «ужасными преступлениями и сводящими с ума мучениями». Но все эти испытания должны окончательно послужить окончательному отделению добра от зла, поскольку все истинные немцы «вступая в новую эпоху не должны брать с собой ничего, что не принадлежало бы исконной природе арманизма».

Война, таким образом, играла важную роль в представлениях Листа о золотом веке. Военные действия в отношении других государств отражали «страдания мессии» и также понимались как суд справедливости, который должен делить людей на эсхатологические лагеря спасенных и осужденных. Он завершил свою речь утверждением о дуализме времени, что совершенно соответствовало западной апокалиптической традиции.

Сторонники Листа разделяли его отношение к войне. Тарнхари говорил о войне как о «священной необходимости». Эллегард Эллербек датировал свои письма

в соответствии с днями «святой войны». Лист тоже использовал такую хронологию, поставив под своим апокалиптическим этюдом, озаглавленным «Es wird einmel..!» следующую подпись «Вена, тысячный день Священной Войны, 22 апреля 1917», и отметил этот день приглашением фотографа, который запечатлел его погруженным в исследования. И прочие, принадлежавшие к кругу Листа также смотрели на войну как на крестовый поход против демонических сил; ее суровые испытания, в траншеях ли, или в голодных городах, люди встречали с гордостью, уверенные в их апокалиптическом смысле.

Эта позиция добровольного принятия страданий подталкивает к сравнению ее с феноменом, который Михаил Баркун определил как «утопию катастроф». Баркун наблюдал амбивалентный характер катастроф, которые, с очевидностью приводя людей на край гибели, могут порождать также и неожиданное чувство счастья. Он отметил, что такие события часто создают временное ощущение общей цели и что «унизительные социальные различия растворяются во внезапно теплеющей, демократической атмосфере». Эта оценка точно соответствует эйфории, описанной в «Идеях 1914» и освещает необходимым светом энтузиазм Листа по отношению к действительным лишениям войны. Поскольку вера в золотой век включала в себя убеждение в том, что счастьем должны предшествовать ужасные несчастья, то объединение в эпицентре катастрофы только подтверждало апокалиптические ожидания. Для Листа страдание являлось залогом спасения.

Но как в действительности Лист представлял себе это коллективное спасение? Свой образ золотого века он строил на материалах средневековой немецкой апокалиптики, северных легенд и современной теософии. Он рассказывал средневековую легенду об императоре

Фридрихе Барбаросса, который долго спал в горе Kyffhuser. Но однажды проснувшись, волной тевтонского гнева прокатился по всему миру, подчинив его немецкой гегемонии. В этой истории черпали вдохновение средневековые утописты, надежды которых в XIII веке сосредотачивались вокруг династии Гогенштауфенов. Позже исторические и культурные обстоятельства изменились и в XV веке основные надежды возлагались уже на императоров Фридриха IV и Максимилиана I из династии Габсбургов. Один утопический трактат того времени, озаглавленный Gamaleon, рассказывает о будущем немецком императоре, который должен подчинить себе французскую монархию и папство. Римская церковь должна была лишиться имущества, все ее духовенство предназначалось к истреблению. После победы над врагами, германцы должны были возвыситься над прочими народами. Вместо папы новый немецкий патриарх в Майнце должен был возглавить новую церковь, подчиненную императору, новому Фридриху, власть которого обнимала собой всю землю.

Листовский образ золотого века во многом составлен из элементов раннего национализма и популярной эсхатологии. Первые манифесты националистов содержали в себе ту же веру в немецкий мир, в котором однажды исполнилась божественная воля и который поэтому был источником всякого блага до тех пор, пока не был разрушен заговором низших, негерманских народов, церкви, капиталистов, евреев и кого угодно. Для восстановления идеального мира требовалась новая аристократия, руководимая божественным посланником, призванным отстоять религиозные и политические ожидания угнетенных. Лист развивал традиции исторического хилиазма, утверждая, что правление Фридриха IV и Максимилиана I означало возрождение арманистского духа, но к несчастью потерпело крах по причине заговора лютеров-

ской реформации. Также весьма значительным является то обстоятельство, что Лист с большим вниманием относился к идеям Джордано Бруно, философа и еретика XVI века. Бруно полагал, что иудаизм и христианство разложили древнюю и истинную религию, которой была для него магия египетской «Герметики» и мистицизм; такое мнение было весьма популярно среди неоплатоников Ренессанса. Бруно также стремился к освобождению, которое могло дать вновь открытое знание древних. Соединение миллениаристских чаяний и кабалистической мысли характеризовали и листовский образ новой Германии. С большим одобрением он цитирует Бруно: «О Юпитер, позволь немцам понять свою силу и они станут не людьми, но богами».

Одна из северных эпических легенд предлагает другой образ золотого века, который также весьма важен для нашего анализа. Еще в 1891 году Лист нашел стих «Волюспы», в котором появлялась устрашающая и вместе с тем великодушная мессианская фигура: Великий человек вернулся в круг правителей

Властвующий над всеми, он кладет конец раздорам
Его решения мудры и справедливы
Все, что он назначил, будет жить вечно.

Фигура «властвующего над всеми» стала основной идиомой Листа в его последующих обращениях к золотому веку. Исключительный, сверхчеловеческий индивид, способный решить все человеческие проблемы и установить вечный порядок. Божественный диктатор был особенно желанен для тех, кто страдал от неустойчивости и безосновности индустриального общества. Лист предчувствовал пришествие такого лидера, чья монолитная реальность определит социо-политические условия национального золотого века.

Наконец, и теософия предлагала свой оккультный образ золотого века. К концу войны, Лист приобрел уверенность, что австрийские и немецкие жертвы, павшие на фронтах, перевоплотятся в коллективное мессианское тело. При помощи принципа кармы он доказывал, что сотни тысяч убитых должны воскреснуть как бы охваченные пламенем милленаристской надежды: эти молодые люди должны были войти в состав элитарных мессианских корпусов в окончательной послевоенной национальной революции. Исходя из своих вычислений, основанных на «космических и астрологических законах». Лист пришел к выводу, что годы 1914, 1923, 1932 имели интимную связь с грядущим арманистским тысячелетием. Он выделял 1932 год, как время, когда божественная сила должна овладеть коллективным бессознательным немецким народом. Поколение воскресших революционеров должно было быть особенно чувствительным к воздействиям божественной силы и потому составляло лигу фанатиков, возвещающих приход нового века. Порядок, национальная месть и национальная страсть должны были превратить современное плюралистическое общество в монолитное, вечное и нерушимое государство. Этот тоталитарный образ служил Листу наброском для будущего Великого Германского Рейха. В предвосхищении нацистской Германии его вычисления ошиблись на один год.

ИОРГ ЛАНЦ ФОН ЛИБЕНФЕЛЬС И ТЕОЗОЛОГИЯ

О младшем современнике Листа Иорге Ланце фон Либенфельсе речь уже шла; он был наиболее молодым из сторонников старого гуру, сошедшихся в 1893 в Gars am Kamp для встречи с Ванеками. Ланц также был озабочен утраченным первоначальным арийским миром, но его теории были лишены той атмосферы с ее восх-

валениями древних тевтонцев и их обычаев, которая характеризовала Листа. Вместо этого его мысль опиралась на радикальную теологию, историческую избирательность и глубокомысленные научные построения. Ланц пытался оживить странный мир арийских сверхчеловеков, контролирующих средневековую Европу через аристократические религиозные и военные ордена; это был визионерский образ, насыщенный расистскими рыцарями, мистиками и святыми. Центром его арио-христианской доктрины служила дуалистическая ересь, которая описывала враждующие силы добра и зла, представленные лучшими арийцами и их спасителем Frauja — готское имя для Иисуса, который требовал священной войны против ложных арийцев, выродившихся арийцев и всех расовых меньшинств. Терминология Ланца отвечала всему разнообразию современных дисциплин, гуманитарных и естественных наук, включая антропологию, физику и зоологию; вместе с тем очевидна общая политическая направленность его мифологии и völkisch идей Листа. Ланц стал героем двух аналитических исследований и занял свое место как один из предвоенных учителей Гитлера в Вене, как об этом свидетельствуют классические биографии фюрера.

Человек, который называл себя Иорг Ланц фон Либенфельс, утверждавший, что он родился в Мессине 1 мая 1872 года от барона Иоганна Ланца фон Либенфельса и его жены Катарины, урожденной Скала, в действительности родился 19 июля 1874 года в пригороде Вены. Его отец, Иоганн Ланц, был учителем, мать действительно звали Катарина, урожденная Гоффенрайх. При крещении ребенок получил имя Адольф Йозеф. В полной противоположности его зрелым фантазиям об аристократическом и сицилианском происхождении, его родители принадлежали среднему классу и по отцу он был наследником длинной ветви венских бюргеров, изве-

стных с самого начала восемнадцатого столетия. В детстве Ланц горячо интересовался средневековым прошлым и религиозными орденами, к которым он относился как к духовной элите. Сам он рассказывал, что его особенно воодушевлял военный орден Рыцарей Храма (тамплиеров), и что он с головой ушел в их историю и легенды. Эти впечатления вполне могли определить его решение принять цистерцианское послушничество в аббатстве Heiligen Kreuz недалеко от Вены. Несмотря на возражения семьи, он вступил в орден как брат Георг 31 июля 1893 года.

Аббатство Heiligen Kreuz оказало серьезное влияние на жизнь Ланца. Белый камень церковных нефов, белые плиты, строгий романский стиль, уединенный монастырский сад, мозаика цветных стекол и могилы двенадцатого века герцогов Бабенбергов, — все это глубоко совпадало с атмосферой средневекового рыцарского романа. Ланц был истовым послушником и сделал серьезные успехи, 12 сентября 1897 он постригся в монахи, а с 19 сентября 1898 приступил к преподаванию в духовной семинарии.

Жизнь в монастыре удовлетворяла его сентиментальным стремлениям отождествить себя со священной элитой древности, кроме того, годы в Heiligen Kreuz дали ему исключительную возможность расширить свое образование под руководством его учителя, Ниварда Шлегля, специалиста по Ветхому Завету и восточным языкам.

Зрелые труды Ланца несут на себе ясный отпечаток глубокого знания Библии, редких апокрифов и гностических текстов, а также религиозных традиций и языков Ближнего Востока. Он также прилежно изучал историю аббатства и опубликовал свои исследования в нескольких научных журналах.

Особенно важна самая первая из опубликованных им работ, поскольку она является наиболее ранним свидетельством его зарождающейся ереси и специфического мировидения (Weltanschauung). Это был комментарий к отпечатку на могильном камне, извлеченном из-под монастырских плит в мае 1894. Отпечаток изображал дворянина, ошибочно идентифицированного как Бертольд фон Трейн (умер в 1254), топчущего неизвестное животное. Ланц интерпретировал эту сцену как аллегорическое изображение вечной борьбы между силами добра и зла, соответственно представленными дворянином и странным чудовищем. Ланц был особенно увлечен бестиальной интерпретацией зла. Размышления над буквальными смыслами этой аллегории убедили его в том, что корень всякого зла в мире заложен в приближенной к человеку, но животной природе. Для того, чтобы найти решение этой проблеме, он начал заниматься зоологией. Изучая священное писание, апокрифы, современную археологию и антропологию, Лист объединил существующие расистские идеи в дуалистическую религию. Голубые глаза и светлые волосы, свойственные арийской расе (как это доказали современные социал-дарвинистские авторы Карл Пенка, Людвиг Вольтман и Людвиг Вильзер) окончательно отождествлялись для него с добрым началом, тогда как различные темные отклонения — негроиды, монголоиды, жители Средиземноморья — он связал с принципом зла. Собственным вкладом Листа в расистскую идеологию стала адаптация научных взглядов применительно к гностической доктрине, представляющей светлые и темные силы в качестве космических сущностей, ответственных за порядок и хаос в мире.

Трудно сказать, насколько этими идеями Ланц обязан своему послушничеству в монастыре. Его учитель Шлегль презирал евреев Ветхого Завета как самонадеянное и надменное сообщество и его переводы Библии попали в

список книг, запрещенных церковью за антисемитизм. Расистские тенденции в мышлении Ланца вполне могли сформироваться под влиянием Шлегля. Впрочем, его не-ортодоксальные убеждения, по-видимому, вызывали серьезные трения между ним и его наставниками. Стремление же Ланца к свободе, интеллектуальной и физической, стало причиной разочарований и личного несчастья, в связи с чем он отказался от обета и покинул Heiligen Kreuz 27 апреля 1899 года. Его отъезд по-разному был воспринят главами аббатства. Настоятель обратился к нему с призывом «отвергнуть соблазны мира и плотской любви». Но Ланц дерзко обосновал свое отступничество утверждением о том, что цистерцианский орден предал свои подлинные принципы (т. е. расистские) и что теперь ему удобнее было бы извне заняться его реформой. Три его антиклерикальные книги, вышедшие сразу после того, как он покинул аббатство подтверждают это намерение. Некоторые признаки свидетельствуют о том, что он присоединился к движению Шонерера и обратился в протестантство. Говорят также о его намерении жениться; такой поступок также вынуждал его к отказу от обета и мог бы объяснить загадочные упоминания о «плотской любви».

С этого времени Ланц был свободен в выборе путей для развития своих религиозных идей, и период с 1900 по 1905 был отмечен высокой активностью и сверхъестественной скоростью его интеллектуальной эволюции. В это время он был зарегистрирован как член, по меньшей мере, двух научных обществ, где он имел возможность встретиться с выдающимися историками и учеными. Он получил патент на три изобретения, среди них — некое техническое приспособление и мотор. Он также начал писать для таких völkisch и социал-дарвинистских журналов как «Hammer» Теодора Фрича и «Политико-антропологический обзор» Людвиг Вольтмана. Одна из

статей Ланца содержала более ста ссылок на сугубо научные исследования, что подтверждало глубину его недавних занятий антропологией, палеонтологией и мифологией. Таким образом, первые работы Ланца имели научную направленность. Поскольку в 1902 году он получил докторскую степень, видимо, он защитил и диссертацию на одну из тем в рамках этой доисторической сферы.

В 1903 году Ланц опубликовал статью в журнале, посвященном изучению Библии. Она называлась «Anthropozoon biblicum» и представляла собой исследование прошлого при помощи его ранних теологических и научных гипотез. Он начал с анализа тайных культов, описанных такими древними авторами как Геродот, Плутарх, Страбон и Плиний. Он пришел к выводу, что древние античные цивилизации хранили в тайне все, связанное с сексуальностью, поскольку все, что происходило в этой области — происходило в рамках оргиастических ритуалов. Он также убедился в том, что принципиальная локализация этих культов связана с Ближним Востоком. Обдумывая эти результаты, Ланц развил свои исследования в свете недавних археологических находок в Ассирии. Два отчетливых отпечатка с клиновидными надписями, дающими ключ к загадке этих культов: отпечаток Ашурназирпала II (883-859 до н. э.) и черный обелиск Салманасара III (858-824 до н. э.). Оба эти артефакта были найдены в Нимруде в 1848 британским ориенталистом сэром Остеном Генри Лайярдом.

Оба отпечатка изображали ассирийцев, ведущих рядом с собой странных животных неизвестных видов как прирученных и домашних. Сопутствующая клиновидная надпись на первом рельефе сообщает, что король Мюсри (территория, лежащая к востоку от

пролива Agnaba) послал этих маленьких животных (ragatu) Ашурназирпалу II в качестве дани. Подобные животные были получены также от короля патинеан и короля египтян. Надпись содержала информацию о том, что Ашурназирпал разводил этих животных в своем зоологическом саду в Salah. Надпись на втором рельефе говорила о двух других видах (baziati и udumi), которые также поступали как дань из Мюсри. Сумбур филологических версий и косвенные свидетельства, почерпнутые из антропологии и этнологии позволили Ланцу выдвинуть серию гипотез касательно изображений на отпечатках.

Он предположил, что ragatu и baziati в действительности были пигмеями, описанными в некоторых научных исследованиях; но важнее была его уверенность, что арийская раса предавалась преступному соитию с этими низшими видами, произошедшими из очень ранней и совершенно особой ветви в животной эволюции. Тексты древних, данные современной археологии и антропологии, соответствующие главы Ветхого Завета вполне могли служить подтверждением версии об ужасающей практике кровосмешения. Целые главы статьи Ланца были посвящены тщательному истолкованию книг Моисея, Иова, Еноха и пророков с точки зрения выдвинутой гипотезы.

Статья, таким образом, завершала первоначальную фазу в развитии неогностической религии Ланца. Уже на этом этапе он определился относительно природы зла в мире и установил аутентический смысл священного Писания. В соответствии с его теологией, грехопадение означало просто расовый компромисс арийцев, случившийся благодаря их безнравственному скрещиванию с низшей породой животных. Следствием этих устойчивых пороков, позже институционализировавшихся как сатанинские культы, стало возникновение нескольких смешанных рас, угрожавших подлинной и священной власти арийцев во

всем мире, особенно в Германии, где эта раса была особенно многочисленна. Помимо интерпретации греха, такой тип мышления предлагал объяснение невыносимым для человека условиям, сложившимся в Центральной Европе, которые для Ланца были личной проблемой.

В том же, 1903 году, Ланц опубликовал основной корпус своей доктрины. Само ее название (Тео-зоология или Гримасы Содома и Электрон Богов) свидетельствует о гностической природе мысли Ланца. Этот текст являлся странным соединением религиозных идей, заимствованных из традиционных иудейско-христианских источников, но переработанных в свете данных современных наук о жизни: отсюда тео-зоология. Книга воспроизводила основную гипотезу ранней статьи в пределах развернутой схемы библейской интерпретации, охватывающей оба завета. Целью первой главы была попытка понять природу и происхождение пигмеев. Четыре главы, под названиями Gaia (земля), Pegu (вода), Pуг (огонь), и Aither (воздух) описывали сатаническое царство, рассказывали историю первого пигмея по имени Адам, который породил расу человеко-зверей (Anthropozoa). Ланц использовал загадочный принцип перевода; согласно ему слова «земля», «камень», «дерево», «хлеб», «золото», «вода», «огонь» и «воздух» все означали получеловека, а глаголы «называть», «видеть», «знать» и «скрывать» означали «совокупляться с» и так дальше, с целью создания мономаниакального взгляда на древний мир. В соответствии с Ланцем, основным сюжетом древней жизни был поиск и воспитание любовников-пигмеев (Buhlzwerge) для извращенных сексуальных развлечений. Поэтому основная цель Ветхого Завета выглядела как предупреждение избранных людей (арийцев!) о последствиях этой скотской практики.

Рассмотрение Ланцем божественного принципа пред-

полагало использование современных научных материалов. Уже было показано как органично употребил Ланц данные археологии и антропологии для своей доктрины: не менее чувствителен он оказался и к открытиям в сфере электроники и радиологии. Одно из первых открытий, воодушевивших Ланца, касалось тепловой эмиссии электронов от горячих тел; ее наблюдал Бондлот и назвал в 1887 году N-лучами. Спустя несколько лет Вильгельм Рентген открыл X-лучи, за что был награжден Нобелевской премией в 1901 году. К указанным формам электромагнитных излучений следует добавить открытие радиоактивности, совершенное супругами Кюри в 1898. Они последовательно помещали в изолированный источник элементы полония и радия, за что также незамедлительно получили Нобелевскую премию. Поразительные открытия захватили воображение народа, и их влияние еще усилилось попытками использования радиосвязи между 1898 и 1904 годами, последовавшими за работами Маркони и Герца.

Ланц в полной мере оценил общечеловеческое значение этих форм энергии будущего и включил представление о них в свое описание богов. Он начал с утверждения, что поколение богов существовало как наиболее ранняя и высшая форма жизни (Theozoa), совершенно отличная от Anthrozoa, родоначальником которых стал Адам. Следуя указаниям Вильгельма Больше, (1861-1939), популярного писателя-зоолога, у которого он черпал вдохновение на теософические темы, Ланц предположил, что эти божественные существа обладали необычными чувственными органами, предназначенными для восприятия и передачи электрических сигналов. Подобные органы наделяли их обладателей мощной способностью к телепатии и всемогуществом, но позже они атрофировались в рудиментарные гипофизарную и шишковидную железы, как можно видеть у современного

человека; и это произошло благодаря скрещиванию божественного племени со звероподобным. Впрочем, Ланц допускал, что всеобщая программа сегрегации могла бы вернуть эти способности арийцам, как ближайшим наследникам божественного племени.

Следующие четыре главы книги, озаглавленные Pater, Pnevma, Nyios, и Ekklesia посвящены рассмотрению Нового Завета; внимание здесь сосредотачивается на пришествии Христа и возрождении им сексуально-расистского гнозиса, необходимого для того, чтобы спасти избранных людей, а именно арийскую расу. Чудеса Христа, его магические способности и, наконец, само Преображение, — все это рассматривалось как верное доказательство его электронной природы. Ланц подтверждал эту гипотезу обильными цитатами из апокрифических материалов, служивших предметом изучения для современного немецкого научного сообщества. Страсти Христа Ланц интерпретировал как попытку насилия, искажения природы, предпринятую пигмеями, сторонниками сатанических бестиальных культов, стремящихся к скрещиванию.

Зачастую неприличные и всегда радикальные интерпретации Священного Писания логическим образом включали в себя и уже знакомые иудео-христианские идеи линейности времени и апокалипсиса. На месте древних, четко отличавшихся друг от друга божественных и демонических видов, возникли несколько смешанных рас, из которых арийская была наименее тронута чужой кровью. На протяжении всей истории низшие расы своим беспорядочным скрещиванием тиранизировали арийцев, пытаясь совлечь их вниз, в основание эволюционной лестницы. История религии описывает эту ситуацию как борьбу между эндогамным и бестиальным культурами. Финалом этой неоманихейской временной схемы высту-

пало обещание окончательного искупления и Второго Пришествия. Концепция золотого века Ланца выглядит целиком проникнутой культурным пессимизмом. Он рассматривает современный мир как принадлежащий совершенному злу:

Время пришло! Порода Содома выродилась и ничтожествует по всему Средиземноморью и Среднему Востоку... Наши тела покрыты порчей, их не спасет никакое мыло, они удумизированы, пагатизированы, базиатизированы (эти термины порчи произошли от имен ассирийских пигмеев). Жизнь человека никогда не была так убога как сегодня, несмотря на технические достижения. Демоны наступают на нас, миллионы людей гибнут в убийственной войне, развязанной ради личных целей. Дикость звероподобных людей рушит основы культуры... Почему вы ищете ад в другом месте? Не это ли ад, где мы живем, где мы горим; не ужасно ли то, что бесчинствует внутри нас (стигмы испорченной крови)?

«Мессианские муки» Ланца отражают его отношение к распространившемуся по всей Европе социо-культурному хаосу. Они должны предвещать собой золотой век в форме сексуально-расистской религии возрождения среди арийцев. Время действительно пришло. Восходящее движение низших рас во всей Европе и ее колониях должно быть обращено вспять. В этом пункте Ланц обнаруживал всю свою нетерпимость, пангерманские и монархические чувства, лежащие в основе его целостной теозоологической доктрины. Низшие классы общества он смешал с потомством низших рас и обвинил их в упадке немецкого величия и господства над миром; в соответствии с логикой западного апокалипсиса они должны были быть искоренены. Ланц обрушился на лживую

христианскую традицию сострадания к слабым и несчастным и потребовал, чтобы нация совершенно беспристрастно осудила не имеющих привилегий. Социализм, демократия и феминизм по причине их эмансипирующей силы, служили особенно важной мишенью для его беспощадной миссии. Женщины рассматривались как специальная проблема, поскольку считалось, что они гораздо более склонны к бестиальным влечениям, нежели мужчины. Только строгое подчинение их арийским мужьям могло гарантировать успех расового очищения и обожествления арийской расы. Этот процесс мог быть ускорен гуманным искоренением низших рас при помощи стерилизации и кастрации.

Сходство между предложениями Ланца и поздними гиммлеровскими материнскими организациями SS Lebensborn, а также нацистскими планами по обезвреживанию евреев и использованию порабощенных славянских народов на Востоке, указывают на возрождение через поколение всех тех же ментальных рефлексов. Ланц защищал матерей-производителей, которые должны жить в евгенических монастырях и обслуживаться чистокровными арийскими мужчинами; и эта точка зрения служила предвосхищением тезиса Гиммлера о полигамии для СС, его заботы о незамужних матерях в домах материнства СС, его планов образования и супружества для Избранных Женщин. Особые рекомендации Ланца относительно обезвреживания расовых меньшинств были довольно разнообразны и включали в себя: высылку на Мадагаскар; обращение в рабство; кремацию как священную жертву Богу; использование в качестве вьючных животных. Таким образом, мрачные размышления Ланца уже заключали в себе психопатологию нацистской страсти к уничтожению и подчинению неарийцев на Востоке.

Золотой век открывался волшебным пейзажем Германии, одновременно утопическим и аристократическим. Ланц утверждал, что следы священного электронного могущества еще присутствуют в старых княжеских династиях Германии. При условии подлинности их родословной, эти семьи можно было считать ближайшими живыми наследниками древнего божественного племени. Ланц подчеркивал, что эти князья всегда культивировали искусство и талант в своих замках и дворцах, признавая их за единственный исторический инструмент прогресса. И напротив, всегда существовал мертвый груз низших каст, подвергавший развитие нации опасности сентиментальными и вульгарными требованиями раздела власти, совершенно не учитывавшими при этом собственную расовую и гностическую неспособность к делу управления. В сфере иностранных дел Ланц настаивал на абсолютной правоте ариогерманцев и необходимости распространить их истину за рубежом, и в мировом масштабе отстаивать их право первородства. Германия уже не могла себе позволить «лишиться золотого руна мира», поскольку вся планета была ее естественной колонией с фермой для каждого смелого солдата, и, в соответствии с принципом расовой чистоты, поместьем для каждого офицера.

Апокалиптическая битва должна была разразиться над упорствующим в заблуждениях миром. Слова Ланца предвосхищали пророчества о Первой Мировой войне самого Листа: «Под ликующие возгласы освобожденных божественных героев мы могли бы завоевать всю планету... испепелив врага огнем наших пушек и батарей... установив порядок среди драчливых банд Udumu». Желанный порядок виделся пангерманистским и расистским иерархическим раем, предназначенным для гностических иерофантов и новой касты воинов; по сути дела, это был образ мировой революции, которая должна была за-

вершиться вечным мировым господством.

Но хаос не будет длиться долго, потому что в земле электрона и Священной Чаши уже рождается новое священство... Великие принцы, доблестные воины, одержимые священники, красноречивые барды, ясновидящие святые древней Германии уже идут, чтобы заковать в цепи обезьян Содома, учредить церковь святого духа и превратить землю в «Острова блаженства».

Апокалиптическое видение смешивало в образе нового отечества несколько немецких интеллектуальных традиций. Барды и святые раннего романтизма шли в религиозный рай рука об руку с принцами и воинами доиндустриального консерватизма, объединенные такими неогностическими символами как Священная Чаша, электрон и церковь святого духа. Достижение рая обуславливалось тотальным подчинением низших. Теозология, таким образом, представляла собой экстраординарное сочетание теологических и научных идей в пользу безусловной аристократической власти в царстве пангерманизма.

Весной 1905 года Ланц сотрудничал с несколькими выдающимися теологами в целях подготовки научного издания ранних еврейских текстов. Эта публикация была предпринята издательской комиссией, представляющей точки зрения иудаизма, католицизма и протестантизма: Мориц Альтшулер, ученый-раббинист, был членом Общества Листа и издавал *Vierteljahrsschrift für Bibelkunde*; Вильгельм А. Нейман, профессор теологии и каноник аббатства *Heiligen Kreuz*; и Август Вюнше, профессор-ориенталист. Издательский анонс предстоящей серии, озаглавленной *Monumenta Judaica*, обнаруживал честолюбивую природу их намерений. В первой части, «*Bibliotheca Targuminica*», предполагалось издать ранние

арамейские источники Пятлкнижия; последующие ее разделы должны были быть отведены самарийским, сирийским, готским и арабским их интерпретациям. Вторую часть «*Bibliotheca Talmudica*» предполагалось посвятить влиянию вавилонских и ассирийских идей на еврейскую религиозную традицию. Ланц был выбран католическим издателем вместо Нейманна, а его титулы, «доктор философии и теологии, профессор и пресвитер ордена Цистерцианцев» свидетельствовали о значительной его известности среди теологов, и о примирении между ним и аббатством Heiligen Kreuz. Его пригласили к сотрудничеству благодаря его глубоким знаниям текстов Септуагинты и Вульгаты и готской библии Вульфилы. Задуманные серии не были осуществлены полностью, к 1908 году вышли только первые пять томов под названием *Orbis antiquitatum*. Ланц отвечал за издание книги Бытия на основе текстов Септуагинты и Вульгаты.

Журналистика вскоре увлекла Ланца, отвлекая его от погружения в теологические исследования, кроме того его растущие связи с *völkisch* и антисемитскими партиями после 1905 года сильно препятствовали участию в иудаической программе. Его сотрудничество с Фричем, издателем первого антисемитского журнала «*Hammer*», и основание собственного органа *Ostara* в конце 1905 года возможно послужили причиной прекращения *Monumenta Judaica* за крайней амбициозностью проекта. *Ostara* (название повторяет имя языческой богини весны) возникла как журнал, посвященный политическим и экономическим проблемам габсбургской империи, рассматриваемым с позиций нетерпимых и пангерманских. Каждый выпуск писался преимущественно одним автором. Здесь работали Адольф Гарпф, Людвиг фон Вернут, Адольф Вармунд, Харальд Гравелл ван Йостенооде, не говоря о Ланце, который принял участие в первых двадцати пяти номерах. Некоторые из участников журнала

были известны как сторонники Общества Листа. Манифест журнала информировал читателей о том, что Ostara — первый и единственный расово-экономический журнал, который намерен практически использовать антропологические данные для того, чтобы научным образом сломить восстание низших рас и защитить благородство расы европейской. Публикация «теозоологических» идей вызвала широкий отклик в читательской аудитории, от журнала потребовали, чтобы расизм в нем обсуждался в связи со всеми аспектами социальной жизни, включая науку, политику, технологию, искусство и литературу. С июля 1908 года и до конца Первой Мировой войны, Ланц самолично выпустил не менее чем семьдесят один номер журнала. Основными их темами были расовая соматология, антифеминизм, антипарламентаризм, духовные различия между черными и белыми расами в сферах сексуального поведения, искусства, философии, коммерции, политики и войны, а также кастовый закон, заимствованный из индуистских кодексов Ману. Первая Мировая война рассматривалась в журнале как эсхатологическая фаза в манихейской борьбе между белыми и черными.

За годы между 1908 и 1918 связь Ланца с völkisch публицистами значительно возросла. Ostara была верна провозглашенным намерениям и тщательно отслеживала отрицательные социокультурные и экономические последствия эмансипации низших рас во всех сферах общественной жизни. Эти анализы сопровождались эмпирическим материалом, полученным от журналистов. Темы анализов легко могли быть установлены по названиям серий. Среди номеров с 26 по 89 семь были тесно связаны с классификацией расовых типов (1909), восемнадцать — посвящены вопросам пола; женщинам и проституции (особенно между 1909 и 1913), двадцать девять — духовным и физическим различиям белых и

черных, девять — религиозным и оккультным предметам, обычно составлявшим философский фундамент расового манихейства. Здесь можно еще раз остановиться на связи Ланца с теософскими и оккультными субкультурами.

Основным теософским знакомством Ланца, не считая Гвидо Листа, был Гаральд Гравелл ван Йостенооде (1856-1932), живший в Гейдельберге. К 1908 году этот ариософ написал несколько völkisch текстов, насыщенных смешанными мотивами христианской и буддистской веры, очень теософскую работу Aryavarta (1905) и кроме этого участвовал в различных националистических и теософских журналах. Он продолжил издание журнала Франца Гартмана под названием «Новые цветы лотоса» в 1913 после смерти последнего. В июле 1906 Гравелл написал номер Ostara, в котором потребовал возвращения немецкому Рейху бриллиантов габсбургской короны. Это требование символизировало собой силу миллениаристских надежд современных австрийских пангерманистов. Веком раньше, 6 августа 1806, когда священная Римская империя формально распалась, последние императоры обосновались в Вене, там же хранились и их имперские регалии. Второй Рейх, установленный Бисмарком в 1871 году и исключивший Австрию, для пангерманистов многонациональной габсбургской империи служил точкой растущей национальной удачи. Возвращение регалий новой имперской столице означало бы, по их мнению, реставрацию неокаролингианской Великой Германской Империи под знаком Гогенцоллернов и она включала бы в себя исторические немецкие земли Австрии, Богемии и Моравии. Двенадцать положений, питающихся расистскими, националистическими, антикапиталистическими и антифеминистскими чувствами вместе с проектом национальной Церкви завершали гравелловский план пангерманской империи, которая в итоге должна была включить Бельгию, Голландию и Скандинавию.

Следующий эпизод теософских отклонений в Ostara был связан со вторым вмешательством Гравелла в июле 1908 года. На этот раз он сформулировал целиком теософскую концепцию расы и план реставрации арийской власти во всем мире. Цитируемыми оккультными источниками для него послужили тексты Анни Безант, унаследовавшей Блаватской в качестве лидера международного теософского общества в Лондоне и Рудольфа Штейнера, генерального секретаря немецкого филиала общества в Берлине. За работой Гравелла последовала Bibeldocumente (1907-1908) Ланца, вышедшая в издательстве Цильмана. Новое теософское направление в мысли Ланца определялось участием Гравелла в его собственном журнале; это совершенно ясно.

Второй вариант этих серий, «Теософия и ассирийские „человеко-звери“», продемонстрировал как Ланц может использовать материалы современной теософии, как это уже было в случае с археологией и антропологией, для того, чтобы реально воплотить собственную неогностическую религию. Он начал с избирательной интерпретации основного текста Блаватской «Тайная доктрина» (1897-1901), сравнивая ее оккультную антропологию с результатами современной палеонтологии. Он разделял ее веру в исчезнувшие континенты Лемурии и Атлантиды, и воспроизвел палеогеографическое картирование мира для сравнения с картой Лемурии, исполненной английским теософом Вильямом Скотт-Эллиотом. Он сравнивал ее рассуждения об утраченном третьем глазе с рассуждениями Больше и Клаатца, вместе с тем соглашаясь с ней в вопросе о классификации доисторических монстров: *ragatu*, *lidumi* и *bariati*. Последнее и наиболее важное обстоятельство состояло в том, что Ланц нашел поразительное теософское подтверждение своей бестиаль-

ной концепции грехопадения. В восьмой строфе Дзиан, стихи 30-2, рассказывалось как ранние лемурианцы впервые разделились на два пола и как они утратили божественное благоволение, смешиваясь с привлекательными, но низшими видами и производя при этом уродов. «Они брали к себе животных женского вида, женщины-животные были прекрасны, но дочери их не имели ни души, ни разума. Монстров они брали к себе, злых демонов». Свою благосклонную оценку «Тайной доктрины» Ланц завершил сравнением схемы пяти корневых рас с антропогенической теорией палеонтолога Штратца, опубликованной в *Naturegeschichte der Menschen* в 1904 году. В соответствии с Ланцем четвертая корневая раса атлантов разделилась на чистые и бестиальные подвиды, соотносимые с ранними антропоидами и антропоморфными обезьянами. Роковой ошибкой наследников первого подвида, пятой корневой расы арийцев или *homo sapiens*, стало упорное скрещивание с наследниками второго подвида.

Присвоение Ланцем теософии для своей сексуально-расистской идеи произошло в контексте близкого знакомства с квазинаучными идеями современной Монистической Лиги, существовавшей в Германии. Первым свидетельством такой известности может служить номер *Ostara* за 1910 год. Здесь Ланц обсуждал такие философские концепции как монизм Эрнста Геккеля и Вильгельма Оствальда, неовитализм немецких плагиаторов Бергеона. Хотя Геккель считал себя материалистом, его романтическая натурфилософия и панпсихизм (вера в мировую душу и ее обнаружения в качестве энергии во всякой материи) были очень далеки от обычного механического материализма. Ланц, участвовавший в монистическом журнале *Das freie Wort* присоединялся к подобным идеям и ставил панпсихическую традицию в

связь с творчеством средневековых и других мистиков, таких как Альберт Великий, Комениус, Беме и Ангелус

Силезиус. Он утверждал, что «идеалистический монизм» является последовательным продолжением прогрессивной точки зрения героической арийской расы, тогда как материализм — это приземленное и пессимистическое мировоззрение, свойственное низшим темным расам. Эзотерические потребности Ланца отнюдь не препятствовали развитию его связей с современным монистическим движением.

Таким образом, этот «идеализм», который может быть возведен к романтизму начала девятнадцатого века и более поздним философиям воли и жизни, наряду с элементами монизма и современного оккультизма сформировали интеллектуальную базу для теологического сексуально-расистского гнозиса Ланца. Ланц был убежден, что доктрина энергии лежит в самом сердце воображаемой традиции арио-христианской мистики; что первоначально она культивировалась кланом богов, а затем сохранялась усилиями монастырей. Первым в этом ряду стояли библейские тексты, затем организации святого Бенедикта, святого Бернарда из Клерво и святого Бруно, затем ряд продолжали апостолы арио-христианской мистики, такие как Мейстер Экхарт, Парацельс, Иоганн Георг Гаманн, Юнг-Стиллинг, Карл дю Прель. Этот широкий регистр исторических носителей тайного знания указывает на то, как хорошо использовал Ланц отдельные западные традиции монастырской жизни, средневековой мистики, ренессансного герметизма в целях представления их как единой традиции теозологического знания. Необходимость мифологических оснований для его расистских взглядов также обнаруживает сходство с идеями Листа, несмотря на все различие их теологических и культурных предпочтений. Подобно Листу, Ланц возводил хранителей и приверженцев тайной традиции в

статус элиты.

Идеологические связи Ланца с оккультизмом еще усилились, когда он обратился к современной астрологической жизни Германии; это было нужно ему в целях прояснения обстоятельств апокалиптической победы Основных Сил в Первой Мировой войне. Поскольку астрологическая жизнь в Германии происходила почти исключительно в теософском контексте, большинство из только что появившихся астрологических трудов (Карла Брандлера-Прахта, Отто Полльнера, Эрнста Тьеде и Альберта Книпфа) вышли в Лейпциге под обложкой Теософского Издательского Дома после 1910. В январе 1915 Лист составил обзор астрологического творчества Полльнера и Тьеде. Первая работа Полльнера «Мировая астрология» (1914) заложила основы политической астрологии, поскольку в ней были представлены гороскопы государств, людей и городов с целью определения их будущей судьбы; во второй его работе «Судьба и звезды» (1914) прослеживалась карьера и жизненный путь членов европейских королевских семей в связи с расположением звезд при их рождении. Тьеде анализировал гороскопы государственных лидеров всех воюющих сторон и утверждал, что шанс на победу для Основных Сил составлял два к одному. Весной Ланц опубликовал другие обзоры астрологической и пророческой литературы, исследуя таких авторов как Артур Гробе-Вутишки, Брандлер-Прахт и Альберт Книпф, пытавшихся применить предсказания французского пророка Нострадамуса (1503-1566) к современному европейскому конфликту.

В августе 1915 Ланц счел, что достаточно усвоил новые астрологические и пророческие идеи для того, чтобы осуществить собственную миллениаристскую интерпретацию войны. Следуя теориям Полльнера и датского астролога, пишущего под псевдонимом С. Libra, Ланц

присвоил каждой большой стране планету и зодиакальный знак, астрологические свойства которых соответствовали культуре и духу их расы; распределение происходило по правилам арио-христианской доктрины. Затем эта «расово-метафизическая» астрология была спроецирована на межнациональную вражду. Рассмотрев события 1914 и 1915 годов в свете своего неогностического-апокалипсиса, Ланц обратился к собственно пророчеству. По его мнению, настоящая война свидетельствовала о мессианском «исполнении времен». Растущий расовый беспорядок, военный и культурный хаос должны были завершиться новым монгольским нашествием на Европу в период от 1960 по 1988 годы, доведя «мессианские муки» до мыслимого апогея и предав землю во власть демонического господства. Страшный суд предвещал золотой век, когда возникнет новая Церковь Святого Духа и породит Арийское государство, власть в котором будет отдана вечному священству, посвященному в таинства древнего сексуально-расистского гнозиса. Географическим местом рождения расистского золотого века была названа Вена; в новом политико-религиозном устройстве ей отводилась главная роль.

В конце 1920-х Ланц вернулся к астрологической схеме, при помощи которой он интерпретировал ход западной политики и религиозное развитие. В качестве основной хронологической единицы он принял платоновский год, длящийся 26,280 земных лет, «космический месяц», длящийся 2,190 земных лет, он разделил на три «космических недели», каждая из которых длилась приблизительно 730 лет и определяла собой особенную культурную эпоху. Одна такая «космическая неделя» началась предположительно в 480 году нашей эры, в этом году родился святой Бенедикт, широко известный как основатель средневековой западной монастырской традиции. В период с 480 по 1210 годы жизнь общества

руководилась «рыцарствующим духовенством орденов» (бенедиктинцы, цистерцианцы, тамплиеры, тевтонские рыцари), потому что Марс все это время находился в созвездии Рыб. И наоборот, власть грубого большинства характеризовала период 1210-1920, поскольку в это время Луна находилась в созвездии Рыб: турки и евреи ослабили европейскую политику, рост городов, капитализма, возникновение идеологий демократии и национализма, поддерживаемое растущим влиянием пролетариата и расовых меньшинств. Ланц предсказывал, что следующий период 1920-2640 будет временем возрождения иерархий, потому что в созвездие Рыб перейдет Юпитер. («Парламенты больше не будут определять судьбу людей. Вместо них к власти придут короли-священники, подлинные аристократы, проникнутые мудростью ариософской мистики и руководители тайных орденов»). Ланц приветствовал Испанию, Италию и Венгрию как «страны Юпитера», предшественники надвигающихся глобальных перемен — в этих странах в 20-х годах у власти была крайне правая диктатура.

Основные черты идеологии Ланца перед 1918 годом включали в себя представление о тайном знании и подавлении его в ходе истории в качестве официальной религии разного рода сатаническими уловками; но вместе с тем и его непрерывное воскрешение с целью создания универсального мира арийской элиты, с которой Ланц, понятно, идентифицировал себя. Природа этой элиты послужит темой для следующей главы. Но революционные проекты Ланца обладали также и специфически австрийским качеством. Его призыв «Austria erit in orbe ultima», девиз дома Габсбургов в XV и XVI веках, напоминали барочные образы католического мира, которые так отличали Южную Европу. Глубокая юношеская привязанность Ланца к церковным ритуалам, церемониям и духовной культуре указывает, по-видимому, на то, что образ нового

мирового порядка, как и особое чувство миссии, связанное с домом Габсбургов, «страсть к завоеваниям планетного масштаба, к империи, в которой никогда не заходит солнце», во многом воодушевлялся величием и универсальностью католицизма в Австрии.

9

ОРДЕН НОВЫХ ТАМПЛИЕРОВ

Желание Ланца основать рыцарский орден прямо вытекало из его расово-элитаристских концепций. Хотя теология к 1905 году формально была завершена, не вполне выясненными остались ее исторические носители; Ланц указывал только на израэлитов и ранних христиан.

Пока выходили серии *Ostara*, это рудиментарное определение расширилось, включив в себя выдающихся средневековых святых, основателей монастырей и мистиков; помимо индивидуальных агентов знания были названы

монастырские ордена и связанные с ними военные ордена крестоносцев. Такой выбор отражал личные предпочтения. Выбор рыцарства в качестве носителей гностической традиции определялся комплексом факторов, включающим в себя и собственную психологическую склонность, и неоромантический климат австрийской и германской культуры на рубеже веков. Еще мальчиком Ланц был целиком погружен в Средние Века с их карнавалом рыцарей, аристократов и монахов. Решение принять цистерианское послушничество во многом было обязано этим чувствам и, похоже, что его взрослое стремление отождествить себя с аристократией имело в своей основе те же фантазии. В качестве потомка германского дворянства, Ланц мог бы чувствовать себя реально связанным с почтенной традицией, способной превзойти настоящее.

Адольф Иозеф Ланц родился в семье, принадлежащей среднему классу, его предки по мужской линии прослеживаются до начала XVIII века, так что его претензии

на аристократическое прошлое выглядят совершенно необоснованными. Впрочем, некоторые скудные свидетельства в его пользу можно привести. Имя «Либенфельс», которое Ланц подобрал для себя в 1903 году, указывало на происхождение от старой швейцарско-швабской семьи, датируемой пятнадцатым веком. Ланц также использовал герб этой семьи, орел с серебряным крылом на красном поле. Основатель этой линии, Ганс Ланц, был цирюльником и хирургом в Меерсбурге до своего стремительного восхождения по социальной лестнице. После вступления в аристократическое братство в Констанце в 1454 году, он в 1464 женился на женщине из знатной семьи, а затем принял титул ее поместий, в том числе Шлосс-Либенфельс близ Маммерна. Между 1471 и 1475 годами Ганс Ланц работал городским судьей в Констанце. Затем его пожаловал дворянством император Фридрих III, поскольку он высоко ценил его как представляющего австрийские интересы в Швейцарии. Пожалованный титулом Ланц фон Либенфельс, он стал носить в качестве герба фамилии орла с серебряным крылом на красном поле, вымершего было к концу XIV века. Потомки Ланца фон Либенфельса (умер в 1502) занимали высокие посты в Церкви и государстве: женщины в трех поколениях на протяжении всего семнадцатого века были аббатиссами в Säckingen. После 1790 года следы семьи теряются.

В 1878 некто Lantz, полковник русской армии, служивший в Австрии, думал, что он является родственником Ланцу фон Либенфельсу, но его связи с венской семьей остались недоказанными. В 1899 справочник городской геральдики описал семью Ланца как венскую линию благородного Ланца фон Либенфельса, фамилии «баварского происхождения, некоторые из потомков которой жили в Силезии и других провинциях». Увенчанный орденами русский офицер также упоминался, но не

опознавался в качестве близкого родственника. Хотя и не существует других свидетельств об эмиграции в Восточную Европу, все же остается вполне возможным, что предок Ланца, Матиас Ланц (родился в 1720) был лишенным прав наследником таких эмигрантов. Помимо этих неточных доказательств генеалогической связи, среди друзей Ланца ходили слухи, касающиеся супружеской приставки, возникшей в его имени: одна история рассказывает о женитьбе Либенфельса после выхода из аббатства в 1899, в соответствии с другой — он находился в интимных отношениях с семьей фон Либенфельс-Фраскати. Является ли благородное происхождение только устной традицией его семьи, или же связь с другой благородной семьей привела Ланца к аристократическому титулу, — возможно так и не будет известно с определенностью, несмотря на обширные исследования его сторонников. Действительное значение этого темного генеалогического вопроса связано с последующим учреждением Ланцем рыцарского ордена. Если уж аристократический статус удовлетворял его желанию принадлежать традиционной элите, то собственный орден мог еще эффективнее решить ту же задачу.

Кроме фантазий Ланца о благородной крови, нужно обратить внимание и на его романтическое преклонение перед священными орденами, впоследствии превратившееся в последовательный интерес к тамплиерам. Впервые Ланц заинтересовался тамплиерами, читая средневековые легенды о Парсифале и рыцарях Чаши. Этот эпос был очень моден благодаря его оперной интерпретации, осуществленной Рихардом Вагнером и последующей популяризации в творчестве таких неоромантических авторов как Эрвин Кольбенхайер и Фридрих Лиенхард между 1900 и 1914. В их романах мистические странствования и рыцарский героизм соединялись с особой эмоциональной атмосферой, в которой фигура рыцаря Чаши

символизировала духовный поиск, стремление к непреходящим ценностям в окружающей обыденности материалистического мира. Эта символика была хорошо знакома Ланцу также и благодаря его контактам с группами Lebensreform, В 1907 он пришел к выводу, что рыцари Чаши действительно связаны с историческими тамплиерами, что доблестное поведение последних в Святой Земле обеспечило им превращение в архетип религиозного рыцарства XIII века.

Рыцари Храма были тесно связаны и с цистерцианским орденом. Святой Бернард Клервосский, его основатель, в 1128 году составил кодекс Храма, а впоследствии обратился к рыцарям с панегириком, восхваляя их мужественную борьбу за христианское дело. Собственное отношение Ланца к тамплиерам во многом обусловлено тем фактом, что он сам был цистерцианцем. Рыцари для него были носителями расистского гнозиса на протяжении всех Средних Веков. В их намерения, по мнению Листа, входило создание «Великого Германского ордена-государства, которое обняло бы собой все Средиземноморье и распространило свое влияние также и в глубины Среднего Востока». В 1913 он опубликовал короткое исследование, в котором Чаша интерпретировалась как электронный символ, отвечающий «панпсихическим» силам чистокровной арийской расы. Поиск «храма» для Чаши стал метафорой строгих евгенических практик тамплиеров, предназначенных для выведения божественной породы людей. Таким образом, перед 1914 годом тамплиеры стали для Ланца основным историческим носителем сексо-расистского гнозиса.

В «арио-героическом» образе тамплиеров соединились идеи веры и собственного достоинства, столь распространенные в теософских и неоромантических кругах с

современными представлениями о расовом спасении, элитаризме и пангерманизме. Их осуждение и преследование в 1312 году также имело особый смысл в рамках этого мировидения. Безжалостное искоренение благородного ордена означало триумф расовых меньшинств, на протяжении долгого времени стремившихся к устранению основных защитников евгенического культа. Господство низших сил по всей Европе наряду с нарастающим расовым хаосом в последующие века разрушило «ариохристианскую» цивилизацию и привело на грань кризиса современный мир. Однако Ланц не ограничивал себя ностальгическими образами славного прошлого. Однажды открытый подлинный смысл Писания продолжал жить в форме расистского гнозиса. Поэтому Ланц решил вновь создать исчезнувший военный орден как свой собственный *Ordo Novi Templi*; целью его был новый крестовый поход.

С помощью своих венских друзей он приобрел Burg Werfenstein как штаб-квартиру для своего ордена в 1907 году. Этот замок представлял собой романтическую средневековую руину, расположенную на краю отвесной скалы над самым Дунаем в деревне Штруден, около Грейна в Верхней Австрии. В декабрьском номере *Ostara* (1907) Ланц опубликовал программу ОНТ, характеризуя орден как арийское общество взаимопомощи, призванное воспитывать расовое самосознание посредством генеалогических и геральдических изысканий, турниров красоты, а также создания расовых утопий в слаборазвитых частях мира. Он также писал об основании музея арийской антропологии, для которого он подыскивал подходящее место (т. е. Burg Werfenstein). Рождество 1907 Ланц отметил поднятием на башне Burg Werfenstein флага с изображенной на нем свастикой. Франц Герндль, живший в уединении напротив замка, на острове *Wцrth*, вспоминал, что над замком развевались два флага: на одном был герб Либенфельса, а на другом — красная

свастика, окруженная четырьмя голубыми цветами на золотом поле. Впечатление феодального сеньора еще усиливалось тем, что Ланц все чаще использовал геральдические печати: на одной также был его герб и надпись «Jörg Lanz de Ubenfels, Dom de Werfenstein eges», другая отсылала к ОНТ. В своих статьях он постоянно обращал внимание на древнее происхождение замка и на то обстоятельство, что в пятом веке Werfenstein был связан с нибелунгами. Все эти затеи Ланца весьма способствовали ритуальному выражению его аристократизма и исполнению предполагаемой миссии.

Первыми формами деятельности ОНТ стали фестивали, проводимые на Burg Werfenstein в 1908 году. Однажды весной несколько сотен гостей прибыли на пароходе из Вены, приветствуемые Залпами маленьких пушек из увенчанного флагами замка. После завтрака в местных гостиницах гости прослушали концерт во внутреннем дворе замка; праздник закончился поздно ночью фейерверками и хоровым пением. Это событие широко освещалось в национальной прессе, способствуя тем самым распространению идей Ostara среди более широкой аудитории. Помимо публичных празднеств общегерманского характера, Ланц изобрел службы и церемониал для самого ордена, который оставался под большим секретом для непосвященных. В это время Ланц начал разрабатывать правила ОНТ, выполненные в форме дисциплинарного кодекса, соблюдаемого в традиционных религиозных орденах. И хотя он не был напечатан вплоть до окончания Первой Мировой войны, возможно, что в списках он циркулировал среди членов ордена много раньше. Исторические свидетельства об этом кодексе рисуют картину формирования движения между 1908 и 1918 годами.

Девять пунктов кодекса заключают в себе утверждение о целях ордена и его принципах; перечисление прав и обязанностей братьев; краткое описание ритуалов ордена; отдельные статьи посвящены церемониалу, иерархии, геральдике и формам одежды. Наконец, в кодекс были включены статьи, касающиеся собственности ордена, правил диспута и процедуры отставки. В первом пункте ONT описывалась как расово-религиозная организация, в которую могли входить лица с преобладанием чистой крови, а именно те, кто в большей или меньшей степени светловолос, голубоглаз и обладает арийским телосложением; признаки эти были сформулированы в анализе расовой соматологии, осуществленном Ланцем в нескольких выпусках Ostara в 1908 и 1909 гг. Аристократическая организация должна была объединить науку, искусство и этику в единой гностической религии, при помощи которой, в свою очередь, способствовать укреплению арийской расы во всех странах мира. Первая заповедь призывала каждого любить своего соседа, под соседом Ланц, разумеется, понимал собрата по расе. Обязанности братьев обнимали собой профессиональную, научную, социальную и религиозную сферы деятельности. Члены ордена должны были оказывать предпочтение братьям и равным по расе в делах, касающихся профессиональных должностей, благотворительности и бизнеса. В их обязанности входил поиск достойных неофитов и заключение евгенически чистых браков. Состоятельные члены ордена должны были поддерживать создание новых домов ONT в местах, отличающихся своим естественным великолепием или богатыми историческими ассоциациями, особенно ценились места, отмеченные следами тамплиеров и монастырской жизни: такие дома должны были служить «арио-христианскими» центрами, центрами возникновения расовой утопии.

Если научная деятельность братьев предполагала пог-

ружение в генеалогию и антропологию, то религиозная практика представляла собой эзотерическую сторону ордена. Традиционный характер ордена и его доктрины подчеркивался квази-ортодоксальной литургией, псалмами, молитвами, декламациями, сопровождаемыми органом. В 20-е годы Ланц составил несколько обширных ритуальных книг, в которых отражались католические и цистерцианские источники его вдохновения. Основным текстом был *Hebdomadarium*, включавший в себя три службы для каждого дня недели, а именно заутреню, полуденную службу и повечерие. В каждой службе

отводилось место для проповеди «арио-христианской» доктрины из *Festivarium NT*. Книга торжественных проповедей включала в себя три тома: *Legendarium* содержал в себе тексты, описывающие исторические и культурные традиции расовой религии для заутрени на каждый день года. Эти материалы занимали 1400 страниц и несли на себе отпечаток ортодоксального христианства, современной науки и истории Новых Тамплиеров; другие тома, *Evangelarium* и *Visionarium*, исполняли ту же функцию, но для полуденных и вечерних служб. К ритуальным книгам-прилагались Гимны (*Cantuarium*), книга псалмов и *Imaginarium NT* притч, в них также ортодоксальные формы католицизма смешались с сексо-расистским гнозисом. Если верить Ланцу, эти ритуалы должны были облагораживать и возвышать жизнь братьев, рассказывая им о приливах и отливах природы на протяжении всего религиозного календаря. Тем самым эзотерическая практика отражала основную задачу секты: через традиционные ритуалы и литургии восстанавливать саму форму жизни.

Помимо службы Ланц разработал иерархию ордена. В соответствии с кодексом братья разделялись на семь рангов в зависимости от их готовности к службе и степени

расовой чистоты. Низший разряд состоял из слуг (Server, SNT), расовая чистота которых, в соответствии с соматологией Ланца, определялась менее чем 50% или это были те, кто не достиг двадцати четырех лет и поэтому не прошел еще расового теста. Следующий разряд состоял из близких друзей (Familidr, FNT) — людей, оказывавших особые услуги ONT, но не стремившихся к вступлению в орден. Разряд неофитов (Novice, NNT) включал в себя всех, достигших двадцати четырех лет, расово чистых более чем на 50%, еще не готовых к вступлению в высшие разряды. Высшие разряды включали в себя Мастеров (MONT) и Каноников (CONT), они должны были обладать соответственно 50-75% и 75-100% расовой чистоты. Два самых высоких разряда иерархии — Пресвитеры и Приоры (pONT и PONT). Любой Мастер или Каноник мог стать Пресвитером, но для этого он должен был создать новый дом, новую филиацию ONT. В их права входило чтение служб и торжественных месс, но они не были допущены к приему и рукоположению братьев. Пресвитер, в чьей власти находилось более пяти Мастеров или Каноников, мог выступать в качестве Приора и пользоваться всеми правами священной службы. При любых обстоятельствах братья должны были соблюдать установленный порядок старшинства, с самого первого дня их вступления в орден.

План иерархии Ланц сопровождал описанием одежд, геральдических знаков и титулов, соответствующих разряду каждого из братьев. Основной одеждой братьев была белая сутана с капюшоном, украшенная красным рыцарским крестом, форма которого разнообразилась в зависимости от разряда носящего его. Пресвитер дополнительно носил красный берет и столу, Приор имел золотой жезл. Ритуализация распространялась и на гербы, помещаемые над входом в молитвенный дом (храм, собрание). Герб каждого отдельного братства располагался

в причудливом окружении, точный рисунок которого характеризовал орден. На этом фоне всегда присутствовали ангел и фавн, символизировавшие двойственность гностической природы ONT. Наконец, братья выбирали себе имя, которое включали в формулу: «Фра + Имя + Разряд + местоположение», например, Фра Детлеф Контад Верфенштайн (Fra Detlef CONT ad Werfenstein). К братьям следовало обращаться «достопочтенный», а к Пресвитеру и Приору — «преподобный» (*honorabilis* и *reverendus*). Совершенно очевидно, что столь интенсивное насыщение церемониала и иерархии монашеской и расистской символикой запечатлевалось в душе каждого брата фундаментальную значимость тайного гнозиса.

Службы и церемониал ONT приобрели законченный вид к 1921 году, но вполне возможно практиковались и раньше. Следы этого тщательно разработанного кодекса легко можно обнаружить по отдельным упоминаниям в номерах Ostara. В 1911 Ланц впервые описал Burg Werfenstein как монастырь ордена. Вступления в орден регулярно имели место, начиная с 1908 года, использование имен и разрядов также происходило еще перед войной. В 1912 Ланц назвал себя Приором Ордена, между 1913 и 18 годами в номерах Ostara упоминались и другие братья. Религиозная поэма, озаглавленная *Templeisenlehre* была опубликована Fra Erwin NNT von Werfenstein в 1913 году, а Детлеф Шмуд, один из первых энтузиастов движения в Германии, подписывал свои корреспонденции именем Fra Detlef CONT zu Werfenstein. Другие братья по имени Райнальд, Курт и Теодерих имели дополнительный титул CONT, MONT и SNT соответственно. В 1915 году прежний неофит Эрвин перешел в разряд Каноников.

Помимо особенностей церемониала другие формы деятельности указывали на формирование сектантского соз-

нения во время войны. К ним можно отнести сочинение религиозных песен и стихов, украшение стен монастыря картинами исполненными по обету. В 1915 и 1916 г. Ланц выпустил breviарий Новых Тамплиеров в двух частях, содержащий в себе «арио-христианские» псалмы и гимны, написанные им самим и его ближайшими друзьями. Эти сочинения были основаны на традиционных христианских текстах, но смысл их был изменен в расистском и гностическом смысле, предвосхищая тем самым более поздние ритуальные книги. Пронзительные мольбы, обращенные к Христу-Фрайя (готское имя Иисуса) о спасении расы и искоренении низших рас отражают уже знакомую дуалистическую доктрину. Картины Голубой Комнаты Тамплиеров в Burg Werfenstein изображали Гуго де Пайна, основателя и первого Великого Мастера Тамплиеров, а также святого Бернарда и должны были символизировать страдания Христа. Все эти подробности характеризуют эволюцию ордена в первые дни войны и в ходе ее.

Религиозность Новых Тамплиеров поддерживала братьев и на полях сражений. Фра Детлеф написал несколько восторженных поэм о св. Бернарде, тамплиерах и стойкости духа, когда служил в немецкой армии на восточном фронте в Польше в 1915 году. Эти поэмы прославляли святых, защищающих своих слуг и молились за них как за стражей расистского гнозиса. После боев при Nidda фра Курт тоже сочинил воинственную поэму. В других стихах описывался Дунай и Burg Werfenstein как сакральные места священного гнозиса. Сияющий образ монастыря в них высился над долинами расового хаоса; над освещенными солнцем башенными зубцами «храма Грааля» развевался флаг со свастикой, а внизу на грешной земле несли свою службу братья, облаченные в белое.

Ритуальная жизнь в ордене несомненно происходила и до и после войны, но трудно сказать как много людей были причастны эзотерическим структурам ОНТ. Помимо уже упомянутых братьев, Ланц называл среди друзей Августа Стринберга, Гвидо фон Листа, генерала Блазиуса фон Шемуя, Густава Симонса, автора хлебной реформы в Вене, Вильгельма Дифенбаха, подвижника культурной реформы и учителя известного теософского художника Фидуса. Ланц также называл среди читателей *Ostara* лорда Китченера и Карла Крауса, австрийского сатирика.

Популярность *Ostara* доказывает, что ОНТ была хорошо знакома многим австрийцам, особенно жителям Вены. Старожилы вспоминают, что в те времена *Ostara* широко продавалась во всех табачных и газетных киосках и широко читалась в студенческих организациях правой ориентации. Ланц говорил, что в 1907 количество изданных экземпляров достигло 100 000. Из чего можно сделать вывод, что шовинистские и расистские идеи Ланца разделялись читателями *Ostara*, даже если лишь немногие из них были причастны эзотерическим практикам Новых Тамплиеров.

Выпуск первых серий *Ostara* прекратился в начале 1917, были переизданы еще раз только несколько ранних номеров. Ко времени перемирия в ноябре 1918 распад империи Габсбургов стал болезненно очевиден. Мятежи, голодные бунты, протесты сецессионистов в провинциях Карниолы, Богемии и Моравии послужили сигналом крушения империи после почти четырехсот лет ее существования. Во время осенних беспорядков 1918, подтверждавших его самые мрачные предсказания относительно триумфа низших рас, Ланц уехал из Вены в Венгрию. Его первая послевоенная публикация *Weltende und Weltwende* (1923) описывала происходящее в апокалиптических терминах. Дефицит продуктов, непрерывные кризисы, растущие цены, повсеместное присутствие союзников, настаивающих на разделе территорий и репа-

рациях, — все это подтверждало его уверенность в том, что существует злобный заговор, ответственный за разрушение исторических и политических реалий, уничтожение элиты и экономическую деморализацию высшего и среднего классов. С этого времени антисемитизм и вера в союз евреев, большевиков и масонов характеризуют его «арио-христианскую» идеологию. События 1918-1923 годов, изменившие политическую карту Центральной и Восточной Европы, оказались критическими в особенности для тех, кто прочно связывал себя с предвоенным укладом. Революция и гражданская война в Германии и России, победа народных форм правления над аристократическими, выход на политическую арену парвеню многим казались свидетельствами колоссальной катастрофы. Люди, ощущавшие в 1914 году угрозу культурным ценностям, теперь столкнулись с действительностью, подтверждавшей самые худшие их опасения. Только на этой экономической и политической почве уместность доктрины Новых Тамплиеров может быть вполне оценена: для тех, кто потерял способность ориентироваться, ONT обещала крестовый поход за вечными ценностями против сил хаоса и тьмы. Послевоенная история начинается с возрождения идей Ланца в каждой из трех потерпевших поражение центральноевропейских наций.

Главным действующим лицом в послевоенном немецком возрождении ордена был Детлеф Шмуде. Его энтузиазм стал причиной создания второго монастыря в Hollenberg, около Kornelimünster 9 февраля 1914 года. После службы в немецкой армии Шмуде вернулся в 1918 в Brossotterleben в Гарце и написал роман о своей жизни в ONT. «Вибрации, резонансы и божественные предметы» (1919). В романе описывались тайные ментальные вибрации между человеческими душами, рождающиеся в опыте веры и так возвышающие ценность жизни. В нем рассказывалось о молодом человеке, живущем в

лесной часовне, посвященном мистическому христианскому богослужению, окруженном наставниками. Помимо явных описаний церемониала ONT, обычаев ордена, изображения геральдических знаков с характерной символикой ангелов и фавнов, книга имела очевидную связь с литературой «поиска» в вопросах темы и стиля. Но Шмуде был также активен и в практическом отношении. В марте 1919 как армейский капитан он участвовал в организации добровольных полевых лагерей под Магдебургом. Задача этих лагерей состояла в том, чтобы будить волю к работе среди потерявшихся в хаотической послевоенной экономике путем совместной жизни и общих аграрных работ.

Сразу после войны Шмуде начал оказывать поддержку ордену в Германии. В июне 1921 он организовал издание кодекса ONT в Магдебурге, под которым он, некто Иоганн Вальтари Вельфль и Ланц подписались как Приоры Холленберга, Верфенштайна и Мариенкампа. В 1922 он приступил к изданию второй версии *Ostara*; за первыми девятью номерами, написанными различными пангерманскими авторами еще в 1905-1907 годах последовали новые выпуски, включающие второе издание Теозологии. В первом номере, *Die Ostara und das Reich der Blonden*, настойчиво муссировался «арио-христианский» канон, с обильными цитатами из Ланца: «расовая история есть ключ к пониманию политики» и «любое уродство и зло происходят от неверного скрещивания». Шмуде выделил пять расовых типов и исследовал причины культурного кризиса, утверждая вместе с тем, что «все восточные и древние государства погубила толпа, добравшаяся до власти, диктатура пролетариата; и это произошло когда низшие расы задушили героическую арийскую правящую касту». Эти слова заново открывают нам огромное значение расовых теорий

Ланца для тех, кто был обезоружен военным поражением, экономическим кризисом и революцией.

В это время Шмуде встретил Фридриха Франца фон Хохберга (1875-1954), силезианского графа и кузена одного из правящих принцев. Он служил в прусской армии, но в конце войны вышел в отставку и начал работать как архитектор под Зиттау в Саксонии с 1920 г. В деревне Ванша он построил по собственному проекту деревенский дом, именуемый «Розовый домик». Хохберг был крайне удручен современным положением дел в Германии. Кроме того, армию он оставил вынужденно, после того как союзники потребовали сокращения численности войск; его же собственное фамильное поместье в Ронштоке находилось под угрозой польских вторжений вплоть до победы Свободных Немецких Корпусов в 1921 году. Таким образом, Хохберг вступил в ОНТ весьма растревоженным. В мае 1923 он был назначен Пресвитером Холленберга; уже в следующем декабре он соглашался с тем, что ОНТ — единственное убежище «в земле пигмеев и вандалов».

Весной 1924 Шмуде отправился в Персию в надежде основать в Табрице колонию ОНТ. Хохберг принял на себя обязанности Приора на время его восемнадцатимесячного отсутствия. Деятельность монастыря в это время свидетельствует о его энтузиазме и организационной энергии. В том году немецкие братья Ордена провели три собрания: Летнее собрание 7/8 июня на Burg H, где присутствовали тринадцать братьев, включая Фридберта Асбога, писателя по вопросам астрологической магии и медицины и Конрада Вейтбрехта, швабского лесника, который и привел в это место группу ОНТ; Сентябрьское собрание 20/21 сентября в Южной Германии для швабской группы; и, наконец, Рождественское собрание 29/30 ноября в Ганновере, где Хохберг и Вейтбрехт встретились

с десятью другими братьями. Поскольку количество присутствующих всякий раз было весьма незначительным, невозможно определить их социальную базу. Некоторые из швабов занимались сельским хозяйством, известно также, что принц Ганс Генрих XV сделал Ордену значительные пожертвования. Описания братьев подчеркивают мистическую атмосферу их собраний, рыцарские аксессуары, великолепие природы. Преобладающим настроением встреч было наслаждение временным отказом от мира, чувством мира и покоя, связанным с орденом.

Община Холленберга состояла из братьев, живущих в разных точках Германии и не имела своего места. Непрерывно совершались значительные усилия по поиску подходящего здания, необходимого для того, чтобы придать ей единство. В марте 1924 Вейтбрехт получил миллион австрийских крон, собранных братьями из Верфенштайна и Мариенкампа для покупки земли в Южной Германии. Хохберг передал пять сотен золотых марок для покупки маленькой разрушенной крепости Wickeloh около Gross-Desingen в Нижней Саксонии 26 марта 1925.

Хотя строительство началось тем же летом, монастырское братство Холленберга едва ли могло сохраниться до возвращения Шмуде в январе 1926, слишком плохи были экономические обстоятельства в Германии. Братья частично перешли в Верфенштайн и 15 апреля 1926 года Шмуде фактически распустил общину. Но ОНТ не исчезла в Германии. Немного позже Хохберг приобрел небольшое укрепление Дитфурт около Сигмарингена, где 31 декабря 1927 года была торжественно основана община Штауфен. В большой часовне крепости швабский кружок и другие немецкие братья исполняли ритуалы ордена под руководством Хохберга вплоть до конца 1930-х годов.

Другой план создания нового дома ОНТ в Северной

Германии зрел среди братьев бывшей общины Холленберга, перешедших преимущественно в Мариенкамп.

Автором этого плана был Георг Хауэрштайн младший, сын Георга Хауэрштайна, друга Листа и члена ОНТ, связанного с Шмуде перед войной. Вступив в общину

Холленберг в 1922 году юный Хауэрштайн (фра Эберхард) руководил проектом Wickeloh и мечтал о собственной расистской утопии на пустыре Luneburg. В 1926 году он продал свою землю и купил дом в Прерове на берегу Балтийского моря. Он хотел построить на этом месте церковь, которая называлась бы Hertesburg у Прерова и создал с этой целью фонд в августе 1926, в который вносили пожертвования венгерские братья и берлинский хиромант Эрнст Иссбернер-Хаддан. Лесной храм был построен на этом месте в следующем году и освящен как Hertesburg пресвитерия 8 ноября 1927 года. Эта община связывала себя с тайнами средневекового храма и мистическим исчезнувшим городом Rethra-Vineta, предположительно стоявшим у истоков «арио-героической» расы в псевдотрадиционной истории ОНТ. Здесь Хауэрштайн создал новый центр деятельности ордена и в начале 30-х издал две книжных серии, но затем эта территория была принудительно востребована Лесной Комиссией Рейха как часть национального парка в октябре 1935 года. Тогда Хауэрштайн основал новую пресвитерию Петена в Путтенхофе, Бавария. Помимо ритуальной жизни ОНТ, доктрина Ланца -культивировалась отдельными группами, существовавшими вокруг оккультно-расистского издателя Герберта Рейхштайна, начиная с октября 1925.

В последние годы войны Ланц познакомился и подружился с человеком, чье богатство и покровительство спасли орден в послевоенной Австрии. Иоганн Вальтари Вельфль, крупный промышленник, живший в Вене, стал читателем Ostara в начале 1918 года. Идеи ОНТ на-

столько захватили его, что он предложил Ланцу значительные фонды при условии, что он станет Приором Верфенштайна. И он занял эту должность после отъезда Ланца в Венгрию. Под его приоратом австрийская секция ордена буквально процветала. Община из 50-60 братьев часто получала денежные, книжные и ритуальные пожертвования для украшения монастыря. Маленький старый орган был доставлен из Schloss Steyeregg и его регулярно можно было слышать на воскресных службах и в праздники. Хотя канонические собрания в 1923 году не происходили в силу неблагоприятных политических условий в новой социалистической Республике, встречу, посвященную солнцестоянию, все же провели в Верфенштайне 7/8 июня 1924, на ней присутствовали Вельфль, два брата Ланца, Хервик и Фридолин; и двенадцать других братьев. Празднования начались в полночь в замковой роще с крещения водой и огнем, затем последовал прием в орден и рукоположение новых братьев. За утренними службами следовала медитация в роще, затем конференция в Голубой Храмовой Комнате и прогулка вокруг замка с возможностью восхищаться панорамой лежащего внизу Дуная. После вечерней службы все пели песни. Основным впечатлением праздника, отраженным в письмах братьев, было «удивительное чувство единства, внутренняя ясность и гармония...» Эти летние встречи повторялись в 1925 и 1926 годах.

В 1920-х Вельфль подготовил несколько публикаций, вместе с Ланцем он составил литургический канон ОНТ. В апреле 1923 он начал издавать Tabularium, ежемесячный календарь, предназначенный для хождения среди братьев. Каждый из трех архиприоров вносил сюда свои заметки, рассказывающие о приеме в орден, рукоположении, пожертвованиях и других значимых событиях. Описание богослужения за весь период также включалось сюда.

Репринты отдельных выдержек из писем братьев, описывающие их религиозный энтузиазм, составляли последний раздел календаря. Летом 1925 Вельфль приступил к двум другим сериям, Librarium и Examinatorium. Первая включала в себя короткие исследования о средневековом прошлом ордена, о предшественниках, о замке Верфештайн, о Lebensreform. Вторая представляла собой сборник вопросов и ответов по всем предметам, касающимся ордена, для того, чтобы новые братья могли быстро и эффективно освоить его историю, традиции и церемониал. Неоцистерцианские и псевдотрадиционные тенденции этих текстов вполне очевидны.

В конце 1920-х Вельфль занялся эзотерическим творчеством и тем весьма способствовал освежению доктрины Ланца для широкой аудитории. В мае 1926 он получил разрешение от Ланца на публикацию третьей серии Ostara, которая и была выпущена в надлежащий срок в феврале 1927, открытая вводным выпуском, написанным им самим. Между 1927 и 1931 годом более чем сотни номеров вышли великолепно иллюстрированными и на хорошей бумаге, что значительно отличало их от предвоенных выпусков. Вельфль также внес идеи ONT в правые круги Вены, через организацию, называемую Lumenclub, основанную 11 ноября 1932 года. Задачей этой группы была борьба с «уродливыми, болезненными и прогнившими формами современной культуры» путем создания «этического и духовно возвышенного образа жизни». Несмотря на этот манифест, напоминающий о предвоенных теософских и Lebensreform настроенных, Lumenclub был тесно связан с Ostara-Rundschau, который Вельфль начал издавать в апреле 1931. Этот обзор опирался на план панарийского сотрудничества между радикальными правыми группами всего мира. Справочник их адресов включал в себя штаб-квартиры итальян-

янских и французских фашистских органов, нацистский *Völkischer Beobachter*, а также патриотические и расистские организации в Великобритании и Соединенных Штатах. То обстоятельство, что *Lumenclub* был одним из фронтов ОНТ, подтверждается составом членов в его комитетах в 1936 году: Вельфль, Вальтер Кренн (фра Парсифаль), Теодор Цепль (фра Теодерих, позже Дитрих). *Lumenclub* выпускал листовки, устраивал лекции и вообще действовал как центр находящейся на нелегальном положении нацистской партии в Австрии, в годы, предшествующие падению Республики и разрыву с Германией в марте 1938. Впрочем, несмотря на серьезный вклад в развитие австрийского фашизма, *Lumenclub* и ОНТ подверглись преследованию со стороны гестапо в марте 1942 в соответствии с партийным законом от декабря 1938 о сектантских группировках.

Перемещения Ланца в 1920-е годы способствовали росту активности ОНТ на территории Венгрии. В конце 1918 Ланц оставил Австрию, поскольку новая социалистическая администрация целиком подтверждала его опасения относительно победы расовых меньшинств в самом сердце христианской Европы, и отправился в Будапешт. Здесь он тут же с головой ушел в контрреволюционную деятельность, направленную против возникающих как грибы кабинетов и против румынских вторжений в 1918-19 гг. Он вступил в тайную патриотическую организацию «Пробуждающаяся Венгрия», основанную в 1917 году среди демобилизованных солдат. Осенью 1918 года, когда старая Венгрия была на грани гибели и правительство Кароли уже не могло встать на защиту национальных интересов, эта и другие правые организации самостоятельно отстаивали территориальное единство Венгрии снаружи и ее социальную стабильность внутри. «Пробуждающаяся Венгрия» рассматривала себя как основную исполнительную силу внутреннего Белого

Террора, направленного против сторонников Кароли и Куна, против коммунистов и евреев, хотя многие более мелкие партии помогали ей в этом. Во время коммунистической революции Ланц был едва не расстрелян повстанцами в пасхальное воскресенье 1919; за время его контрреволюционной деятельности это был уже второй случай, когда ему непосредственно угрожала смерть. Хотя история подпольных движений неясна и запутанна, все же очевидно, что участие в них Ланца должно было принести ему знакомство с выдающимися правыми радикалами Венгрии и тем самым сильно повлиять на его политические идеи. Существенно, что возникновение новых антисемитских и антибольшевистских концепций датируется именно этим временем.

В начале 1920-х венгерская контрреволюция победила благодаря покровительству коалиции, куда входил и консервативный Христианский Национальный Союз; Ланц стал работать в Христианском Национальном пресс-агентстве при венгерской службе иностранных дел: он поставлял реакционные статьи в ежедневные газеты *Fester Post* и *Fester Zeitung*. Надо признать, что для человека таких политических взглядов как Ланц в те тяжелые годы Венгрия была куда более удобной страной, нежели Австрия. Ланц остался в Будапеште и стал известен в консервативных кругах как лэкспатриированный немецкий барон». Его литературные усилия были одновременно направлены на реакционную журналистику, составление литургических канонов для ОНТ и оккультные занятия. Поскольку последние предполагали астрологию и каббализм, Ланц оказался одним из наиболее ранних героев в оживающих после войны оккультных субкультурах Центральной Европы.

Положение ОНТ в Венгрии первоначально определялось связями Ланца в столице, оттуда в 1921 году он

руководил монастырем Мариенкамп. Братья этой общины находились преимущественно за границей. Фра Бертрам после войны эмигрировал в Аргентину; немецкий аристократ (K. v. L.), известный под именем фра Хлодио, носил также кличку Нью Йоркер, поскольку жил в этом городе; австрийский химик и инженер Альбрехт фон Гролинг (род. в 1881), известный как фра Амаларих, работал в Лондоне, Техасе и Калифорнии. Он был сыном Альбрехта Фридриха фон Гролинга (род. в 1851), прежде выдающегося венского пангерманиста, связанного перед войной с Георгом фон Шонерером. Вместе с фра Амаларихом MONT и фра Арчибальдом MONT Ланц занимался кэбалистическими исследованиями: между ним, экспатрированными братьями и братьями двух других общин существовала интенсивная переписка. Эта ограниченная деятельность расширилась после того, как Ланц приобрел разрушенную церковь св. Балаша (XIII век), около деревни Szentantalfa на северном берегу озера Балатон 6 января 1926 года в качестве места для монастыря Мариенкамп. Местные венгерские друзья, Ладислав и Вильгельм, были назначены хранителями монастыря, его восстановление началось в следующем апреле. Описание церкви в буйстве весенних цветений свидетельствует о чувстве религиозного обновления, охватившего Ланца в его первый визит туда:

3 апреля 1926 дост. фра Ладислав, фра Вильгельм MONT и преп. фра Георг PONT отправились к святому Балашу... Пасхальный пейзаж был поразительно великолепен. Буро-лиловые тона покрытых лесом холмов, обширная изумрудно-зеленая поверхность озера Балатон, ультрамариновая глубина воды и серебристо-голубое небо. Среди белых и бледно-розовых цветов миндаля, вишни и персиковых деревьев высились древние серо-лиловые камни монастыря.

По сложившейся привычке Ланц утверждал, что именно эта церковь являлась прежде средневековым храмом тамплиеров, обращаясь за доказательствами к венгерскому ученому и роялисту Б. Райнальду, также состоявшему в ОНТ.

Здесь, в Венгрии, в стране, которая так сильно продвинулась в восстановлении предвоенных социальных и политических реалий. Ланц видел будущее ОНТ. При помощи крестьян и ремесленников из соседних деревень Balatoncsicsо и Szentja Kabfa Ланц сделал храм пригодным для служб и летней жизни. Рассказы очевидцев описывают Мариенкамп Ч святой Балаш как утопическую сельскую коммуну, состоящую из Ланца, его аристократической венгерской подруги, ее экзотических кошек и иностранных посетителей. Ланц действительно поддерживал живой диалог с венгерскими роялистами и германофилами такими как Tordai von Szugy и Пауль Хорн, член парламента в Будапеште, увлекающийся астрологией, так что слухи о немецких шпионах широко ходили по колонии. Да и сам Ланц выглядел весьма эксцентрично для соседей. Он устраивал теологические диспуты с местными католическими священниками и поощрял крестьян к тому, чтобы крестить детей в монастыре. Церковь была украшена по литургическому канону ОНТ: гностические фрески с изображением св. Блазиуса, св. Георга и лэлектротеонического голубя Чаши» дополнялись известной геральдической символикой на флаге и двери. Две истории о канонических собраниях сохранились с лета 1928 года. Первая описывает экстатическое воссоединение братьев и Приора после прибытия Мастрра Ортвина и друзей из Будапешта, вторая свидетельствует о рукоположении Георга Хауэрштайна младшего и Фридриха Швиккерта, астролога и члена Общества Листа, в Пресвитеры. Это особое событие было отмечено преобразованием флага

ордена в символ теозоологической эволюции. И темы фресок, и описания канонических собраний сохраняют ощущение цели, которая объединила братьев в этой удаленной сельской местности Ч священный крестовый поход. Их миссия напоминала и о том, что Венгрии уже однажды пришлось стать христианским бастионом, спасшим Европу от нашествия монгольских орд и турков.

Современная расистская идеология Ланца, его Новые Тамплиеры, позволяла ощущать себя в связи с той же традицией. Позже венгерские братья основали маленькую пресвитерию ONT под холмом Vaskapu у Pilisszentkereszt. Это произошло в северной Венгрии, в сентябре 1937 года.

Но с установлением авторитарных режимов и развязыванием войны дела ONT пошли хуже. В 1933 Ланц уехал из Венгрии в Швейцарию. Первоначально Гитлер произвел на него впечатление, но после установления Третьего Рейха его симпатии к национал-социалистам резко уменьшились. В Германии его труды издавались в Барте и распространялись из Гертесбурга под надзором Хауэрштайна вплоть до 1935 года. Его венский издатель был арестован в конце 1937 и ничего из его работ не выходило до самого 1945 года — в Швейцарии. Паулю Хорну удалось сохранить орден в Венгрии на протяжении всей войны, но австрийские и немецкие его секции были официально распущены в начале 1940-х. Zenitom деятельности ONT, таким образом, стали годы между 1925 и 1935. К концу своей карьеры ONT имела семь родовых гнезд (колоний), из которых пять действовали одновременно; общий список братьев никогда не превышал трех сотен человек. Эволюция ордена, его концепции и институт, точно отражает развитие собственных интересов Ланца и его культурные открытия, разумеется, в контексте его расистского мировоззрения и приверженности к монастырским и рыцарским формам.

Значение ОНТ скрывается скорее в том, что она выражала собой, чем в том, чего она в действительности достигла. Она была симптомом повсеместно рассеянных настроений недовольства и сложным сочетанием концепций, принципов и стилей в результате складывающихся в сильный подземный гул. Ее элитаристские и миллениаристские реакции на этот гул дополнялись геноцидальным позывом. Окончательной целью ОНТ было спасение мира путем евгенической селекции и искоренения расовых меньшинств.

Часть третья
АРИОСОФИЯ В ГЕРМАНИИ

10

Поскольку Лист предпочитал роль мистагога и мастера, окруженного учениками, перед ним стояла задача передачи идей своим последователям, входившим в различные расистские организации вильгельмовской Германии. Среди тех, на кого идеи Листа производили глубокое впечатление были полковник Карл Август Хельвиг, Георг Хауэрштайн старший, Бернард Кернер, Филипп Штауфф и Эберхард фон Брокхузен. Через них оккультно-националистические идеи Листа проникали в организации правого крыла Немецкого Рейха. Хельвиг и Хауэрштайн были среди основателей Reichshammerbund в мае 1912 в Лейпциге, а Кернер, Штауфф и Брокхузен занимали ключевые посты в Germanennorden, ее подпольной филиации. История ариософии в Германии не сможет обойтись и без Рудольфа фон Зеботсендорфа, горячего поклонника Листа и Ланца фон Либенфельса, учредившим между 1917 и 1919 годами две расистские секты в Мюнхене, из которых впоследствии произошла Национал-социалистическая Немецкая Рабочая Партия (нацистская).

Reichshammerbund и Germanennorden были крайне антисемитскими группировками, многим обязанными выдающимся организаторским способностям Теодора Фрича, крупнейшей фигуры предвоенного немецкого антисемитизма и немецкой политики между 1900 и 1914 годами. Фрич родился в семье саксонских крестьян 28 октября 1852 года в Визенау близ Лейпцига и получил образование как инженер-фрезеровщик. Его организаторские способности вскоре обнаружили себя и вполне проявились в профессиональной и политической деятель-

ности. С октября 1880 он издавал 'Маленький Журнал Фрезеровщиков, в 1882 приступил к изданию второго журнала, а затем попытался объединить представителей своей профессии в Немецкую Лигу Фрезеровщиков.

Фрич был обеспокоен тем, что отдельным предпринимателям и ремесленникам угрожали крупные фирмы, заводы и массовое производство. Он хотел ослабить влияние этих факторов путем создания новой гильдии. Защита интересов малого бизнеса сочеталась у него с антисемитскими взглядами. Фрич связывал новый экономический порядок с растущим влиянием еврейского бизнеса и финансов в Германии. В 1881 он опубликовал сборник пангерманистских и антисемитских текстов под названием «Шаровые молнии». В 1887 он написал свой Антисемитский катехизис и большую серию памфлетов, озаглавленную «Наболевшие вопросы». В 1884 он создал свою первую антисемитскую организацию Leipziger Reformverein, а с 1885 начал выходить ее журнал. В июне 1889 в Бохуме состоялась антисемитская конференция, на ней присутствовали представители из Франции, Венгрии, Германии и Австрии, включая Георга фон Щонерера; здесь было принято решение о создании двух антисемитских парламентских партий. Deutsch-Coriale Partei, под руководством Макса Либермана и Antisemitische Volkspartei, возглавляемой вышедшим из крестьян оратором Отто Боккелем.

Фрич не предлагал себя в качестве кандидата для этих партий, поскольку был убежден, что антисемитизм не преуспеет в парламенте в качестве политической силы. Его уверенность в парламентской неэффективности антисемитизма оказалась правильной. Поскольку после конференции в Бохуме партий стало больше чем одна, они конкурировали между собой, снижая тем самым общее количество антисемитов, прошедших на выборах.

Но образование партий повлекло за собой и другие проблемы. После того как в 1894 обе партии объединились в Deutsch-Soziale Reformpartei, стремление к парламентскому согласию и сотрудничеству изменило характер манифеста, акцент на антисемитизм был снижен в пользу консерваторов и экономических интересов среднего класса. В 1903 антисемитов в парламенте было большинство, но все они были поглощены консервативным правительством и целиком зависели от соглашения с такими внепарламентскими силами как Сельскохозяйственная Лига и Немецкая Националистическая Ассоциация Коммерческих Служащих. В 1907 году Deutsch-Soziale Reformpartei имела на выборах только шесть мест, а в 1912 уже три.

Фрич поносил евреев как расово чуждых. В своем Zur Bekämpfung zweitausendjähriger Irrthümer (1886) он подчеркивал «арийский характер» и его связь с немецкими традициями в языческом контексте. Фрич хотел переорганизовать интеллектуальную, экономическую, политическую жизнь нации таким образом, чтобы евреи не имели в ней места. Это направление мысли Фрича нашло свое отражение в более «научных» расовых исследованиях в конце 1890-х. Когда Артур де Гобино (1816-82) написал свое рассуждение о расовой эволюции и упадке и пришел к выводу, что арийцы назначены к вымиранию под натиском черных и желтых рас, Вашер де Лапуг (1854-1936) и Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855-1927), находясь под влиянием новых зоологических и биологических наук, также сообщили, что евреи есть раса наиболее вредная для арийского расового превосходства. В отличие от Гобино, с его опорой на лингвистику как принцип расовых различий, эти более поздние расистские авторы занимались измерением черепов, регистрацией и других физических характеристик, таких как волосы или цвет глаз.

Фрич стремился к созданию широкого и мощного антисемитского движения за пределами парламента, он считал, что это более эффективно. В октябре 1901 года он разослал проспекты более чем трем сотням людей, которые прежде входили в актив антисемитской партии.

Ответ оказался разочаровывающим, но в январе 1902 он создал *Hammer*, сначала ежемесячный, а затем выходящий раз в две недели журнал, который должен был послужить в качестве точки кристаллизации нового движения. В 1905 году читатели *Hammer*, число которых превысило три тысячи человек начали собираться в местные *Hammer* группы. Члены этих групп в основном пришли из распавшегося *Jugendbewegung* и Немецкой Националистической Ассоциации Коммерческих Служащих (DHV). В 1908 году эти группы взяли имя *Dentscherneuerungs-Gemeinde* (группы немецкого обновления): их интересовали антикапиталистические формы земельной реформы, программа город-сад и *Lebensreform*. Фрич активно поддерживал самопроизвольно возникающие местные организации. В 1904 году его сотрудник Пауль Форстер опубликовал воззвание к генеральному штабу *Völkisch* движения о форсировании националистического и расистского возрождения Германии; в нем говорилось о необходимости объединить различные группировки и лиги, стремящиеся к созданию немецких колоний за границей, построить мощный флот, который мог бы конкурировать с английским и вообще поднять международный престиж Немецкого Рейха, очистить родину от вредных социальных элементов, особенно от социалистов, евреев и других противников воинствующего немецкого империализма.

В марте 1912 года Фрич вспомнил о бессилии прежних антисемитских политических партий и потребовал создания новой «надпартийной» организации. 1912 год был

решающим для тех, кто всерьез был обеспокоен положением нации. В июле 1911 разразился второй марокканский кризис и правительство отправило в Агадир канонерскую лодку, чтобы оказать давление на Францию, защитить немецкие интересы в Западном Марокко и передать части французского Конго Германии; все эти события показали насколько немецкий колониализм сковают Франция и Британия. Имперские разочарования усугубились внутренним шоком: на выборах в Рейхстаг в январе 1912 года Социал-демократическая партия получила 110 голосов, тогда как на прошлых выборах их было только 43. Наиболее пострадавшими на выборах оказались консерваторы и антисемиты, они получили только 68 из тех 109 мест, что они имели в парламенте с 1907 года. Эти тревожные события подвинули Генриха Класса, лидера антисемитов в Лиге пангерманистов к публикации политического манифеста. «Если бы я был Кайзером!» (1912), в котором он призвал к диктатуре и роспуску парламента, а также обличил евреев в гневной диатрибе. Фрич представил обзор книги в Hammer и рекомендовал своим читателям немедленно привести ее в исполнение. 24/25 мая 1912 года в собственном доме в Лейпциге состоялась встреча Фрича и двадцати выдающихся пангерманистов и антисемитов, в результате чего возникли две группы по распространению их идей в немецком обществе. Карл Август Хельвиг, демобилизованный полковник из Касселя и член Общества Листа с марта 1908, возглавил Reichshammerbund, как союз всех существующих Hammer — групп; Герман Польш, канцлер палаты мер и весов Магдебурга, стал главой Germanennorden — ее тайной организации-близнеца.

Очевидно влияние идей Листа на первую из этих организаций. Уже в феврале 1912-Хельвиг разработал конституцию для Reichshammerbund. Исполнительная

власть была представлена Bundeswart — должность, занимаемая Хельвигом, Ehrenbundeswert — почетная должность, занимаемая Теодором Фричем, и Armanenrat — из двенадцати членов. Последнее название указывает на влияние Листа. Предполагаемые члены Reichshammerbund должны были гарантировать чистоту своей арийской крови и крови своих супругов, поскольку их потомство должно было послужить главным оружием в борьбе против евреев. Дополнительные указания, внесенные в апреле 1912 предполагали сотрудничество с католиками, пропаганду среди рабочих, крестьян, учителей и гражданских служащих, офицеров вооруженных сил и, что особенно важно, среди студентов университетов. Переписка Юлиуса Руттингера, главы Нюрнбергской ветви Reichshammerbund свидетельствует о медленном росте организации, о постоянных внутренних раздорах и мелочных проблемах. В конце 1912 года отчеты нюрнбергской группы сообщали, что общее число ее членов составляет 23 человека, из которых в среднем только 10 присутствуют на собраниях, а из ежегодного дохода в 94,64 марки в кассе находится 5,58 марок. К июню 1913 только девятнадцать филиалов Reichshammerbund существовали по всей Германии, наиболее активной была гамбургская группа. Несмотря на тысячи листовок и активную пропаганду, лига смогла набрать не более чем несколько сотен членов.

История Germanennorden более сложно связана с идеями Листа. Представление об антисемитском обществе, организованном по типу тайной масонской ложи возникло среди völkisch активистов около 1910 г. Некоторые антисемиты были убеждены, что мощное влияние евреев на немецкую общественную жизнь можно понять только как результат всепроникающего тайного заговора евреев; предполагалось, что с таким заговором можно справиться лишь создав аналогичную антисемитскую организацию.

Весной 1910 года известный völkisch журналист Филипп Штауфф, упомянул в одной из своих статей об идее такой антисемитской ложи, которая держала бы имена своих членов в секрете, дабы уберечься от проникновения врагов. В следующем году Иоханнес Геринг, принадлежавший мюнхенской группе Hammer, известной также как Alldeutscher Verband хорошо знавший Листа и Ланца фон Либенфельса, написал Штауффу о франкмасонах. Геринг утверждал, что и сам был франкмасоном с 1894 года, но что этот «древний немецкий институт» осквернили евреи и новые идеи: в заключение он выражал уверенность, что возрождение арийской ложи будет весьма полезным для антисемитов.

В конце 1911 Герман Поль разослал письма, посвященные этому вопросу приблизительно пятидесяти потенциальным сотрудникам-антисемитам. Поль сообщал, что магдебургская группа Hammer уже создала ложу, основанную на расовых принципах и ритуалах германского язычества. Он восхищался церемониалом ложи, применительно к антисемитской организации: торжественность, тайна, иерархическая дисциплина породили единодушие столь редкое среди маленьких Hammer-групп. Поль призывал своих корреспондентов присоединиться к движению и создавать другие ложи на основе этой, добавляя, что проект пользуется полной поддержкой Теодора Фрича. Возникновение магдебургской ложи можно проследить по документам, отражающим полемику против Поля в конце 1918. В соответствии с этим источником, группа Hammer возникла в Магдебурге осенью 1910и некто Хейнатц захотел превратить ее ядро в ложу. Члены группы проконсультировались по этому поводу с Фричем и тот ответил, что такая идея уже обсуждается в других группах Hammer. 5 апреля 1911 года возникла ложа Вотана, ее мастером был избран Герман Поль. 15 апреля возникла Великая Ложа с Те-

одором Фричем в качестве Великого Мастера, но работа над правилами и ритуалами была исполнена ложей Востана. 12 марта 1912 года по совету фрича организация приняла имя Germanennorden.

1912 год стал свидетелем быстрого распространения лож Germanennorden по всей Северной и Восточной Германии. В январе Поль написал обращение к «преданным ложам», в котором выразил желание иметь скорее верных, чем многочисленных последователей, которые смогли бы принять участие в «арио-германском религиозном возрождении» и подчеркнул необходимость строгого повиновения и искреннего служения пангерманской «Арманистской империи». Он потребовал восстановления расово-чистой немецкой нации, из которой «паразитические и революционные элементы (евреи, вырожденки и цыгане)» должны быть исключены. В июле того же года Поль выпустил первый информационный бюллетень Germanennorden, в котором сообщалось о торжественном открытии лож в Бреслау, Дрездене и Кенигсберге; ложи в Берлине и Гамбурге уже действовали к тому времени. А братья в Бромберге, Нюрнберге, Тюрингии и Дюссельдорфе собирались основать их в ближайшем будущем. Полный список братьев в это время насчитывал 140 человек, а к декабрю 1912 в Germanennorden состояло 316 братьев, распределялись они следующим образом: Бреслау 99, Дрезден 100, Кенигсберг 42, Гамбург 27, Берлин 30, Ганновер 18. В следующем январе ложа из тридцати братьев возникла в Дуйсбурге. Поль принял на себя титул секретаря и подписывался «Канцлер Ордена». В 1913 возникли ложи в Нюрнберге и в Мюнхене, но в целом распространение Ордена в Северной и Восточной Германии шло успешнее, чем в южных провинциях. Весной 1914 группу Reichshammerbund в Мюнхене возглавил Вильгельм Ромедер, лидер Deutscher Schulverein член Общества Листа с 1908 года. Очень многие члены

одновременно принадлежали двум организациям.

История возникновения Germanennorden должна быть дополнена сообщением о ее задачах, правилах и ритуалах. В соответствии с программой, разосланной по провинциям основной задачей Germanennorden была борьба с евреями и их деятельностью путем создания центра, в котором собирались антисемитические материалы, которыми все могли бы пользоваться. Дополнительной задачей являлась взаимопомощь братьев в отношении деловых контрактов и финансирования. Наконец, все братья обязаны были принимать участие в распространении völkisch журналов, особенно Hammer, как «наиболее радикального оружия против евреев и других врагов человечества». Принципы Germanennorden выдавали явное влияние ариософии. К вступлению в Орден были допущены мужчины и женщины безупречного германского происхождения. В специальной анкете приводилась подробная информация о коже, глазах и волосах вступающего в Орден. Наиболее предпочтительным был диапазон волос от светлых к русым, глаз — от голубых к светлокариым, кожа бледная. Дальнейшие детали касались личных особенностей родителей поступающего и его дедушки с бабушкой, в случае супружества те же данные сообщались о партнере по браку.

Руководство к приему в члены указывало на то, что необходимо воздерживаться от принятия в Орден физически неполноценных и «отталкивающего вида» людей; руководство отсылало предполагаемых кандидатов к номерам Ostara, посвященным расовой соматологии, вышедшим между 1908 и 1913 годами. Бюллетень Germanennorden сообщал, что законы Ордена были сформулированы после обсуждения их с Карлом Августом Хельвигом из Armenenschaft. Ритуал Ордена также был заимствован у Armenenschaft, но вместе с тем был на-

ложен запрет для братьев высших разрядов называться Armanen. Эти положения означают, что Хельвиг находился в контакте с организацией, именуемой ее можно отождествить и с Armanen-Rat Reichshammerbund'a и с НАО, основным немецким представителем которой в Берлине был Филипп Штауфф.

Эмблемы Germanennorden также указывают на ариософские источники. С середины 1916 года официальный информационный бюллетень Ордена, Allgemeine Ordens-Nachrichten начал изображать на фронтисписе свастику, совмещенную с крестом: . Время от времени там появлялась реклама драгоценностей, колец, подвесок, булавок и тогда она непременно включала в себя различные руны или свастику. Фирма-поставщик, Дом Эклоха Люденшайда в Вестфалии, работала по проектам, разработанным членами Общества Листа во время войны. Свастика была популярна среди нескольких völkisch ассоциаций в Германии и через Germanennorden, а затем через Общество Thule, очередную организацию в послевоенном Мюнхене, она могла быть усвоена и национал-социалистами.

Церемонии и ритуал Germanennorden указывают на странный синтез расистских, масонских и вагнерианских мотивов. Приглашение на церемонию посвящения в берлинской области 11 января 1914 года извещало братьев о необходимой форме одежды и о том, что новые кандидаты обязаны пройти расовые тесты у берлинского френолога Роберта Бюргера-Вилингена, изобретшего «пластометр» — новый инструмент для определения расовой чистоты посредством измерений черепа. Сохранившиеся документы от 1912 года описывают процедуру посвящения новичков в низший разряд Ордена. Пока неофиты ждали в примыкающих комнатах, братья собирались в церемониальном зале ложи. Мастер занимал свое место

на переднем плане под балдахином, по обе стороны от которого стояли два рыцаря в белых сутанах и шлемах, увенчанных рогами, руки их опирались на шпаги. Перед ними располагались казначей и секретарь в белых мasonicких поясах, глашатай занимал свое место в центре зала. В конце зала у чаши Грааля находился певец в белой мантии, перед ним Мастер Церемоний в голубой мантии, а вокруг них полукругом стояли братья ложи, на таком же расстоянии как столы казначея и секретаря.

За Граалем находилась музыкальная комната, в которой фисгармония и пиано сопровождалась маленьким хором «лесных эльфов».

Церемония начиналась мягкими звуками фисгармонии, братья исполняли Хор пилигримов из Тангейзера Вагнера. Ритуал начинался в сумерки, когда братья совершали жест, символизирующий свастику — Мастер отвечал им. Затем Мастер Церемоний вводил в зал неофитов, одетых в мантии странников с завязанными глазами. Здесь Мастер рассказывал им об Ордене. Певец зажигал священное пламя в Чаше, с послушников снимали мантии и повязки. Мастер приближался к неофиту и совершал магические действия копьем Вотана, рыцари скрещивали над ними свои мечи. Звучали вопросы и ответы, сопровождаемые музыкой Лоэнгина, затем послушники приносили клятву верности. Посвященных окружали с криками «лесные эльфы» и как новых братьев вели их к Чаше Грааля, где горело священное пламя певца. В этом ритуале члены ложи должны были олицетворять собой основных персонажей германской мифологии, потому весь церемониал производил сильнейшее впечатление на кандидатов.

Война угрожала Germanennorden. Юлиус Рутингер, Мастер франконианской области, почти сразу ушел на фронт. Герман Поль писал ему в ноябре 1914, что

деньги становятся серьезной проблемой, поскольку почти половина братьев служит в вооруженных силах: «война быстро обескровит нас, Germanennorden еще не достаточно крепка и организована, если война продлится дольше, Орден распадется на части. И так уже многие братья погибли в боях». Несмотря на заботу Поля о сохранении Ордена, некоторым влиятельным братьям не нравилось его руководство. В июле 1914 Мастер лейпцигской ложи предложил Полю выйти в отставку, в 1915 берлинская ложа сделала попытку отделиться. В конце 1915 Топфер, наследник Рутингера в Нюрнберге писал о том, что братья заняты исключительно ритуалами, церемониями и банкетами, поскольку Поль рассматривает их в качестве основной задачи Ордена.

Эти разногласия достигли апогея к тюрингианскому собранию, проводимому в Готе 8 октября 1916 года, на нем присутствовали братья Тюрингии и некоторых соседних провинций. Берлинские братья потребовали от собравшихся в Готе освободить Поля от занимаемого им поста Канцлера. Оскорбленный такой неблагодарностью в ответ на его непрестанные усилия по сохранению Ордена. Поль немедленно объявил себя Канцлером отделившегося Germanennorden Walvater Священной Чаши, оппозиционной по отношению к ложам Силезии (Бреслау), Гамбурга, Берлина и Остерланда (Гера). Поддержали Поля в Берлине Фрииз и Браунлих, основавшие новые ложи в самом городе и Гросс-Лихтерфельде. Первоначальный Орден возглавили: генерал-майор Эрвин фон Хаймердингер (род. в 1856) в качестве Канцлера, доктор Генш в качестве Казначей и Вернер Кернер — Хранитель Родословной Grossippenviahrer, должность вполне отвечающая его генеалогическим и геральдическим увлечениям. Строгой секретности потребо-

вали они от всей документации Ордена, а сами решили, что с этого момента будут известны лишь анонимно, обозначенные рунами <f10.gif>, . Филипп Штауфф и

Эберхард фон Брокхузен были также упомянуты как важные должностные лица лояльной части берлинского ордена.

Новый взрыв активности берлинского Ордена (его ортодоксальной части) связан с усилиями Филиппа Штауффа. Он родился 26 марта 1876 года, в Мозбахе, работал журналистом, затем начал издавать собственную националистическую газету *Wegweiser und Wegwarte* в Enzisweiler на озере Констанс с 1907. В 1910 переехал в Кульмбах, во Франконию, где начал издавать другую газету, но в том же роде. Штауфф намеревался создать организацию völkisch авторов и осуществил это желание в конце 1910, после того как заручился поддержкой у более чем ста известных националистических, расистских и антисемитских писателей, среди них были: Адольф Бартельс, Людвиг Вильзер, Иоханнес Геринг, Ланц фон Либенфельс. В начале 1912 Штауфф переб-

рался в Берлин и продолжил там свою издательскую деятельность. Он опубликовал справочник современных пангерманских и антисемитских групп (1912) и от имени Генриха Крэгера вместе с Альфредом Брюннером, основавшим *Deutsch-Sozialistische Partei* в 1918, выпустил *Semi-Gotha* и *Semi-Allianen*, генеалогический указатель, имеющий целью опознание евреев в среде немецкой аристократии. Этим проектом он не собирался компрометировать аристократию, но только способствовать процессу «очищения» — столь естественное понятие для антисемитской психологии. Указатель выходил сериями между 1912 и 1914 годами, Штауфф был привлечен к суду. Указатель *Semi-Kirschner*, созданный по образцу Немецкого Литературного Календаря Киршнера, перечислял общественно активных евреев, известных

писателей, актеров, банкиров, военнослужащих, врачей и юристов, также вызвал бурю корреспонденций, весь 1914 год на Штауффа обрушивались отрицания и гневные протесты.

В 1910 году в Кульмбахе Штауфф стал членом Общества Листа, быстро и естественно вошел в ближайшее окружение Мастера. Он был среди паломников, отправившихся в июне 1911 г. в Вену для участия в торжествах НАО и посещения арманистских центров. В 1912 Штауфф вошел в комитет Общества и стал одним из его щедрых патронов. Его эзотерический трактат «Руны домов» (1912 соединял тезис Листа об арманистских реликтах с утверждением о том, что древняя руническая мудрость сохранилась в геометрических конфигурациях бревенчатых домов, которые строят по всей Германии. В начале 1913 Штауфф участвовал в спиритических сеансах, вызывая духов давно умерших королей-священников. Существуют документальные свидетельства, подтверждающие близость Штауффа к ОНТ перед войной.

После раскола 1916 в делах Ордена царил беспорядок. Поль сохранил у себя печати и бланки старого Ордена и поэтому мог выпускать циркулярные письма и бюллетени от имени «подлинного» Ордена — практика, которая всех окончательно запутала. Члены обоих Орденом теперь убедились в том, что Орден распался, так велик был беспорядок. Вернер Кернер, служивший кавалерийским капитаном с 1915 года во Франции писал Листу в январе 1917 о том, что Germanennorden начинает разлагаться. Несмотря на авторитетные циркуляры, рассылаемые во всех направлениях, должностные лица уже плохо представляли себе действительное положение дел в Ордене.

После перемирия в ноябре 1918 года братья старого

Germanennorden занялись его восстановлением. Великий Мастер, Эберхард фон Брокхузен (1869-1939), одновременно являлся крупным бранденбургским землевладельцем и щедрым патроном Общества Листа. Но в это время он был очень занят мятежами польских наемных рабочих в своих поместьях и возмущался хаосом в управлении Ордена, связанным с отсутствием всяческих законов. В начале 1919 Эрвин фон Хаймердингер попросил его сложить полномочия. В начале марта Штауфф информировал Брокхузена о том, что его отставка принята, но Брокхузен не уходил от дел, летом потребовал конституционной реформы Ордена, а Штауффа обвинил в клевете. Переписка Брокхузена полна глубокого уныния по поводу послевоенной ситуации и ненависти поляков. В конце лета сам Хаймердингер сложил полномочия в пользу Великого Герцога Иоганна Альбрехта Мекленбургского, известного энтузиаста Ордена, в 1919 году возглавившего экспедицию Свободных Корпусов к Балтийским странам. Но Орден вскоре утратил выдающегося лидера, 6 февраля 1920 герцог скончался от сердечного приступа. Брокхузен сохранил свой пост и в 1921 году наконец принял разработанную им же конституцию, предполагавшую крайне сложную организацию степеней, кругов и периферических «цитаделей»; эта сложная структура была направлена на сохранение секретности в рамках общенациональной сети местных групп, имеющих многочисленные связи с военизированными völkisch организациями, в том числе Deutschvölkisch: Schutz-und Trutzbund.

Пока старшие должностные лица Ордена ссорились в Берлине, провинциальные организации Germanennorden занимались подготовкой убийств выдающихся общественных деятелей новой Германской Республики, которая была символом поражения и позора для

радикальных националистов. В 1921 году Germanennorden служила надежным прикрытием для политических убийц. Так, убийцами Матиаса Эрцбергера, бывшего министра финансов Рейха, ненавидимого за подписание перемирия, стали Генрих Шульц и Генрих Тиллессен, испытавшие сильное влияние völkisch пропаганды после демобилизации в конце войны. В июне 1920 в Регенсбурге они встретились с Лоренцом Мешем, местным лидером Germanennorden. И уже в мае 1921 Шульц и Тиллессен отправились в Мюнхен, где получили

приказ убить Эрцбергера от человека, представлявшего исполнительную власть Germanennorden. Попытка убийства Максимилиана Хардена, республиканского писателя, также принадлежала Ордену. Впечатляющая таинственность и идеология Ордена воодушевляли völkisch фанатиков на убийства евреев и республиканских врагов немецкой нации.

После 1921 года «подлинная» Germanennorden стала простой группой среди многочисленных правых и антисемитских организаций, пользующихся поддержкой реваншистов и людей, раздраженных Веймарской республикой. Но поскольку речь идет о влиянии Germanennorden на нацизм, необходимо вернуться к Герману Полю и его Germanennorden Wolvater, которая в конце 1916 привлекла к себе внимание Рудольфа фон Зеботтендорфа. Зеботтендорф вступил в отколовшийся Орден и восстановил его баварское отделение в Мюнхене на рождество 1917, заложив тем самым фундамент для völkisch организации, которая стала причиной рождения национал-социалистической партии. Похоже, что без этого человека и Germanennorden, и ариософия были бы преданы забвению.

РУДОЛЬФ ФОН ЗЕБОТТЕНДОРФ И ОБЩЕСТВО THULE

Зеботтендорф присоединился к völkisch движению уже на последних этапах войны, но жизнь его до этого тоже весьма важна. В сравнении с выдающимися völkisch агитаторами, Зеботтендорф выглядел просто космополитическим авантюристом. Его вечная тяга к темным делишкам, к шпионажу, к хитрости и уверткам составила ему репутацию опытного ловкача. Сын прусского рабочего, Зеботтендорф рано порвал со своим прошлым — сначала ушел в море, потом работал на Среднем Востоке. Если внимательно всмотреться в приключения его молодости, можно лучше понять, какой жизненный опыт определил его будущие взгляды, позволившие ему сыг-

рать немаловажную роль в мюнхенских контрреволюционных событиях 1918 и 1919 годов.⁽¹⁾ Человек, называвший себя барон Рудольф фон Зеботтевдорф, был, как это» часто случается с ариософистами, которыми он восхищался, не более чем самозванным аристократом. Он родился 9 ноября 1875 в Hoyerswerda, торговом городе Саксонии, расположенном к северо-востоку от Дрездена. Его отец — Эрнст Рудольф Глауэр был железнодорожником, мать звали Кристиан Генриетта, урожденная Мюллер. При крещении ребенок получил имя Адам Альфред Рудольф Глауэр. В соответствии с его полувымышленной автобиографией, семейство Глауэр по мужской линии происходило от французского солдата-лейтенанта Торра (1789-1821), подобранного после боя при Кацбахе (1813) у деревни Альзенау (Ольшаника) в восемнадцати километрах к северо-востоку от Ловенберга в Прусской Силезии. Этот француз и был прадедушкой Рудольфа Глауэра. Торр женился на дочери местного крестьянина и в 1818 она

родила ему сына, который, в свою очередь, женился в 1845 и погиб в уличной перестрелке в Берлине во время революции 1848 года. Как коренные жители Силезии, члены семьи отличались крайне прусскими

политическими взглядами: может быть по этой причине имя Торр было сменено ими на Глауэр. Эрнст Рудольф Глауэр родился приблизительно 1846 и участвовал в Австро-прусской кампании 1866 года, и в Франко-прусской войне. Оставив армию в 1871, он принял назначение на железную дорогу в Hoyerswerda. Умер он в июне 1893, оставив осиротевшему сыну средства, достаточные для того, чтобы завершить среднее образование и начать учиться на инженера.

(1) Прежде чем приступить к исследованию этого периода его жизни, необходимо указать на использованные источники.

Помимо

официальных документов, свидетельствующих о рождении, вступлении

в брак, местожительстве, все сведения о нем появляются только после

1918 года. Имеется краткий биографический очерк в Astrologisches Lexicon Эрнста Тьеде, а кроме того два полуавтобиографических романа: Эрвин Халлер (1918-1919) и Талисман розенкрейцеров (1925). Эти

труды содержат преимущественно вымышленный материал, но в них

также упоминаются точные даты и события, что оправдывает обращение

к ним как к историческим источникам, при соблюдении известных предосторожностей. Что касается раннего периода жизни

Зеботтендор-

фа, информацией о нем я обязан неопубликованной рукописи

Эллика

Хау (Ellic Howe). «Рудольф Фрайхерр фон Зеботтендорф», копия которой хранится в Институте Истории, в Мюнхене.

Биографические подробности у Тьеде указывают на то, что молодой Глауэр поступил в Техническую Школу Ильменау, тогда как автобиография утверждает, что его жизнь началась с практической работы в инженерной фирме Дж. Е. Кристофа в Niesky. Затем мы встречаем Глауэра, остановившимся в гостинице Кобленца со старыми друзьями недалеко от Hoyerswerda во время рождественских каникул второго семестра Политехнического факультета Берлин-Шарлоттенбург. Он упоминает о том, что не видел своих друзей два года. Если взять за точку отсчета 1893 год (год смерти отца), то получается, что речь идет о Рождестве 1896 года, несколько недель спустя после его 21-летия. Близящийся конец века также может служить причиной необходимости посещения Hoyerswerda. Глауэр оставался в Берлине до конца летнего семестра, а затем 1 октября 1897 подал прошение о поступлении на годичную службу во флот. Но ему было отказано по медицинским соображениям: у Глауэра была склонность к грыже. Тогда Глауэр отправился в Ганновер и занимался там частным преподаванием до марта 1898. Но ему пришлось оставить и этот пост, после того как он позволил себе предосудительное путешествие с матерью своих учеников в Ниццу, Монте-Карло, Геную и Люцерну.

Поскольку Глауэр не завершил своей учебы, он не мог надеяться на хорошее место в Германии. Кроме того, подобно многим своим ровесникам на родине он чувствовал себя как в клетке и потому решил отправиться в море. Подписав контракт на шесть месяцев, он нанялся кочегаром на судно H. H. Meier водоизмещением 5140 тонн, вышедшее 2 апреля 1898 из Бремерхэвена в Нью-Йорк и вернувшееся в Бремерхэвен 3 мая. В сентябре 1899 он нанялся на судно S. S. Ems (4912 тонн). А когда

этот корабль остановился в Неаполе по пути в Нью-Йорк, Глауэр узнал о том, что имеется место электрика на борту судна «С. С. Принц Регент Леопольд» (6288 тонн). Поскольку «Принц Регент» свой первый рейс совершал в Сидней, Глауэр решил воспользоваться случаем и посетить Австралию. Он уволился с Эмса и после нескольких дней ожидания вышел из Неаполя на «Принце Регенте» 15 февраля 1900 года. Во время путешествия один из моряков уговорил Глауэра покинуть корабль и попытаться счастья в поисках золота в Западной Австралии. После остановки во Фримантле 13 марта Глауэр и его друг отправились через Южный Крест и Кулгардые к цели их предприятия — в Северный Кулгардые Годфилд, на восточной окраине Великой Пустыни Виктория. Это приключение было прервано смертью друга в июне. Глауэр вернулся во Фримантль для того, чтобы сесть на корабль, идущий в Египет, куда он имел рекомендательное письмо, данное ему Парсеем в Кулгардые. Так закончился морской период Глауэра — время, отмеченное чужеземными приключениями, юношескими амбициями и опытом работы на больших современных кораблях.

Прибыв в Александрию в июле 1900, Глауэр направился прямо в Каир, для встречи с Гуссейном Пашой, влиятельным турецким землевладельцем, состоявшим на службе в Khedive Abbas Hilmi. Если верить Тьеде, Глауэр проработал в службах Khedive с 1897 по 1900 в качестве инженера; в соответствии же с «талисманом розенкрейцеров» Глауэр менее месяца провел в Каире и отправился в Константинополь, поскольку Гуссейн Паша лето проводил в своем турецком доме на азиатском побережье Босфора. В отсутствии убедительных доказательств, достаточным будет утверждение о том, что Глауэр провел в Египте столько времени, сколько нужно было для того, чтобы узнать его людей и культуру. Все еще вы-

плачивавший значительные суммы султану Оттоману, Египет к концу 1890-х все же стал преуспевающей страной после удачного англо-египетского кондоминиума, установленного в 1882 с целью сохранения стабильности в стране и охраны власти Khedive от фракционных раздоров, использующих экономику ради своей выгоды. Сэр Эвелин Баринг, служивший британским консулом, писал в 1901 году, о «фундаменте, на котором держится благосостояние и материальное благополучие цивилизованных обществ... институт рабства Corvee (неоплачиваемый труд) практически исчез». Но за этот прогресс тоже надо было платить. Глауэр получил здесь свои первые впечатления о развивающихся странах, познакомился с проблемами, которые влечет за собой вестернизация, с возможными религиозными и националистическими реакциями.

В конце июля 1900 года Глауэр совершает тысячемильное путешествие из Александрии в Константинополь через Пирей и Измир. Прибыв на Золотой Мыс, он находит каик и переплывает Босфор, направляясь во владения Гуссейна Паши в Кувуклу около Бейкоца. До сих пор намеревавшийся вернуться домой, чтобы продолжить обучение, Глауэр оказывается настолько покорен страной, ее обычаями, гостеприимством хозяев, что решает остаться. Он изучает турецкий язык у имама в мечети Бейкоца и знакомится с обычаями во время частых поездок в Стамбул: в октябре 1900 он принимает предложение проработать год надсмотрщиком в анатолийских поместьях Гуссейна около Бандирмы и в Ениклоу около Бурсы. Эта обширная территория располагалась на подножиях горы Олимп, здесь жили турки, возвратившиеся из бывших оттоманских провинций Болгарии. Глауэр собирался построить здесь современные дома, на смену жалким хижинам, в которых они там жили. Уже были организованы маленький кирпичный завод и лесопилка.

Кроме того, он собирался заняться выращиванием тутовых деревьев для разведения шелковичных червей и выращиванием ореховых деревьев для европейской шоколадной промышленности. Контракт с фирмой Nestle был подписан и уже строилась дорога из деревни в Бурсу.

Помимо технического и организаторского освоения Турции, Глауэр здесь серьезно увлекся оккультизмом. Интерес к экзотической религии уже родился в нем, когда он наблюдал безумствующих дервишей из секты Nevlevi и посещал пирамиды Хеопса в Эль-Гизе в июле 1900. Его компаньон Ибрагим рассказывал ему о космологическом и нумерологическом значении пирамид и разбудил в Глауэре любопытство по отношению к тайному знанию древних теократий. Гуссейн Паша, его богатый и образованный хозяин, исповедовал суфизм и обсуждал вопросы веры с Глауэром. В Бурсе он познакомился с семьей Термуди, греческими евреями из Салоники. Старый Термуди ушел от дел и целиком посвятил себя изучению Каббалы и коллекционированию алхимических и розенкрейцеровских текстов, в то время как его старший сын Абрахам управлял банком в Бурсе, а младший — его филиалом в Салонике. Помимо банка, семья Термуди занималась шелковичным делом. Термуди были франкмасонами и принадлежали ложе французский Ритуал Мемфиса (Fringh Rite of Memphis), проникшей в Левант и на Средний Восток. Глауэр был посвящен в ложу старым Термуди и впоследствии унаследовал всю его оккультную библиотеку. В одной из этих книг Глауэр нашел пометки, сделанные рукой Гуссейна Паши, они касались тайных мистических культов традиционных исламских алхимиков, все еще практикуемых Baktashr сектами дервишей. Когда Глауэр вернулся в Турцию в 1908 году, он продолжил занятия исламским мистицизмом, который, по его мнению, имел общие арийские корни с немецкими рунами.

Ход событий в «Талисмане розенкрейцеров» заставляет думать, что Глауэр оставался в Ениклоу вплоть до 1908 года, после чего поехал в Константинополь, но официальные документы свидетельствуют об обратном. Существует запись о том, что с сентября 1902 по апрель 1903 он жил в Мюнхене, а затем отправился в Probstrella, маленькую деревню в Тюрингии. Он утверждал, что был монтером по профессии. Другая запись также подтверждает его пребывание в Германии после 1901. 25 марта 1905 года в Дрездене Глауэр женился на Кларе Восс, дочери саксонского фермера из Bischofswerda.. Но союз оказался непрочным, 5 мая 1907 в Берлине пара была разведена. Несколько лет спустя газеты сообщили о том, что Глауэр предстал перед судом по обвинению в подделывании денег и других жульничествах. Глауэр косвенно упоминает об этом инциденте, когда описывает размышления над своим жизненным выбором в Кафедральном Соборе Фрайбурга в 1908 году — возможно эти столкновения с властями и послужили причиной его решения оставить Германию.

В конце 1908 Глауэр снова был в Константинополе. В «Эрвине Халлере» (1918-1919) описано железнодорожное путешествие в сентябре из Бреслау в Констанцу, тогда как на самом деле он прибыл в столицу на румынском судне. Судя по роману, по-видимому Халлер/Глауэр имел экономические виды на июльскую революцию Молодой Турции, установившей конституционную монархию и парламентское право. В Константинополе он установил контакты со швейцарскими и немецкими фирмами по поводу импортной торговли, а также разработал проект Багдадской железной дороги с финансированием немецкой стороной, но при этом не смог найти работы для себя. Только случайно он наткнулся на временное место учителя в колонии кье-

ванских евреев на склонах Алем-дага в 30 километрах от Скутари. На пасху 1909 он вернулся в Константинополь и стал свидетелем реакционного переворота султана Абдул-Хамида II, низложенного прошлым летом. После нескольких дней кровавой борьбы Молодая Турция вернула себе власть и выслала султана. Здесь стоит упомянуть о том, что масонская ложа, в которую Глауэр вступил в Бурсе в 1901 послужила остоном для дореволюционного Тайного Общества Единства и Прогресса, основанного турками Салоники в целях воспитания либерального сознания в условиях тиранического режима султана.

Учитывая неизменный интерес Глауэра к вестернизации Турции, трудно объяснить его реакционную политическую позицию в эпоху распада старого порядка и революции в Германии. Известно, что Глауэр читал лекции на эзотерические темы в своем доме, в одном из районов Константинополя, а затем в декабре 1910 основал мистическую ложу. В это время он писал исследование о дервишах *Baktashf*, противоречиво мистическом ордене, широко распространенном и очень влиятельном в Турции: предание связывает его происхождение с янычарами — основной силой поддержания турецкого господства на Балканах в Средневековье. Существовала также связь между орденом *Baktashr* и европейским франкмасонством. Религиозная ориентация первоначально определяла собой и политические взгляды Глауэра: антиматериализм паноттоманского мистицизма, алхимия, розенкрейцеры в сочетании с послевоенной ненавистью к большевикам, воплощающих в себе апофеоз материализма, — все это привело его к исключительно антидемократическим идеям. Его политическое мировоззрение нашло историческую параллель в фигуре короля Фридриха Вильгельма II, бывшего мистическим иррационалистом и поддерживавшего Орден розенкрей-

церов, который сопротивлялся рациональным и осовременивающим влияниям Просвещения (Пруссия, 1780-е гг.).

Это сплетение политико-религиозных мотивов могут объяснить и фантазии Глауэра об аристократическом происхождении. История принятия имени и титула «Зеботтендорф фон дер Роз» заслуживает внимательного рассмотрения, как и исследование генеалогии этой семьи: любой факт здесь может помочь пролить свет на крайне темный вопрос. По одной версии, Глауэр утверждал, что он натурализовался как турецкий гражданин в 1911 году, а затем был усыновлен экспатриированным бароном Генрихом фон Зеботтендорф по турецким законам. Поскольку этот акт не был признан в Германии, новоиспеченный Рудольф фон Зеботтендорф был вторично усыновлен Зигмундом фон Зеботтендорф фон дер Роз (1843-1915) в Висбадене в 1914 году и немного позже в той же мере — его вдовой Марией в Баден-Бадене. По другой версии, Глауэр натурализовался и был усыновлен американцем, носящим такое имя в Константинополе в 1908 году. Хотя усыновление могло приобрести силу только с позволения Кайзера, отношения Глауэра с Зеботтендорфами подтверждаются этой семьей. В погребальном извещении Зигмунда Рудольф Фрайхер фон Зеботтендорф и его вторая жена, Фрайфрау Анна, записаны как скорбящие кузены.

В начале Средних Веков фамилия Зеботтендорфов владела несколькими деревнями на Балтийском побережье. Один из предков семьи служил дипломатом при императоре Отто II (умер в 983), от которого получил звание рыцаря империи и герб с ветвью циннамона. К концу XII века балтийское семейство перебралось на юг Силезии, в район преимущественно славянских поселений, тогда колонизированных немецкими рыцарями

и крестьянами. С XIII по XVI век семейство процветало, возникли по меньшей мере четыре новых линии, члены его занимали выдающиеся посты в империи. К XVIII веку сохранились еще две линии. Карл Мориц фон Зеботтендорф (1698-1760), родоначальник линии фон дер Роз переехал на юг — в Австрию. Почти все его потомки служили в армии Габсбургов, в Вене, Линце и Брно: другая линия — Лорцендорф занимала посты в Прусской армии, поскольку при Фридрихе Великом в 1742 году Силезия перешла от Австрии Прусской администрации.

В деле усыновления Глауэр пытался задействовать обе линии семьи. Члены семьи, носившие имя Генрих или жившие в Америке в настоящее время, происходили от прусской линии. Некто Генрих фон Зеботтендорф (род. в 1825) жил в 1887 в Гёрлице, городе, расположенном неподалеку от Hoyerswerda. Общее силезское происхождение могло послужить причиной сближения Генриха и Глауэра в Константинополе. Но когда усыновление было признано недействительным. Глауэр сблизился с австрийским представителем семьи, Зигмундом фон Зеботтендорф фон дер Роз. Обе линии были отмечены ветвью циннамона, герб, который впоследствии Глауэр носил как свой собственный. Если бы не связь силезской и австрийской линии и не предполагаемое масонство австрийской линии в конце XVII века, трудно сказать почему Глауэра так привлекло это имя, тем более, что связь эта могла быть целиком вымышленной. Слухи, сопровождавшие историю усыновления, внесли в нее еще больший хаос: единственное можно утверждать с уверенностью — Глауэр несомненно хотел иметь имя и титул барона. Поскольку свою известность он приобрел под этим именем, мы с этого момента будем говорить о нем как о Рудольфе фон Зеботтендорф.

Второй период Зеботтендорфа в Турции длился

четыре года. После участия во Второй Балканской войне (октябрь-декабрь 1912) на турецкой стороне и будучи ранен, он вернулся в Германию, обосновавшись в начале 1913 в Берлине. О его деятельности в первой половине Великой Войны известно мало. Он утверждал, что был в Бреслау в 1913 году, где финансировал танк Гебеля. Но машина погибла и его предприятие осталось невыгодным. Помимо частых визитов к Зигмунду фон Зеботтендорф в Висбаден, он имел связи с Дрезденом в это время. Когда Зигмунд умер в октябре 1915, Зеботтендорф поселился в Kleinzschochwitz, фешенебельном пригороде, расположенном на берегу Эльбы. Здесь за 50 000 золотых марок он выстроил огромную виллу (теперь Meusslitzer Strasse 41). Но вскоре Зеботтендорф вновь стал объектом недоброжелательных слухов и внезапно уехал. Позже он сообщал, что стал жертвой клеветнических нападок, имеющих отношение к его второй жене. 15 июля 1915 в Вене Зеботтендорф женился на разведенной Берте Анне Иффланд. Будучи дочерью Фридриха Вильгельма Мюллера, богатого берлинского торговца, она обладала значительным состоянием. Зеботтендорф утверждал, что Макс Альсберг, берлинский поверенный, ответственный за ее поместья обнаружил свою враждебность, после того как был освобожден от своей доходной должности в связи с вступлением в брак. Альсберг спровоцировал одного из старших офицеров дрезденской полиции, Хендля на то, чтобы ославить Зеботтендорфа как охотника за миллионами. Зеботтендорф также имел проблемы с берлинскими властями из-за своего турецкого гражданства, которое освобождало его от службы в немецкой армии.

После ряда поездок во Франкфурт и Берлин Зеботтендорф с женой поселились в 1916 в Бад Айблинг, элегантном баварском курорте. Отсюда Зеботтендорф консультировался со своим мюнхенским поверенным Ге-

оргом Гаубатцем о том, как документально подтвердить его турецкую национальность. Однажды Гаубатц показал ему газетную рекламу Germanennorden, приглашавшую светловолосых и голубоглазых немецких мужчин и женщин к вступлению в Орден. Под объявлением располагались три руны. Зеботтендорф был заинтригован и решил добиться членства. В сентябре 1916 он нанес визит главе Germanennorden в Берлине. Этот человек оказался Германом Полем. Зеботтендорф и Поль говорили о рунах, эзотерический смысл которых интересовал последнего и в Ордене. Поль объяснил, что он пришел к изучению рун через Гвидо фон Листа и что он убежден — утрата арийцами знаний о магической их власти связана с нарушением расовой чистоты, в особенности скрещивания с евреями. Он полагал, что это знание может быть восстановлено только путем очищения расы от иностранных влияний.

Зеботтендорф стал расспрашивать о будущем Ордена и ему объяснили, что оно определится после собрания, которое должно привести в порядок дела Ордена. Незадолго перед Рождеством Зеботтендорф получил известия о том, что Орден создан вновь, во главе с Полем в звании Канцлера. Эта информация доказывает, что Зеботтендорф был знаком с Полем еще до раскола. Во время встречи с Полем Зеботтендорф попросил у него список возможных кандидатов Ордена в Баварии. По возвращении в Бад Айблинг он получил около сотни адресов и ему была поручена задача воскрешения почти вымершего баварского отделения. Весь 1917 год Зеботтендорф активно действовал от имени Поля. Его переписка с людьми, чьи адреса он получил, измеряется томами. Он начал посещать их, и эти визиты превратились в регулярные групповые встречи и лекции. В то же время, он поддерживал оживленную переписку с Полем, снимавшим этаж для ложи в одном из домов

недалеко от Берлина. 21 декабря 1917 состоялась церемония посвящения, на которую Зеботтендорф был приглашен. Предложение Зеботтендорфа издавать ежемесячный журнал Ордена было тепло встречено братьями: и первый номер «Рун» появился в январе 1918. Он согласился принять на себя финансирование бюллетеня Allgemeine Ordens-Nachrichten, адресованного только членам Ордена. На этом же собрании Зеботтендорф был официально избран Мастером баварского отделения.

В 1918 Зеботтендорф познакомился с пострадавшим на войне Вальтером Наухаузом, который стал его правой рукой в деле пополнения рядов Ордена. Наухауз был близок ему по духу в двух отношениях: он также был экспатриирован и увлекался оккультными науками. Сын немецкого миссионера, он родился 29 сентября 1892 в Ботсабело, в Трансваале. Во время войны с бурами английский гарнизон стоял под Миддельбургом, где с июля 1901 по июнь 1902 жила его семья. В конце 1906, после смерти отца, семья вернулась в Германию. В

Берлине Наухауз начал изучать резьбу по дереву, а свободное время проводил, совершая поездки к родственникам в Померанию и Силезию, или же принимал участие в экспедициях юношеских völkisch групп по Пруссии и Тюрингии, что указывает на его романтическое влечение к новой родине. Когда началась война, он вступил в Померанский полк, одним из первых брошенный на Западный фронт. 10 ноября 1914 года Наухауз был тяжело ранен под Шалоном. Из госпиталя он вышел только осенью 1915. Неспособный больше к военной службе, он посвятил себя völkisch движению и в 1916 вступил в Germanennorden, заняв пост хранителя родословных. Диапазон его чтения открывался «исследованиями» Гвидо фон Листа и заканчивался трудами по астрологии и хиромантии, он также был знаком с творчеством Пери Шу (Peryt Shou). В письме к Листу он

признавался в своем интересе к Каббале, к индуистским и египетским религиозным верованиям. Как и Зеботтендорф, Наухауз был захвачен мистической идеологией древних теократий и тайными культами. В апреле 1917 Наухауз вслед за своим учителем профессором Вакерле приехал в Мюнхен, где вскоре открыл свою студию.

Зеботтендорф и Наухауз так организовали работу, чтобы Наухауз мог целиком посвятить себя агитации

новых членов. Первоначально прогресс был незначительным, но спустя год темпы сильно ускорились. По свидетельству Зеботтендорфа весной 1918 вверенное ему отделение ордена насчитывало 200 человек; следующей осенью по всей Баварии насчитывалось 1500 человек и 250 человек в самой столице. До июля 1918 Зеботтендорф проводил встречи в своих мюнхенских апартаментах на Цвейпптрассе, а затем они арендовали пять больших клубных комнат в фешенебельном отеле Vierjahreszeiten; здесь могло поместиться до 300 гостей. 18 августа 1918

Зеботтендорф, Гаубатц и Геринг подготовили церемонию посвящения, на которой должны были присутствовать Герман Поль, Г. В. Фрииз и другие братья Germanennorden Walvater из Берлина и Лейпцига. Недели позже произошло крупное рукоположение новичков; ему предшествовал доклад Поля о «солнечных замках» Бад Айблинга, имевший эзотерический национальный смысл; также Геринг говорил о германской мифологии. Записи в дневнике Геринга свидетельствуют о том, что начиная с этого времени встречи участились: ложа собиралась по меньшей мере раз в неделю для рукоположений, лекций и осенних прогулок. Церемонии сопровождалась фортепиано, фисгармонией и женским хором. Поскольку помимо ритуальных собраний Germanennorden постоянно устраивала правые митинги, Орден принял название Thule Общество, чтобы избавить себя от нежелательного любопытства со стороны

социалистов и прореспубликанских элементов. Комнаты были украшены эмблемой Thule, изображающей длинный кинжал и «солнечное колесо» свастики.

В субботу вечером, 9 ноября 1918 года в залах Thule проходил музыкальный вечер. В предшествующие сорок восемь часов в Баварии произошла бескровная революция. Королевская семья спешно и постыдно бежала, военное правительство ушло в отставку, Советы Рабочих и Солдат взяли власть. Через два дня баварская революция повторилась в Берлине, здесь ее возглавил еврейский журналист из Богемии. Курт Эйсер был известен как пацифист и лидер Независимых («меньшевики») Социальных Демократов в Мюнхене. Он сыграл важную роль в антивоенных забастовках в январе 1918, за что был посажен в тюрьму и вышел только в октябре. Воспользовавшись внутренним кризисом в потерпевшей поражение стране, он провозгласил Социалистическую Республику, объявив себя премьером и министром иностранных дел, в кабинете, состоящем из «большевиков» и «меньшевиков». Члены Общества Thule, как и другие правые Мюнхена, были ошеломлены этими неожиданными и весьма травматическими событиями. Германия потерпела крах, Кайзер и правящие принцы отреклись, еврейские социалисты объявили республику. Uцlkisch родина, за которую они боролись так долго и с таким трудом, исчезла в одну ночь.

В ответ на эту катастрофу Зеботтендорф произнес страстную речь в тот вечер в Thule. Сохранившийся текст демонстрирует поразительную смесь монархических, антисемитских и ариософских чувств: Вчера мы пережили гибель всего, что было нам дорого, близко и свято. Вместо наших принцев германской крови, у власти — смертельные враги: евреи. Чем грозит нам этот хаос, мы еще не знаем.

Но мы догадываемся. Время, которое придет, будет временем борьбы, горьких утрат, временем опасности... И пока я держу свой железный молот (речь о молоте Мастера), я клянусь все силы отдать этой борьбе. Наш Орден — германский Орден и преданность наша — германская. Наш бог — Вальватер, его руна — Ar. И триединство: Вотан, Вили, Ви — едины в тройственности. Ar — руна означает Ариан, первоначальное пламя, солнце и орел. Чтобы показать волю орла к самопожертвованию, он окрашен в красный. С сегодняшнего дня наш символ — красный орел, пусть он предупреждает нас, что мы должны умереть, чтобы выжить.

Ссылки Зеботтендорфа на Ar — руну и на мистическую фигуру воскресающего орла, ставшую воинствующим символом арийцев, свидетельствуют о несомненном влиянии Листа. Еще в 1908 Лист писал о том, что Ar - руна означает солнце, первоначальный огонь, арийцев и орла, при этом он также имел ввиду смерть и воскресение орла как специфически немецкий символ возрождения. Триединство Вотана, Вили и Ви он описывал в своей германско-теософской космогонии 1910 года. Название Туле тоже восходит к ариософии. Этот термин произошел от имени, данного самой северной земле, открытой Пифеем (Pytheas) около 300 г. до н. э. Зеботтендорф отождествил эту Ультима Туле с Исландией: как предполагаемый аванпост немецких беженцев, эта страна играла значительную роль в арманистской доктрине. Обратившись к членам Туле с требованием бороться, «пока свастика не воссияет над холодом тьмы». Зеботтендорф завершил свою речь декламацией расистско-теософских стихов Филиппа Штауффа. Это напыщенное бахвальство и ариософское мумбо-юмбо рожают сильное искушение выкинуть из головы и Зеботтендорфа и Общество Туле. Однако впоследствии Зебот-

тендорф показал себя как выдающийся организатор националистического сопротивления правительству Эйснера и Коммунистической Республике — в журналистике, в военной и политической сферах. Ариософия нашла лидера для контрреволюции.

Несколько месяцев спустя, после того как нацисты взяли власть в 1933, Зеботтендорф опубликовал книгу с сенсационным названием «Прежде чем пришел Гитлер: первые годы нацистского движения». Книга рассказывает о подробностях деятельности ее автора в Баварии во время войны и революции и отстаивает предварительный тезис о том, что:

Члены Туле были людьми, к которым в первую очередь обратился Гитлер и они были первыми, кто пошел на союз с Гитлером. Войско будущего Фюрера состояло — кроме самого Общества Туле — из Deutscher Arbeiterverein основанным братом из Туле Карлом Харпером в Мюнхене и Deutsch Sozialistische Partei, возглавляемой Ганном Георгом Грассингером, их печатным органом был Munchener Beobachter, позже Völkischer Beobachter. Из этих трех источников Гитлер создал национал-социалистическую рабочую партию.

Реджинальд Фельпс во всех подробностях проверил эти заявления на основе архивных материалов и по независимым источникам и пришел к выводу, что Зеботтендорф говорит правду.

Например, утверждение о том, что Зеботтендорф обеспечил журналистскую основу для нацистской партии совершенно справедливо. Beobachter был маленьким еженедельником, издававшимся в восточных окрестностях Мюнхена с 1868. В нем можно было найти местные

истории из жизни среднего класса с некоторым антиклерикальным и антисемитским уклоном: собственником газеты с 1900 года -был Франц Эхер. Когда Эхер умер в июне 1918, газета прекратила бы существование, если бы Зеботтендорф не купил ее за 5 000 марок. Он переименовал ее в Munchener Beobachter und Sportblatt и снабдил ее спортивным обзором для молодой аудитории и резкими антисемитскими переделками. С июля 1918 по май 1919 редакция газеты находилась в помещениях Туле. После революции Советов в Мюнхене в 1919 Зеботтендорф переместил редакцию в помещения Deutsch-Sozialistische Partei (DSP), другой националистической и антисемитической группы, основанной в 1918. С этого времени Грассингер (лидер DSP) стал основным управляющим газетой и она превратилась в официальный орган его партии в Мюнхене.

финансовая история газеты после того как Зеботтендорф оставил Мюнхен в июле 1919 указывает на ее постепенное присвоение национал-социалистической партией. Летом издатели DSP стали расходиться между собой во взглядах и Зеботтендорф пригласил свою сестру Дору Кунц и свою возлюбленную Кати Бирбаумер, номинального собственника газеты, на встречу в Кон-станцу, чтобы прояснить ситуацию и отказаться от неподходящих людей. Газета превратилась в компанию с ограниченной ответственностью. Уставной капитал новой компании, Franz Eher Verlag Nachf составлял 120 000 марок, распределенный между двумя вкладчиками: доля Бирбаумер составляла 110 000 марок, Кунц — 10 000 марок. Впрочем, к 20 марта 1920 года вкладчики были уже иные:

Готфрид Федер 10 000 марок
Франц Ксавер Эдер 10 000

Франц фон Фрейлиц 20 000
Вильгельм Гутберлет 10 000
Теодор Хейсс 10 000
Карл Альфред Браун 3 500
Дора Кунц 10 000
Кати Бирбаумер 46 500

Готфрид Федер был одним из самых первых сторонников Гитлера; Фрейлиц и Хейсс состояли в Туле. Понятно, что Зеботтендорф и его дамы утратили контроль над газетой к 1920-му году. 17 декабря 1920 все акции были в руках Антона Дрекслера, кандидата в национал-социалистическую партию. В ноябре 1921 они перешли к Гитлеру.

Другой вклад Зеботтендорфа в дело националистического сопротивления касается военных действий. В ноябре 1918 Туле запасала оружие для вооруженной борьбы против правительства Эйснера. Они выработали два плана нападения. Первый состоял в предполагаемом захвате Эйснера на съезде в Бад Айблинге, но он провалился. Попытка развернуть контрреволюционную борьбу через создание гражданской гвардии, предпринятая Рудольфом Бутманом и Гейнцем Курцем, также оказалась неудачной, поскольку левые были очень бдительны. Более эффективным стало создание Зеботтендорфом Kampfband Thule в период Коммунистической Республики в Мюнхене; законное правительство скрылось в это время в Бамберге. Учебные бои проводились тайно в Eching, в нескольких километрах к северу от Мюнхена. Коммунисты узнали об этом и правительство в Бамберге поручило Зеботтендорфу мобилизовать баварцев в Свободные Корпуса и атаковать защищенную столицу. Это было беспокойное путешествие, с фальшивыми паспортами: члены Общества Туле и их сторонники покинули Мюнхен и прибыли на станцию Treuchtlingen. Эти люди

вошли в состав основных сил Bund Oberland, успешным Белым натиском сломивших коммунистический город с 30 апреля по 3 мая 1919 года.

21 февраля был убит Эйснер — графом Арко ауф Валлей; молодой еврей, возмущенный своим исключением из Туле, пожелал доказать свое националистическое призвание. С этого времени опять воцарился хаос. Непрочное коалиционное правительство было представлено «большевиками» социал-демократами во главе с Иоганном Хоффманом, но кабинет был вынужден бежать в Бамберг, поскольку ситуация в начале апреля резко ухудшилась. 6 апреля группа интеллектуалов-анархистов, воодушевленных примером Бела Кун в Венгрии, провозгласила Баварскую Советскую Республику; волна красных восстаний прокатилась по Дунаю и достигла Австрии и Германии. Донкихотская администрация продержалась неделю, после чего к власти пришли более серьезные коммунисты (13 апреля). Все полномочия приобрели русские эмигранты Левине-Ниссен, Аксельрод и Левин, участвовавшие в кровопролитии 1905 года в России. Их террор смягчала только их неумелость: жестокий закон следовал за законом; пьяные солдаты «Красной Армии» шли по улицам, грабя и мародерствуя; школы, банки, газеты были закрыты.

После безуспешных попыток создать контрреволюционную армию в Бамбурге, 15 апреля Хоффман был вынужден обратиться за помощью к Von Epp и другим Свободным Корпусам; ненависть к Республике собрала их под знаменами Баварии. Когда Белке войска плотным кольцом окружили Мюнхен, коммунисты ударили по очагам национализма в городе. 26 апреля они разгромили помещения Туле и арестовали секретаря — графиню Хейлу фон Вестарп, в тот же день были взяты еще шесть человек. Красный комендант Эгельхофер объявил на сле-

дующий день, что схвачена «банда преступников... из так называемых высших классов... лживые реакционеры, агенты и белые шпионы». Заложники были брошены в подвалы гимназии Луитпольд, где с середины апреля располагался штаб Красной Армии. Семерых членов Туле и еще три человека расстреляли 30 апреля в ответ на сообщение о казни красных заключенных в Старнберге. Четверо из семи членов Туле оказались титулованными аристократами, среди них был принц Густав фон Торн-и-Таксис, состоявший в родстве с несколькими европейскими королевскими фамилиями. Мюнхен и весь мир были в ужасе.

Расстрел заложников взбудоражил до этого ко всему безразличных мюнхенских обывателей. Поползли слухи, сопровождающие это событие ужасными подробностями. Белые войска ускорили свое продвижение, 1 мая подошли к городу и нашли его жителей восставшими: Туле сделала свое дело. Борьба была тяжелой и ярость сражающихся поддерживала память о расстрелянных заложниках. Среди сотен убитых многие не имели никакого отношения к Коммунистической Республике. Когда штурм был окончен, правительство Хоффмана вернулось к власти. И хотя парламент с участием социалистов и других партий был собран, было ясно, что реальная власть ускользнула от социал-демократов к антиреспубликанским элементам. Повсюду в Германии между январем и маем 1919 набирали силу прежние социальные и политические тенденции, но нигде успехи контрреволюции не были так велики, как в Баварии. Общество Туле в Germanennorden внесли большой вклад (пропаганда, прямая контрреволюционная деятельность, мученичество заложников) в создание взвинченной и воинствующей атмосферы в Мюнхене — такой, в какой только и могли развиваться экстремистские движения, подобные национал-социализму.

Помимо своей журналистской деятельности и военных походов, Зеботтендорф создал центр политических дискуссий и собраний для многих групп, участвующих в националистическом сопротивлении. Когда в ноябре 1918 разразилась революция, многие Völkisch группы потеряли крышу, поскольку хозяева помещений опасались оказаться в оппозиции к новому республиканскому правительству. Зеботтендорф объявил о том, что залы Туле в отеле Vierjahreszeiten примут к себе оставшихся без крова; гостеприимство коснулось национально-либеральной партии Ганса Дана, пангерманистов и Deutscher Schulverein Вильгельма Ромедера, а постояльцами Туле стали Готтфрид Федер, Альфред Розенберг, Дитрих Экхарт, и Рудольф Гесс, все они достигли выдающегося положения в нацистской партии. Изучение списка членов делает очевидным, что сторонники Туле были в основном юристами, судьями, университетскими профессорами, аристократами, принадлежавшими королевскому окружению династии Wittelsbach, промышленниками, врачами, учеными и преуспевающими бизнесменами, как например сам владелец гостиницы Vierjahreszeiten.

Помимо пангерманизма и антисемитской идеологии в Обществе Туле всегда жила страсть к ариософии, выражавшаяся в публичных восхвалениях Зеботтендорфа, обращенных к Фричу, Листу, Ланцу фон Либенфельсу и Штауффу. Эта интеллектуальная тенденция также находила себе выражение в деятельности научных кружков Туле. Здесь германское право изучалось под руководством Геринга, нордическая культура — под руководством Наухауза, геральдика и генеалогия — под руководством Антона Дауменланга; все предметы, близкие гностическому расизму. Осенью 1918 Зеботтендорф попытался распространить идеологию Туле на рабочий класс; эта задача была возложена на Карла Харрера (1890-1926), спортивного

репортера из вечерней мюнхенской

газеты — он должен был заняться созданием рабочего кружка. Хотя Зеботтендорф и называл этот возникший кружок *Deutscher Arbeiterverein*, он абсолютно совпадал с *Politische Arbeiter Zirkel*, созданным в октябре 1918. В него входили Харрер, как руководитель, Антон Дрекслер — самый активный член и Микаэль Лоттер, секретарь. Маленькая группа, в которой регулярно присутствовали от трех до семи членов, собиралась еженедельно на протяжении всей зимы. Харрер читал лекции о причинах военного поражения, о борьбе с еврейством, об антианглийских чувствах. В декабре Дрекслер затеял дискуссию: не организовать ли политическую партию; и 5 января 1919 года в закусочной *Furstenfelder Hof* было формально зафиксировано рождение *Deutsche Arbeiterpartei (DAP)*; ее первыми членами в основном

были коллеги Дрекслера по локомотивному парку. Разработанные Дрекслером партийные законы приняли двадцать четыре человека и он был избран ее руководителем.

Точное отношение между этой партией и рабочим кружком, возникшим по указанию Туле, остается невыясненным. Франц Даннелль, член Туле и спикер *DAP* утверждал, что он говорил с Харрером о создании партии в отеле *Vierjahreszeiten*, но в памфлете Дрекслера *Mein politisches Frwachen* (1919) не упоминается ни о Даннеле, ни о Харрере, ни о создании партии. Хотя протоколы

кружка не указывают на обсуждение расистского мировоззрения, за исключением привычных форм антисемитизма, возможно, что *Völkisch* идеи Харрера проникли в кружок и повлияли на Дрекслера и *DAP*, когда годом позже в феврале 1920 она превратилась в национал-социалистическую рабочую партию (*NSDAP*).

Впрочем, надо признать, что линия *DAP* не основывалась на арийско-расистско-окультурной модели *Germanennorden* и представляла собой крайнюю форму политиче-

ского и социального национализма.

Адольф Гитлер впервые встретился с DAP на митинге 12 сентября 1919. Посланный как военный агент по контролю политических группировок, Гитлер вступил в маленькую партию и, начиная с ноября, читал лекции в закусочных, собирая огромные аудитории. Ему нужна была массовая политическая партия и его крайне раздражала конспиративная структура маленьких групп. В декабре он разработал инструкции для комитета, обеспечивавшие ему полномочия и предупреждавшие любые возможные вмешательства со стороны «кружка или ложки». Тем самым он метил в Харрера, и последний покинул пост в январе 1920. Презрительные выпады Гитлера в адрес «völkisch странствующих ученых» в «Майн Кампф» — отголосок его вражды с Харрером и конспиративными структурами, подобными Обществу Туле и Germanennorden, поскольку его убеждение состояло в том, что для успеха необходима открытая массовая политическая партия.

Хотя DAP и Туле Общество расходились во взглядах на идеологию, они пользовались общим символом — свастикой. Фридрих Крон, член Туле и Germanennorden с 1913 заработал себе репутацию эксперта DAP, поскольку был известен как коллекционер книг на Völkisch темы; он собрал их около 2 500. В мае 1919 он составил меморандум под названием «Может ли свастика служить символом национал-социалистической партии?», в котором предложил левонаправленную свастику (по часовой стрелке, как у теософов и Germanennorden) в качестве символа DAP. Он выбрал это направление, поскольку в буддистской интерпретации оно символизирует удачу и здоровье, тогда как правая ориентация (против часовой стрелки) означает упадок и смерть. (Большинство свастик Листа и Общества Туле имеют правую ориентацию, это

говорит о том, что в Völkisch традиции не было принято устойчивое направление). Гитлер предпочитал ориентированную вправо свастику с прямыми линиями и в ходе обсуждений в комитете DAP убедил Крона изменить проект. Крон же придумал распределение цвета: черная свастика в белом кругу на красном фоне. 20 мая

1920 на митинге NSDAP в Старнберге такая свастика, предложенная Кроном и модифицированная Гитлером впервые появилась публично как флаг нового движения. Таким образом, путь нацистского символа непрерывно прослеживается через эмблемы Germanennorden, восходя в итоге к Гвидо фон Листу.

Дальнейшая карьера Зеботтендорфа может служить образцом судьбы «völkisch странствующего ученого». Он подвергся обструкции со стороны Туле за утрату списков людей, участвовавших в расстреле заложников; после 22 июня 1919 его перестали приглашать на собрания Туле. Его политические приключения на этом завершились и он вынужден был искать себе новую карьеру. Поскольку с 1913 года он прилежно изучал астрологию, это стало его основной деятельностью. В октябре 1920 он сменил Эрнста Тьеде на посту издателя журнала *Astrologische Rundschau*.

Тьеде в свое время подвинул Ланца фон Либенфельса на профетическое творчество. Он последовательно публиковал такой заметный оккультно-расистский текст как *Ur-Arische Gotteserkenntnis* (1917), в котором описывались мистерии и солнечные религии древних арийских теократий; он переписывался с Гвидо фон Листом о теософии и арманистской мудрости в Ветхом Завете. Зеботтендорф пошел по его стопам. Между

1921 и 1923 он написал не менее семи астрологических прогнозов, которые завоевали высокий престиж среди современных немецких астрологов за их ясность и высокую эмпирическую точность. Он также издавал журнал

в Bad Sachsa в горах Гарца вплоть до 1923. Он ведь всегда любил маленькие фешенебельные курортные городки, где мог спокойно выдавать себя за барона.

Весной 1923 Зеботтендорф уехал в Швейцарию. В Лугано он закончил свой оккультный трактат о дервишах Baktashi и их взаимосвязях с алхимиками и розенкрейцерами. Пробыв в Швейцарии весь 1924 год, он вернулся в Турцию. С 1926 по 1928 год он был почетным мексиканским консулом в Стамбуле, между 1929 и 1931 путешествовал по Соединенным Штатам и Центральной Америке. В какой-то момент стал рыцарем Ордена Империи Константина, роялистской, рыцарской организации, чья антибольшевистская идеология и аристократические атрибуты, должно быть, были ему очень дороги. В 1933 он возвращается в Мюнхен, чтобы воскресить Общество Туле в Третьем Рейхе, но скоро впадает в немилость у нацистских властей, поскольку

считает себя предшественником национал-социализма. В начале 1934 года интернирован. Снова путь Зеботтендорфа лежит через Швейцарию в Турцию, теперь он находит себе работу у Герберта Риттлингера в немецкой разведывательной службе Стамбула, там он работает всю войну. Его бывший шеф вспоминал о нем как о нищенствующем и добродушном старом джентльмене, информация которого была совершенно бесполезна. Когда в сентябре 1944 немцы оставили Стамбул, Зеботтендорф получил пособие, которое позволило ему продержаться еще год. После войны Риттлингер получил достоверную информацию о том, что 9 мая 1945 года старый барон бросился в Босфор. Риттлингер знал его последним и сказал о нем: «старый и одинокий барон был в конце своего пути; у него не было больше денег и никаких надежд даже на самые скудные источники. В день, когда был подписан мир, мысль о полном поражении должна

была совсем уничтожить его». Так закончилась жизнь искателя приключений, соединившего ариософию с нацистской партией.

12

СВЯЩЕННЫЕ РУНЫ И ОБЩЕСТВО ЭДДЫ

В 1918 году старый вильгельмовский мир Германии был уничтожен окончательно. Война, на которую ушло четыре года, теперь казалась бесполезным жертвованием жизней, близких людей, юношеских надежд и стремлений и просто денег. Шок военного поражения был особенно неожиданен ввиду недавних успехов на Западном фронте и поражения России. Внезапное заключение мира подтверждало легенду об «ударе в спину» и о заговоре социалистов и евреев, предавших армии, находящиеся на фронтах. Тяжелые условия Версальского мира тяжелым бременем легли на истощенную и измученную страну: пришлось уступить бывшие территории Третьего Рейха, выплачивать значительные репарации деньгами и промышленной продукцией; присутствие иностранных войск в стране довершило унижение нации. Кайзер и правящие принцы отреклись, их место заняли неизвестные политики, приступившие к созданию парламентской демократии; все относились к ним как к ставленникам победителей и прочих врагов. Между 1918 и 1923 годами Германию потрясали местные восстания и гражданская война, попытки отдельных переворотов и перестрелки на границах с Польшей, разрушительная внутренняя инфляция. Хаос новой Республики контрастировал с имперским величием и пышностью предвоенной эры. Германия страдала от политических и культурных травм, мучительно пытаясь приспособиться к своим новым обстоятельствам.

Эта плачевная ситуация естественным образом способствовала возникновению идеологий, связанных с реставрацией безмятежного прошлого или по меньшей мере с устранением условий, ответственных за глубину падения Германии. Незначительное меньшинство монархистов прилагало усилия к возвращению изгнанного Кайзера, но большинство новых правых склонялось к радикальному разрыву со Вторым Рейхом. Апокалиптическая поэзия националистов возлагала надежды на возникающие повсюду Союзы и völkisch группы, готовые развязать борьбу против евреев, коммунистов и франкмасонов. Националистические революционеры, объятые романтическим духом флибустьеров вступали в Свободные Корпуса, и независимые армии, сражавшиеся в Балтийских государствах, против поляков и против коммунистов в самой Германии. Другие неоконсерваторы размышляли над необходимостью нового феодального порядка, корпоративного государства или Третьего Рейха. Молодежное движение также было затронуто этим процессом. Молодые люди собирались в группы, объединявшие их чувством исключительного мужского сообщества, их атлетического совершенства и романтического национализма.

Новую поддержку на визионерских окраинах послевоенного völkisch движения получили оккультно-националистические идеи Гвидо фон Листа. В основном это было делом старых его сторонников, нашедших для себя новые аудитории. Эллегард Эллербек, страстный поклонник Листа, начал резкую антиреспубликанскую кампанию, характеризующуюся поразительным разнообразием гностических, теософских и антисемитских идей: он поносил Союзников, осуждал материализм и превозносил немцев до божественного статуса. В своих *Versailler Visionen* (1919) он описывает тонкую ауру, сопутствующую каждой из европейских наций и выступающую

функцией ее духовного характера; работа завершается страстным «окультурно-арманистским» призывом, обращенным к согражданам: «Да знаете ли вы, что вы — боги?» В следующем году он издает роман, озаглавленный *Sonne Sonnings Scene auf Sonnensee* (1920), в котором символы солнечных религий смешались с völkisch утопиями и в приложении к которому были опубликованы четыре письма от Гвидо фон Листа. Эллербек читал лекции по всей Германии, провозглашая немцев наследниками крови древних языческих богов и писал антисемитские статьи с мистическим оттенком для газеты Дитриха Эккарта *Auf gut deutsch*. В этот революционный период его воображение было одновременно апокалиплично и катастрофично. Однажды он заявил, что фриз дома Вальтера Ратенау, министра иностранных дел новой Республики, изображает казнь всех ныне правящих властителей, и тем обратил на себя внимание публики, поскольку еврейский политический деятель действительно был убит вскоре после этого. Об Эллербеке вспоминал даже Альфред Розенберг в своем тюремном дневнике, когда ждал исполнения приговора в Нюрнберге, в 1946.

Общество Листа продолжало существовать на новых штабквартирах в Берлине, под энергичным руководством Филиппа Штауффа, первого немецкого ученика старого мастера. Из своего дома на Мольтекштрассе 46а в Берлин-Лихтерфельде Штауфф выпускал новые издания *Арио-Германских исследований Листа* (1920-1922). 17 июля 1923 он совершил самоубийство и его вдова Берта Штауфф взяла на себя управление издательством; Общество продолжало служить местом встреч и общения вступивших в него перед войной, членов *Gennanennorden* и новичков, появившихся в 1920-е. Тарнхари бывал в доме Штауффа, как свидетельствует об этом Гюнтер Киршхоф, оккультист, занимающийся генеалогией. Эбер-

хардфон Брокхузен, Великий Мастер Germanennorden, работал как Президент Общества вплоть до своей смерти в марте 1939. Политическое влияние Общества Листа было весьма ограниченным, оно служило в основном для общения между кругом Штауффа и их Vцlkisch соратниками в Берлине. Тем более очевиден значительный вклад в контрреволюционное движение (послевоенный Мюнхен) со стороны Germanennorden и Общества Туле.

В то время как названные персонажи занимались распространением традиционного арманизма Листа, Рудольф Йохан Горслебен (1883-1930) положил начало новому арийскому оккультному движению. На основании рун, оккультных наук и Эдды Горслебен создал оригинальную расистскую религию-мистерию, которая вновь возвращалась к магическому наследству арийцев и оправдывала их духовное и политическое превосходство. Родившись 16 марта 1883 в Метце, Горслебен воспитывался в Эльзас-Лоррэне. В 1871 эту французскую провинцию аннексировал Немецкий Рейх, после победы во Франко-Прусской войне. Жители этой области говорили на немецком диалекте и колебались в политическом выборе между Берлином и Парижем, что подтверждает рост пангерманизма в 1890-е гг. В этой пограничной полосе Горслебен очень рано познакомился с национализмом; будучи подлинным немецким патриотом, он чрезвычайно гордился своей родословной, восходящей к аристократической фамилии XIV века из Тюрингии.

О его юности известно немного, за исключением того, что перед Первой Мировой войной он бывал в Мюнхене.

Сначала он готовил себя к театральной карьере, поскольку его пьеса, под названием Der Rastaquidr (1913) имела одно время успех в городе. Но затем обратился к журналистике и начал издавать журнал, посвященный пангерманистским и националистическим идеям Allgemeine Flugldtter-Deutscher Nation. Когда началась

война, Горслебен поступил в Баварский полк и два года сражался на Западном фронте. Затем был переведен в Германский союз и воевал против турецкой армии в Аравии, дрался с племенами бедуинов и их британскими сторонниками в Палестине. Он заслужил звание лейтенанта и двенадцать военных наград. Во время войны он вел дневник, выдержки из которого, посвященные аравийской кампании, позже были опубликованы. Но и в этом раннем творчестве отразился его сильный интерес к мифологии и роли немецкой расы в историческом развитии.

В конце войны Горслебен вернулся в Мюнхен. Революция еще более политизировала его и он вступил в Общество Туле. В апреле 1919 он был арестован коммунистами вместе с Дитрихом Эккартом. Только находчивость Эккарта, проявленная на допросе, избавила обоих от судьбы других заложников Туле. 18 декабря 1920 Горслебен прочел для Туле лекцию под названием «Арийский человек». В своем дневнике, описывающем собрания Общества, Иоханнес Геринг писал об оккультных тенденциях сознания Горслебена и о позднейшем расцвете их в зрелой доктрине арийского мистицизма. Спустя два года Горслебен вновь принимал активное участие в революционной деятельности правых. В июле 1921 он стал гауляйтером южно-баварского отделения радикального антисемитского Deutschvölkischer Schuts-und Trutzbund, впоследствии конкурировавшего с только что возникшей нацистской партией. В декабре 1921 Горслебен решил порвать с центром лиги в Гамбурге и создал новый союз с Юлиусом Штрайхером — впоследствии этот человек издавал *Der Stürmer* под надзором нацистов — заручившись поддержкой в Регенсбурге и Нюрнберге. Горслебен также тесно сотрудничал с Лоренцом Мешем, шефом *Germanennorden* в Регенсбурге, чьи подопечные Шульц и Тилессен осуществили убийство

Эрцбергера. Впрочем, после бурного периода внутрипартийной борьбы, Горслебен ушел от völkisch политиков и посвятил все свое время литературным занятиям. Он приступил к грандиозному переводу Эдды, которую рассматривал как наиболее чистую форму древней арийской религии.

В 1920 Горслебен приобрел обанкротившуюся мюнхенскую еженедельную газету Die Ripublic, снабдил ее новым названием Deutsche Freiheit и начал издавать в völkisch духе. Его помощниками были: Фридрих Виктль, австрийский теоретик мирового заговора масонов и Ганс Ф. К. Гюнтср, расистский антрополог. Между 1920 и 1925 гг. газета приобрела выраженный националистический характер, ссылаясь по разным поводам на оккультные свойства арийской расы. С конца 1926 этот наднациональный мистический расизм начал преобладать в журнале — Горслебен приступил к изложению собственной версии арийского оккультизма. В нескольких отношениях его доктрина была связана с современным оккультизмом и теософией: метафизическими основаниями для нее также служили астрология, каббализм и магия; конечной целью было создание расово чистого человечества и духовный приоритет арийцев; условием первенства было оживление скрытых сил, присущих каждому арийцу, позволяющих ему иметь власть над естественным миром; любая механистическая и материалистическая концепция реальности категорически отвергалась им; и, наконец, она пропагандировала наступление нового века, в котором арийцы вернут свое былое величие и власть над миром. В поздних работах Горслебена эта доктрина представлена как древняя мудрость арийцев. Его журнал с этого времени имеет подзаголовок «Monatsschrift für arische Gottes-und Weltez Kenntnis» и с 1927 носит новое название Arische Freiheit.

Расизм Горслебена опирается на социалдарвинизм и похвалы арийскому типу. Слово «раса» он производит от *rata*, старый северный термин, означающий «корень» для того, чтобы доказать, что Бог и раса совпадают. Он утверждал, что арийцы были «сыновьями солнца, сыновьями богов, высшим проявлением жизни» и описывал их взгляд на мир как героический, поскольку арийцы пожертвовали личной выгодой ради блага мира. Действительно, их призванием было завоевание всего мира. Горслебен яростно обрушивался на грубый, убогий и жалкий-современный мир — печальный результат расовых смешений и льстил чистым (относительно) немцам такими фразами как «Помните, что ваше тело есть храм Божий. Бог пребывает внутри вас». Он утверждал, что расовое смешение губительно для партнера, высшего по расе, поскольку эта чистота будет снижена в его потомках; он повторял общее место *völkisch* авторов о том, что женщина может «зачать» во время полового акта, даже если оплодотворение как таковое и не произошло, так что ее последующие отпрыски будут нести на себе черты ее первого любовника. В условиях растущего вырождения наследников арийской расы, только очень строгая практика сегрегации и евгенические мероприятия могли остановить неизбежный расовый хаос мира.

Но практические проблемы размножения не были главными для Горслебена; он настаивал главным образом на духовном возрождении и оккультном образовании арийцев. Эзотерический смысл рун был центральной точкой в его попытках представить магический арийский взгляд на мир и эти идеи резко отличали его от прочих *völkisch* авторов. Издавна считалось, что символическая ценность рун превышает их фонетическую значимость и роль как знаков письма: они использовались в практике пророчеств, предсказаний судьбы, магических заклинаниях и приготовлении амулетов. Горслебен

пытался восстановить науку о рунах и их магическом использовании. В первую очередь, он рассматривал руны как проводники тонких энергий, одушевляющих универсум и потому как инструмент, при помощи которого можно влиять на материальный мир и ход событий. Руны были звеном, связывающим макрокосм и микрокосм арийского человека, обнаружением Бога в мире. «Руны возникли из первоначального отношения между человеческой душой сыновей Бога и мировым духом и они могли бы привести ищущего истину назад, на его космическую родину, к мистическому единству с Богом». Горслебен иллюстрировал эти неогностические понятия многочисленными диаграммами, изображающими индивидуальные руны внутри других, священных; например, он отмечал присутствие hagall руны () в таких символах и фигурах как гексаграммы, геральдические лилии, магические квадраты и пирамиды Хеопса в Египте. Он также разработал оккультное учение о кристаллах; в соответствии с ним душу любого человека можно было медиумически ощутить через особый тип кристалла. Кристаллические типы указывали на способности и судьбу того или иного субъекта. Горслебен полагал, что кристаллы были ничем иным как пространственной геометрической проекцией рун, что лишнее раз доказывало их космическое значение.

Теории Горслелена сопровождалась большим разнообразием геометрических, нумерологических и этимологических конструкций. Куб был «размонтирован», чтобы продемонстрировать скрывающийся внутри него христианский крест, hagall — руна — превращена в различные солнечные символы, слово «кристалл» — произведено от Krist-all, что указывало на атлантическое и арийское происхождение древней религии Krist, впоследствии замещенной новой проповедью Иисуса. В качестве доказательств существования этой доисторической

религии Krist. Горслебен приводил множество примеров разнообразных крестов античных цивилизаций рассеянных по всему миру и даже связывал монограмму Христа (<f12.gif>) с различными формами hagall — руны (<f13.gif>). О высоко эзотерической природе учения Горслебена свидетельствует обложка Deutsche Freiheit в декабре 1926, это был второй специальный выпуск, посвященный арманистской мудрости: тема «От Hag-All к Krist-All» графически была представлена обычной hagall — руной, соединенной с гексаграммой и гексагоном и ее вариантом, наложенным на несколько концентрических кругов. Ниже этих оккультных символов располагались слова «Ask» и «Embia», формулы 3×3 и $7+9$, а также загадочный вопрос «человеческая жертва?». В центре страницы был расположен традиционный символ журнала: две свастики внутри гексаграммы, составленной из двух треугольников, и девиз «Подобное познается подобным».

Такая эзотерическая версия древней арийской мудрости имела структурное сходство с идеями Гвидо фон Листа, которого Горслебен часто цитировал с уважением. Свой взгляд на арийскую религию Горслебен развивал на материале впечатляющих Примеров и иллюстраций, которые он заимствовал из научных трудов по археологии, этнологии и истории искусства. Работа всей его жизни «Зенит человечества» (1930) описывает былую славу арийского мира и содержит множество фотографий, схем, диаграмм и карт. Утраченные цивилизации

Атлантлды, мегалиты Европы, археологические находки, орнаменты и барельефы, рунические алфавиты, астрология и математические теоремы, — все это было нужно ему для того, чтобы доказать факт высокой цивилизации арийцев. Для него эта мудрость жила во всем разнообразии культурных форм, рунической структуре домов, в гербах, символах и словах и даже в картине «Меланхолия» Альбрехта Дюрера.

Древнюю литературу Исландии, а в особенности Эдду, Горслебен рассматривал как один из «самых богатых источников арийской интеллектуальной истории». 29 ноября 1925 года он основал арийскую группу под названием Общество Эдды; оно было создано в его собственном доме в Dinkelsbühl — романтический средневековый город Франконии. Члены Общества были по преимуществу писателями и они приняли участие в эклектической реконструкции арийской религии. Вернер фон Бюлов (1870-1947). Великий Мастер Общества, ушедший на покой чиновник из Западной Пруссии владел отелом Karwendel в Миттенвальде в Верхней Баварии. Он создал «мировые рунические часы», которые показывали зависимости восемнадцати рун от цветов, зодиакальных знаков, богов месяцев, чисел, скальдических имен и листовского триединства «рождения», «бытия» и «смерти». Аналогичные идеи он выразил и в своей короткой работе *Der Ewigkeitsgehalt der eddischen Runen und Zahleg* (1925). Казначеем Общества был Фридрих Шэфер из Muhlhausen, его жена принимала в доме и другую völkisch — оккультную группу, центром которой был Карл Мария Вилигут в начале 1930-х. Другие члены Общества Эдды, Мартин Брюкер и Альберт Марк — автор эзотерической книги о германском национализме — работали над понятием прото-языка и принципом параллакса. Также туда входили Карл Нус (Nyse), известный частный учитель; Отто Зигфрид Рейтер, лидер Немецкого Религиозного Товарищества и автор многих книг по астрологии, языческой религии и Текстов об Эдде; Карл Рейнгольд Петтер, президент панарийской лиги в Данциге; и Матильда фон Кемниц, плодовитая völkisch — писательница, возглавившая движение Ludendorff после того как в сентябре 1926 вышла замуж за генерала. Горслебен был Канцлером Общества и его журнал *Deutsche Freiheit*, а затем *Arische Freiheit* служил

официальным органом Общества. После смерти Горслебена, наступившей 23 августа 1930 после длительной сердечной болезни, Бюлов возглавил издательство, журнал был переименован в Hag All All Hag, затем просто в Hagal и издавался в таком виде вплоть до 1939 года.

В 1930-е гг. Бюлов руководил Обществом Эдды в соответствии с его первоначальными принципами. Хотя в 1933 в новом меморандуме Общество объявило официально о своей верности национал-социализму, темы его исследований оставались прежними. Журнал Hag All All Hag занимался в основном анализом стихов Эдды, мифологии и древних памятников: в нем постоянно исследовались руны, действующие как истолковательные машины благодаря своему фонетическому и нумерическому смыслу, Бюлова особенно интересовали мифы, касающиеся Одина, Брунгильды, Кудруны, Хеймдаля, другие авторы занимались более специальными исследованиями символизма специфических структур и местных особенностей. Время от времени в журнале всплывали политические вопросы. Там можно было прочесть о том, что нацистская революция в Германии произошла в соответствии с высшими космическими законами, в связи с чем личные интересы необходимо подчинить интересам большинства. Некоторые статьи комментировали Anschluss Австрии и захват Богемии и Моравии. В 1934 Hagal посвятил три номера родовым воспоминаниям и фамильной традиции Карла Марии Вилигута, старейшего vclisch пророка, принятого в СС за свои пророческие откровения о древнем германском прошлом. В эти и последующие годы Бюлов настаивал на том, что такие фамильные традиции являются наилучшим ключом к пониманию древних арийских верований. Гюнтер Киршхоф, член Общества Листа после войны и корреспондент Вилигута, написал несколько статей о геральдике, астрологии и местной истории. Другими

значительными авторами журнала были Ида Шульце, Карл Нус, Рихард Андерс и Йозеф Гейнш, основной представитель немецкой школы геомантики и сакральной географии.

Помимо Горслебена, Бюлова и Общества Эдды были и другие, кто занимался рунами между 1920 и 1930 годами. Но они культивировали практическое искусство обращения с рунами и меньше внимания обращали на арийский расистский контекст их существования. Фридрих Бернхард Марби (1882-1966) основал мистическую школу оккультизма рун, которая подчеркивала их полезные, излечивающие свойства; руны можно было использовать как заклинания и как особую гимнастику: положения тела должны были повторять их форму.

Родившись 10 мая 1882 в Аурихе в Северном Фрисланде, Марби поступил учеником в типографию и оставался там до 1915 года. Все эти годы он работал над своей теорией рун, которая возникла во многом как результат чтения Гвидо фон Листа. В 1917 году он переехал в Штутгарт, работал там издателем местной газеты и глубоко интересовался астрологией, чьи законы пытался соединить с руническими закономерностями. В 1924 году начал издавать собственную газету *Der eigene Weg* и опубликовал несколько небольших монографий о рунах, о их использовании в практике медитации и в заботе о здоровье; это была специальная книжная серия *Marbu-Runen-VsHEREI*, выходившая с 1931 года. Между 1928 и 1930 занимался изучением своей родословной в Швеции и Дании. В 1936 был осужден Третьим Рейхом как антинацистский оккультист и отправлен в концентрационный лагерь Вельзхайм. После более чем восьми лет заключения во Флоссенбурге и Дахау, был наконец освобожден армиями союзников в апреле 1945. После войны Марби продолжил свои оккультные исследования, писал новые книги, издавал журнал *Forschung und Erfahrung* вплоть до

своей смерти 3 декабря 1966.

Выражаясь научным жаргоном начала XX века, Марби считал человека чувствительным приёмником и передатчиком космических волн и лучей, чья специфическая природа и действие зависели от влияния планет, земного магнетизма и свойств ландшафта. В рамках этой макро-, микрокосмической модели Марби рассматривал руны как схемы телодвижений, которые должен совершить человек для того, чтобы улучшить восприятие этих космических влияний. Поэтому он разработал особую систему гимнастики: упражнения повторяли форму рун. Повторение при этом звуков рун в качестве заклинания или мантры также очень поощрялось. Обе практики указывают на связь с йогой, которая была хорошо известна эзотерикам Германии благодаря ее теософской популяризации после Первой Мировой войны. Древние арийские и германские священные центры Марби представлял себе как особые очаги рунического воспитания, расположенные преимущественно в кратерах, на горах или холмах и недалеко от воды: вода известна своими магнетическим и отражающими свойствами. После войны Марби посвятил себя астрологической практике и занимался такими вещами как влияние планет на форму башен и шпилей церквей.

Зигфрид Адольф Куммер (род. в 1899) также предпочитал практическую сторону рунического оккультизма. В 1927 году он основал школу «Руна» в Дрездене и сотрудничал с ариософской летней школой братьев Рихтеров в Баренштайне в 1932 году. Опираясь на традиции ритуальной магии, Куммер учил своих учеников чертить на полу магический круг с вписанным в него именами немецких богов, пользоваться канделябром, кадиллом и *aspersorium* при исполнении рунических процедур и заклинаний. Дополнительные практики включали в себя

руническое пение йодлем, и особое руническое пожатие, при котором рука и пальцы складывались в руну, необходимую для процесса медитации. Работы Куммера содержали в себе множество ссылок на Листа и Горслебена и сопровождались изображениями Грааля и «нордических» храмов. Виллигут, будучи советником Гиммлера по магическим и религиозным вопросам, осудил и Куммера и Марби за дискредитацию и осмеяние священного Арийского Наследства, каковая критика и привела Марби к тем жестоким испытаниям, которые он перенес от Третьего Рейха.

В völkisch традиции существовал еще один оккультист — Георг Ломмер (1877-1957), но его концепции были скорее связаны с астрологией, чем с руническим оккультизмом. Он родился 12 сентября 1877 в местечке Лустен близ Визмара, получил образование врача, после Первой Мировой войны присоединился к теософскому движению Германии. Его ранние работы касались критики христианства, а работы между 1920 и 1925 годами посвящены альтернативным формам медицинской диагностики и лечения, опирающимся на истолкование сновидений, самовнушение и хиромантию. До этого времени его астрологические интересы не были очевидны. В 1925 он принял участие в составлении астрологического и графологического приложения к известному теософскому журналу *Zum Licht* вместе с известным астрологом Эльсбет Эбертин. В 1929 сам возглавил журнал *Asgard* в Ганновере, который имел подзаголовок «газета борьбы за богов родины». Его возникающее влечение к языческому взгляду на мир обнаружило себя в *Nakenkreuz und Sowjetstern* (1925) — коротком трактате, в котором он размышлял над глубоким смыслом этих символов и в *Die Götter der Heimat* (1927) — работе, соединяющей новую немецкую религию с астрологическими идеями. Наряду с другими послевоенными

арийскими оккультистами, Ломер постоянно обращался к оккультным материалам, освещающим забытое арийское наследство. Сотрудниками Asgard были: Марби, Эрнст Вахлер, член Общества Листа и создатель vцlkisch театра под открытым небом и Грегор Шварц-Бостунич, мистический антикоммунист и теоретик заговоров.

Широкий диапазон и смущающее разнообразие расистского оккультизма в годы Республики и Третьего Рейха могут заставить забыть о других причудливых образованиях, возникающих в этом контексте — в немецком обществе, в тот же печальный период истории. Поскольку невозможно отрицать, что все эти астрологи, рунические маги и мистики Эдды были оккультистами, невозможно закрыть эту тему, не выяснив основных идеологических и политических мотивов этих особых типов оккультизма. Всех их, конечно, объединяла глубокая неприязнь к современному миру. В Немецкой республике они видели символ поражения. От разочарований настоящего они обращали взор к образам высокой арийской культуры далекого прошлого. Астрология, мифы Эдды и руны могли служить волшебным звеном, связывающим их с золотым веком. Это также были и входные билеты в новую эру, воскрешающую все те же магические образы для истинных германцев.

ГЕРБЕРТ РЕЙХШТАЙН И АРИОСОФИЯ

Когда Ланц фон Либенфельс впервые изобрел термин «ариософия» в 1915, он уже был хорошо знаком с современным оккультизмом. Астрология, как она развивалась до Первой Мировой войны и во время нее, репринты пророчеств Нострадамуса, работы, посвященные предчувствию, телепатии, психические исследования, — все это обеспечило Ланца компендиумом современных оккультных наук. После войны Ланц погрузился в изучение астрологии, что нашло выход в его *Praktisch — empirisches Handbuch der ariosophischen Astrologie* завершенных в августе 1923. Найдя нового издателя в октябре 1925, Ланц написал формальное изложение своей доктрины. Он подчеркнул такие основные положения ариософии как вера в квазимонистическую «панпсихическую» энергию, совпадающую в своем существе с Богом; эта энергия одушевляет весь универсум, но наиболее совершенное выражение находит в светловолосых и голубоглазых арийцах. Он несколько раз повторил уже известный тезис о том, что все культурные достижения мира состоялись благодаря арийской природе. Основным делом ариософии Ланц называл изучение различий между «белыми» и «черными», одновременно настаивая на важности таких основных наук как хиромантия, астрология, геральдика, науки о временных периодах, изучения имен и некоторых форм каббализма. Он утверждал, что геральдические знаки и имена служили видимыми и слышимыми иероглифами, в которых основатели арийского рода записывали историю и судьбу своих фамилий. Хиромантия и астрология выступали также наиболее

адекватными средствами познания арийской души.

Поддержка Ланцем оккультных наук, особенно хиромантии и каббализма имен, была значима по двум причинам. Во-первых, она указывала на его дружеское сотрудничество с кругом расистских характерологов, группировавшихся вокруг издателя Герберта Рейхштайна с 1925 по 1929, когда он уже не посвящал все свое время Ordo Novi Templi; во-вторых Ланцу был полезен этот контакт, поскольку он собрал новые материалы для своей доктрины благодаря расцветающему после войны оккультному движению; появлялись новые специальные исследования по астрологии, графологии, хиромантии и йоге, толкованию снов и различным формам духовного режима, способствующего здоровью и личному счастью. Значимыми фигурами в этой среде были Густав Мейринк, Франц Спунда, Пери Шу — они писали романы на оккультные темы; более широкий круг авторов занимался специальными исследованиями на оккультные темы. Издательство Иоханнеса Баума в Пфуллингене в рамках своей серии «Новая мысль» отвело особое место таким исследованиям: между 1920 и 1925 годами Баум начал выпускать, по меньшей мере, четыре книжных серии, популяризирующих такие предметы как гомеопатия, медитация, дыхательная гимнастика, йога, эзотерическое христианство и восточные религии; авторами этих работ были Карл Отто Шмидт, Георг Ломер, Вилли Адельман-Хуттула, Ганс Ганиг, Генрих Юргенс и другие. Таким образом, если количество, вес и влияние выходящих в это время теософских журналов и книг объединить с продукцией Баума, будет ясно, что в первые годы военного поражения и внутреннего кризиса урожай немецкой оккультной литературы был чрезвычайно богат. Среди разнообразных идеологических субкультур ариософия занимала особое место, поскольку была тесно связана с тревогами и внутренней разорванностью людей

этой эпохи.

Особый вклад Герберта Рейхштайна в эту субкультуру лучше всего можно понять, рассказав о его коллегах. Исторические корни его движения уходят к берлинской группе оккультистов, возникшей около 1920 года. Основными фигурами этой группы были: Эрнст Иссбернер-Халдан, хиромант; Фроди Инголфсон Верман, астролог; Роберт Х. Бротц, графолог, и Вильгельм Вульф, астролог, к которому в последние недели войны Генрих Гиммлер приходил для консультации. По предложению Иссбернер-Халдан компания носила название «Круг свастики». Верман был горячим поклонником размышлений Листа о древних немецких королях-священниках. Он родился 6 февраля 1889 года. Войну прошел артиллерийским капитаном. Считался экспертом по древней нордической истории и рунологии, также занимался астрологией, нумерологией и кармическим учением. Другие сообщения говорят о его страстной приверженности делу народа и желании спасти героических арийцев через искоренение низших рас. Впервые познакомившись с теориями Ланца после войны, он и в 20-е гг. прилежно занимаются изучением мистических и оккультных текстов. Вместе с тем, имеется несимпатичная запись о его ранних оккультных штудиях. Его первая публикация, «Влияние Солнца в двенадцати домах Зодиака», (1923) представляла собой плагиат неизвестного английского текста, который Иссбернер-Халдан перевел для него. С Рейхштайном Верман впервые сотрудничал в конце 1925 года, и написал два выпуска его книжной серии Ariosophische Bibliothek в 1926 году.

История жизни Иссбернер-Халдана более доступна, чем история Верман, поскольку первый оставил автобиографию. В соответствии с ней Иссбернер-Халдан родился 11 июня 1886 в Кольберге на Балтийском море.

Интерес к хиромантии возник у него еще в детстве, когда старший брат подарил ему книгу на эту тему. В

1900 году он поступил учеником в одну из фирм Кольберга, где оставался до восемнадцати лет. После краткого периода военной службы работал у своего дядюшки в Берлине на табачном производстве, впоследствии руководил целой отраслью фирмы в Тюрингии. Летом 1910 Иссбернер-Халдан осуществил свою заветную мечту: эмигрировать в Австралию. Ему хотелось покинуть пределы Германии, он презирал ее культуру за ограниченность, филистерство и милитаризм. Повествование о его путешествии из Бремерхэвена через Суэц и Колombo выполнено в стиле Bildungsroman: молодой эмигрант встречает несколько интересных собеседников, исповедующих антисемитские и расистские идеи. Парагини, скульптор из Генуи, говорил ему о важности расовых черт для искусства и отрицал саму возможность творческой способности у евреев. Д-р Джэфферсен, шотландец, был представлен как астролог, увлекающийся творчеством Ланца: М-р Хевальту другой бритт, также был хорошо знаком с неоманихейским расизмом Ланца и обнаружил подробное знание сексологии и различных направлений оккультизма. На Цейлоне Иссбернер-Халдан имел возможность беседовать с индийскими предсказателями судьбы и наблюдать подвиги старого факира. Благодаря всем этим встречам и приключениям Иссбернер-Халдан постепенно пришел к осознанию значимости расизма и оккультизма и возобновил свои занятия хиромантией.

С осени 1910 вплоть до начала 1912 Иссбернер-Халдан работал на различных фермах в малонаселенных уголках Нового Южного Уэльса и Южной Австралии, а затем отправился в Южную Америку. В Рио-де-Жанейро он обратил внимание на бордели, в которых работало множество девушек с явными арийскими чертами, это пос-

лужило ему доказательством мирового заговора евреев, стремящихся испортить юных девушек высшей расы.

Поднимаясь по Амазонке в Манаос, Иссбернер-Халдан написал диссертацию по хиромантии, за которую получил звание профессора *honoris causa* от никому не известного и возможно вымышленного университета. Во время поездки в Перу, он странствовал по Андам и испытал там мистический транс, причастившись таинствам и более высшему смыслу человеческого существования: он также получил эзотерические наставления от Девасвара Ламы, странствующего персидского святого. Вернувшись в Австралию, он вновь приступил к работе на фермах Квинсленда до весны 1914, когда решил отправиться через Германию в Соединенные Штаты. Он прервал свое путешествие в Коломбо для того, чтобы посетить священный город Бенарес. Здесь он встретил йога, называвшего себя Рамаширо, объяснившего ему теорию человеческой ауры; кроме того йог заклинаниями вызвал серию видений, показавших сцены из прежних жизней Иссбернера-Халдана, во время античности и в Средневековье.

По приезде в Германию в июле 1914 Иссбернер-Халдан намеревался посетить родственников и отправиться в Соединенные Штаты. Но началась война и он был интернирован как австралийский гражданин; следующие четыре года он провел в заключении в лагерях Хассенберга, Хольсминдена и Рухлебена. Освободившись в ноябре 1918, он обосновался в Берлине и открыл хиромантическую практику. Здесь он встретил своих новых коллег. Хотя он все еще мечтал о создании расистской утопии в Квинслэнде или в Калифорнии, оставался все же в Берлине и в 1921 году опубликовал свой первый текст по хиромантии. В 1926 году он начал издавать журнал «Хиромантия», рекламируемый как официальный орган Ассоциация Хиромантов Германии. С Рейхштайном

он впервые познакомился в конце 1925, в конце 1929 его журнал был поглощен журналом Рейхштайна. В начале 1927 после встреч с Ланцем в Вене или в Будапеште, Иссбернер-Халдан вступает в ОНТ; затем открывает расистскую коммуну, Swastika-Heim, около Арконы, на острове Руген — коммуна имела статус дома ОНТ.

Герберт Рейхштайн, ответственный за соединение этих и других персонажей в своем журнале и характерологическом институте, родился 25 января 1892 года в Наупап в Силезии; о его юности почти ничего не известно. В октябре 1925 его приблизил к себе Ланц и предложил стать его издателем. Рейхштайн согласился и одновременно объявил себя директором Deutsche Arbeitsgemeinschaft für Menschenkenntnis und Menschenschicksal, основанного в Oestrich im Rheingau.

Он замысливал эту ассоциацию как возможность взаимопомощи и сотрудничества для всех оккультистов, занимающихся характерологическими и предсказательными науками в расистском контексте, сюда входили астрология, графология, френология, «психо-физиогномия», хиромантия. Органом этой ассоциации был его же

Zeitschrift für Menschenkenntnis und Menschenschicksal, публиковавший различные статьи и вместе с тем объявления о частных практиках оккультистов.

Во вступительной статье Рейхштайн объяснял цели его ассоциации. Указывая на хаос, вызванный войной и политическими переворотами, он говорил о необходимости хорошо обоснованной науки о человеческом характере, чтобы индивиды могли лучше подготовиться к своей судьбе и научиться улучшать свою участь. Рейхштайн отвергал незначительные формы предсказаний и отстаивал важность тех наук, которые работают над определением собственного характера индивида и характера других, поскольку это единственный способ полу-

чения информации о возможном исходе человеческих поступков в крайне сложном современном мире, требующем от индивида все больше и больше значимых решений. Весь проект опирался на расистское мировоззрение, члены ассоциации считали себя арийцами и связывали себя обещанием блюсти арийскую чистоту. Рейхштайн, таким образом, был весьма привлекателен для тех, кого неопределенность и хаос заставляли искать оккультный путь к решению собственных проблем и к достижению успеха как в личном, так и в деловом смысле. В лице Рейхштайна ариософия получила прививку расистского канона к корпусу мантических знаний, а потребность в этой прививке в послевоенные годы была весьма велика.

В первом выпуске журнала, датируемого октябрём 1925, Рейхштайн объявил о том, что в его журнале будут сотрудничать такие выдающиеся оккультисты как Иссбернер-Халдан, Ланц фон Либенфельс, Вильгельм Вулф и G. W. Suria. В декабре 1925 он начал издавать книжную серию, *Ariosophische Bibliothek*, здесь публиковались работы Ланца в очень широком диапазоне от астрологии до геральдики; тот же тип «практической самореализации» предлагался и читателям» В указателе первого номера можно было найти имена Фроди Ингольфсона Вермана, Герберта Герстнера и Рейнгольда Эбертина, астролога, вступившего в ассоциацию. Второй номер журнала вышел в феврале 1926 как *Zeitschrift für Menschenkenntnis und Schicksalsforschung*, тогда как многословное название института было сменено на Ариософское Общество, для того, чтобы подчеркнуть заботу арийских оккультных наук о конкретной выгоде арийцев. Тем временем Общество переместилось в Дюссельдорф — *Unterrafthi*. В 1926 году в журнале появились другие сотрудники: Роберт Т. Бротц, Карл Керн, Вальтер Хорст, Теодор Цепль, Детлеф Шмуде, Г. Энгельгардит, Фрайхер

Штромер фон Рейхенбах, величина в оккультных кругах, человек, изобретший собственную науку историономию, Принц Макс фон Ловенштайн, Эдмунд фон Векус и

Эрнст Тьеде. К концу 1927 к ним присоединились венгерские знакомые Ланца — Пауль Хорн и Вильгельм Torday von Szьgy.

В 1928 году Рейхштайн заручился согласием двух других ученых, оба заслуживают подробного представления. Грегор Шварц-Бостунич — русский эмигрант, лично участвовал в революции, что привело его к

радикальным антибольшевистским убеждениям и неколебимой вере в мировой заговор евреев. Родившись 1 декабря 1883 в Киеве, Григорий Бостунич имел смешанное происхождение: отец происходил из аристократической рижской семьи, родители матери были родом из Сербии и Баварии. Благодаря родственникам матери, юный Бостунич регулярно бывал в Германии. В 1908 в Киеве он получил образование юриста, после чего обратился к литературе, интерес к которой он обнаружил в студенчестве. В 1910 он выпустил собственную газету, Der Syd koreken, выходившую ежедневно тиражом в 100 000 экземпляров вплоть до 1914 года. В том же году он стал профессором истории литературы и театра в институте Лысенко, впоследствии возглавлял Железнодорожный Театр в Киеве. Военный кризис России и революция обозначили конец его академической и литературной карьеры. Яростный противник красных, Бостунич вел активную антибольшевистскую агитацию в городах, захваченных генералами Деникиным и Врангелем. В результате этой деятельности он усвоил идею заговора евреев, масонов и большевиков и его программы, записанной в Протоколах сионских мудрецов. В 1920

Бостунич был заочно приговорен большевиками к смерти, но ему удалось бежать в Болгарию.

Покинув родную страну, Бостунич утратил почву под ногами и искал новых ценностей, которые могли бы поддержать его. Этот поиск привел его к оккультизму. Он рассказывал о встрече со своим первым учителем по трансцендентальным предметам на Кавказе 1917/1918, а также о своем общении с болгарскими теософами в 1920. Джеймс Вебб утверждает, что кавказским учителем по всей вероятности был Гурджиев, а болгарские теософы в то время сосредотачивались вокруг Мастера Петра Дейнова, соединявшего эзотерический расизм Блаватской с образами славянского мессианизма. После неудачной попытки вернуться в Россию в октябре 1920 Бостунич поселился в Белграде. Следующие два года он путешествовал по Югославии, читал лекции о заговоре евреев и масонов раздраженным немецким националистам в бывших австрийских провинциях нового государства. Его первая книга, «Франкмасонство и русская революция», была опубликована в 1922 году в русском издательстве Новый Сад, между 1923 и 1926 годами выдержки из нее появлялись в немецких националистических и правых журналах. В августе 1922 Бостунич эмигрировал в Германию, где снова занялся чтением лекций о теории заговора. В соответствии с его оценкой послевоенного мира, все нежелательные изменения в нем и царивший хаос, нужно было связать со злобными происками евреев, масонов и большевиков. Но его интерес к оккультизму при этом не уменьшался. В 1923 он стал страстным антропософом, в 1929 обвинял движение Рудольфа Штайнера за пособничество силам заговора. Такое полное изменение взглядов, возможно, было связано с его манихейским и оккультным видением истории. Поскольку в 1924 году он натурализовался как немецкий гражданин, он изменил имя на Шварц-Бостунич. С Рейхштайном впервые встретился в Дюссельдорфе зимой 1926. Рейхштайн быстро оценил переполнявшее того чувство миссии и пригласил его сотрудничать с Ариософским Обществом.

В феврале 1928 на него ссылались как на специалиста по взаимоотношениям русской и немецкой души и высоко ценили как эксперта по проблемам тайных, сверх-национальных организаций.

Помимо участия в ариософском движении, Шварц-Бостунич был очень активен в нацистских политических кругах. В 1920-х гг. он работал на новое агентство Weltdienst Альфреда Розенберга, а после этого выразил чувства преданности возникающей организации СС. Несмотря на возраст, болезни и сердечную слабость, Шварц-Бостунич был определен к службе на новую Германию в рамках, дозволенных ему здоровьем. Он много путешествовал по Германии (а позже — и по оккупированным странам) с лекциями о франкмасонах, еврействе и прочих врагах нацизма; он хотел также передать предполагаемому институту по теории заговора свою библиотеку, насчитывающую до 40 000 томов на этот предмет. В его письмах Гиммлеру в 30-е гг. — фанатическая преданность германской расовой миссии и лично патрону СС. По причине своих не вполне ортодоксальных идей, он всегда воздерживался от чтения лекций в форме, но зато в 1942 году подписывался как почетный профессор СС. В начале 1944 он и его жена были эвакуированы из Берлина в Шлосс Гнейзенау в Ризенгебирге в Силезии в целях обеспечения их безопасности. Годом позже Шварц-Бостунич получил звание штандартенфюрера СС (полковник) по личной рекомендации Гиммлера. Таким образом, его политическая карьера представляет собой сложный путь от антисемитизма в предреволюционной России до искреннего отождествления себя с нацистской Германией.

Другим сотрудником, которого Рейхштайн завербовал для Ариософского Общества в 1928 году, был Рудольф Джон Горслебен. С января 1927 журнал Горслебена носил

название Arische Freiheit; в январе 1928 он объединился с журналом Рейхштайна по характерологии и начал называться Zeitschrift für Geistes und Wissenschaftsreform. Об особом направлении оккультизма, отыскивающим арийские символы в мире природы и культуры, свидетельствуют названия его статей этого года: «Arische Schan ist Urschau», «Der radioactive Mensch», «Beitrag zur Christomythe, Hag-All-Rune und Cheopspyramide», «Runen-Raunen-Rechten-Rat». В этом отношении Горслебен был

ближе-листовской традиции, чем сам Рейхштайн. Но сотрудничество между ними оказалось кратковременным и Горслебен предпочел независимое издание собственного журнала в 1929. Свои оккультные занятия он завершил шедевром Hoch-Zeit der Mensch-heit (1930) и умер сравнительно, молодым 23 августа 1930. В конце 1920-х он, в качестве брата Риг вступил в ONT, общину Штауфена.

Как утверждал, Рейхштайн в начале 1926 года, Ариософское Общество было создано для того, чтобы предоставить данные характерологических и мантических наук в распоряжение целиком заслуживающих этого арийцев и тем самым внести начала определенности и устойчивости в послевоенный мир Германии. В августе 1928 был опубликован документ, подчеркивающий особый статус ариософских характерологов — они выступали в качестве наследников иерофантической традиции Armanenschaft. В Пфорцхайме, где Рейхштайн находился в то время, был провозглашен Neue Kalandsgesellschaft (NKG). Новое название ассоциации позволило ее членам ощутить приближение к листовской интонации. Задачей этой организации, в соответствии с Верманом и Рейхштайном, было «осмысление воли древних германских посвященных, королей-священников или Armenen — в наше время». Длинный лист предполагаемых сотрудников включал в себя новые имена: Франц Фридрих фон Хох-

берг, профессор Мораве, певец Шварц, Конрад Дуензинг, Герман Виланд, Vцlkisch историк Атлантиды. Были объявлены лекционные курсы NKG на предстоящую зиму: Верман предполагал читать по кармической астрологии и ариософии; Грегор Шварц-Бостунич — по проблемам франкмасонства и большевизма; Иссбернер-Халдан — по хиромантии и йоге (в июне 1928 он опубликовал справочник); Роберт Бротц — по графологии; Герберт Рейхштайн — по ариософии, астрологии и каббализму имен. Последняя дисциплина опиралась на иудейское представление о соответствиях между буквами и числами, хотя и имела очень простую, популярную форму: сумма нумерических эквивалентов букв в личном имени предположительно содержала в себе информацию о природе и судьбе этого человека. Интеллектуальное лидерство в NKG продолжало принадлежать Ланцу фон Либенфельсу, а он поддерживал и «ариомантические» исследования Гвидо фон Листа, и Эрнста Иссбернера-Халдана, и Бенито Муссолини.

В годы с 1929 по 1931 NKG занималась распространением ариософских идей во многих немецких городах посредством лекций и митингов. С большим энтузиазмом сообщалось о праздновании Рождества группой в Гейдельберге 29 декабря 1928, а в январе 1929 в Штутгарте возникла новая секция NKG, ее учреждение сопровождалось лекцией Рейхштайна, очень тепло встреченной. В марте 1929 было объявлено о новой программе лекционных туров с визитами в Карлсруэ, Дрезден, Эрфурт, Магдебург, Вену и Будапешт. Летом Рейхштайн свел знакомство с Гретой Штайнхофф, которая могла «читать» характер человека по его имени, «медиумическим» способом в противоположность кабалистическим процедурам Рейхштайна. После этой встречи Грета Штайнхофф также была зачислена в штат лекторов NKG. В ноябре она и Рейхштайн планировали

совместный лекционный тур по городам Кельн, Кассель, Маннгейм, Майнц, Нюрнберг, Ансбах, Мюнхен, Вена.

Другая группа характерологов Дрездена, *Zirkel für praktische Menschenkenntnis*, под руководством Георга

Рихтера, оккультного автора, занимающегося лечением магнетизмом и телепатией, объявила о своем соединении с NKG в ноябре 1929. Эта группа регулярно собиралась на протяжении всей зимы и в течение всего 1930 года: среди окружавших ее людей были Альфред Рихтер, специалист по травмам и Курт Гартман, торговец книгами, занимавшийся распространением журнала Рейхштайна в Северной и Восточной Германии.

К концу 1929 года внутренние напряжения в группе Рейхштайна взорвались отставкой Фроди Инголфсона Вермана. Знаки близящегося разрыва нарастали с января 1929, когда Верман переехав в Пфорцхайм из Берлина, возглавил руководство журналом. Затем, когда в феврале он вошел в руководство NKG, появились жалобы на его непрактичность и властный стиль управления, — все это указывало на напряженность в его отношениях с Рейхштайном и возможно повело к его удалению из издательства в августе 1929 года. Возможно также, что Верман был излишне воодушевлен популярностью своего бестселлера-справочника *Dein Schicksal* (1929), для того, чтобы серьезно заниматься частной практикой. Неприязнь между Рейхштайном и Верманом сопровождалась обвинениями со стороны Иссбернера-Халдана, что ускорило быстрое отчуждение Вермана от своих бывших друзей в 1930-е гг.

Вермац целиком ушел в правую революционную деятельность, снова оказавшись на военной службе как «солдат передовой» и организовал в Пфорцхайме отделение национал-социалистического *Sturmabteilung* (SA). Несмотря на то, что между 1918 и 1923 и затем вновь

после экономического краха 1929 всех охватил боевой дух военного пиратства, Верман продолжал заниматься оккультизмом. Эту необычную идеологическую смесь обнаружил его собственный журнал *Der Wehrmann*, (1930-1933), в котором такие вещи как духовная жизнь готов, немецкий мистицизм и евгеника рассматривались в терминах фронтовой борьбы. Поскольку раннее творчество Вермана включало в себя доктрину о золотом веке и призывало к уничтожению всех расовых меньшинств и установлению Великой Германской Империи, он может быть рассмотрен как один из расовых оккультистов, от литературной апокалиптики перешедших к военной деятельности. Верман оставался в Пфорцхайме и во время воздушных налетов в феврале 1945, потерял там все. Сам подхватил пневмонию и умер от нее в Кальве 19 апреля 1945 года.

В апреле 1931 Рейхштайн перевел свое издательство из Пфорцхайма в Прессбаум в Винервальде. В это время он опубликовал новое обращение, в котором предлагалось всем ариософским настроенным группировкам и отдельным лицам объединиться в *Ariosophische Kulturzentrale (AKZ)*, фактически — другое название его собственной группы. Он утверждал, что в этот союз уже входят берлинская группа под руководством Карла Керна; мюнхенская под руководством Вильгельма фон Арбтера; дрезденская — под руководством Георга Рихтера; лейпцигская — под руководством Людвиг Готца; венская — под его собственным руководством. Из Прессбаума Рейхштайн установил личные контакты с австрийскими представителями ONT в Вене. В июне 1931 в AKZ была открыта Ариософская школа (теперь Пфальцауэрштрассе, 97). Она рекламировалась как уютный пансион, построенный в здоровых и красивых окрестностях Винервальда с утренними духовными и физическими упражнениями по ариософским принципам. Рейхштайн читал лекции о

каббалистике имен, тогда как гости от Карла Керна, Иссбернер-Халдан и Альфред Джудт, специалист по биоритмам, ожидалось к концу лета. Сам Керн незадолго до этого отличился тем, что опубликовал Handbuch der Ariosophie (1932) и репринт классического труда по характерологии Иоханна Преториуса «Человек и характер» (1703). После этого первого успешного сезона, Ариософская школа вновь открылась в мае 1932. После торжественной встречи шестидесятилетнего юбилея Ланца фон Либенфельса, 8 мая 1932, с музыкой, торжественными чтениями и ариософскими псалмами, начались курсы по каббалистике имен, руническому оккультизму, йоге, дыхательной гимнастике и руническим упражнениям. Последней специальностью школа была обязана писателю и публицисту Фридриху Бернаруду Марби, который с 1924 года издавал свой астролого-ариософский журнал Der eigene Weg. Марби полагал, что индивид может расположить к себе благоприятные космические силы, систематически принимая позы, соответствующие форме рунических знаков.

Журнал Рейхштайна отражал широкий интерес многих слоев немецкого и австрийского общества ко всем видам лечебной помощи, расслаблению, восстановлению, техникам самореализации. Существовала также заметная тенденция актуализации некоторых современных пограничных наук и соединения их с оккультными формами знания, если такой эклектизм мог помочь удержать какие-то элементы доктрины: так, Рейхштайн неизменно защищал теорию «пространственных энергий» Карла Шаппелера, открытия Френцольфа Шмида, касающиеся лечебных свойств некоторых неопознанных лучей и лечебные методы нетрадиционной медицины. Эксцентрические космологические теории также находили себе применение, доказательством может послужить номер, посвященный Теории Мирового Холода

Ганса Хорбигера и восторженный отчет Ланца о работе Карла Ньюперта *Die Umwdizung, die Erde-des All* (1930), в которой излагалась Теория Полной Земли; она предполагала, что поверхность земли является вогнутой, а наблюдаемое пространство внутри этой поллой сферы образует собой весь универсум. Эта готовность принимать на веру любые глубокомысленные и причудливые построения говорит прежде всего о стремлении к идеологическому союзу среди различных направлений оккультной и иррационалистической мысли.

После экономического краха 1929 Рейхштайн и его круг начали присматриваться к удачам нацистской партии. Ланц первым выразил уважение фашистскому движению, установившему правые режимы в Испании, Италии и Венгрии, начиная с 1925. В начале 1930 Рейхштайн опубликовал каббалистические гороскопы для Германской Республики, Адольфа Гитлера и национал-социалистической немецкой рабочей партии (NSDAP). Республика оказалась во власти «сатурнианских влияний» и «черных магических сил», а предстоящий год должен был принести огромный успех Гитлеру и его партии. В апреле 1931 он опубликовал апокалиптический номер «*Das Dritter Reich!*», в котором в соответствии с оккультным разделением на тело, дух и душу национал-социалистическая партия отождествлялась с телом, способным стать движущим началом для духа и души ариософской культуры. Глубокомысленное разделение ролей опиралось на *Bibliomystikon* Ланца, «*Attalantic*» тексты, датированные приблизительно 85 000 до н. э., открытые Френцольфом Шмидом и Георгом Ломером.

Весной 1932 Рейхштайн приветствовал Гитлера как «божественное орудие». Настроение апокалиптического ожидания дало толчок для целой серии статей Эрнста Лахмана, пытавшегося предсказать будущее Германии в период от 1930 до 1932 на основе «историономии» Штро-

мера фон Рейхенбаха. После захвата нацистами власти в Германии, Рейхштайн в апреле 1933 переехал в Берлин для того, чтобы «быть в центре национального возрождения Германии». В столице он и Карл Керн начали публиковать *Arische Rundschau*, еженедельную газету, ведущую непримиримую борьбу против евреев, Рима и франкмасонов средствами ариософского расизма и оккультных предсказаний. Затем Рейхштайн издал книжную серию «Мудрость народа» (1934-1935), заключающую в себе изложение «религии чистой крови». В 1944 Рейхштайн умер, практически незаметно, во Фрейбурге.

Основная роль характерологической группы Рейхштайна и его журнала в результате сводится к распространению ариософских идей среди маленьких кружков в немецких городах. Деятельность эта не прекращалась даже в так называемые годы стабильности с 1924 по 1929, а достигла пика между 1929 и 1933, когда экономическое положение резко ухудшилось, политическая ситуация поляризовалась. Ариософские лекции существовали в это время на фоне резкого подъема самой разношерстной среды: ревивалистов, шарлатанов, одержимых верующих. Рудольф Оден, журналист того времени, описывал всех этих фиглярствующих сектантов, изобретателей и даже алхимиков, составлявших армию странствующих проповедников. Они находили себе новых обращенных не только среди бедных и невежественных, но и среди промышленников, генералов, бывших членов королевской семьи. Сефтон Делмер писал о том, что военное поражение Германии, инфляция, экономическая лихорадка, затем стабилизация, поток иностранных денег в страну и, наконец, экономический крах, — все это в результате создавало атмосферу нереальности, которая всячески способствовала появлению касты «людей чуда». Рейхштайновские рекламы сокровенные книг, гороскопов

и другие таинственные консультации специальные медицинские препараты, мыло, успокоительные мази, зубная паста, а также его предупреждения против «шарлатанов» доказывали его принадлежность к такой касте. Кроме того, круг Рейхштайна постоянно выражал свою признательность Ланца фон Либенфельсу за то, что благодаря ему, удалось избежать бессмысленной жизни и депрессии. Ариософия, несомненно, была существенным элементом, способствующим облегчению стресса и разочарования среди людей; переживших обман всех ожиданий и девальвацию культурных ценностей в последние годы Германской Республики.

КАРЛ МАРИЯ ВИЛИГУТ
ЛИЧНЫЙ МАГ ГЕНРИХА ГИММЛЕРА

Арманисты, ариософисты и рунические оккультисты, с которыми мы встретились до сих пор, обладали в той или иной степени стереотипным мировоззрением. В их доктринах шла речь о возвышенных и сверхчеловеческих предках, чей древний гностический закон нес арийцам мудрость, власть и благополучие, пока не был вытеснен чуждыми и враждебными культурами. Предполагалось, что эти предшественники скрывали свое венценосное знание в таинственных формах (рунах, мифах, традиций) и оно могло быть расшифровано только их духовными наследниками, которыми и являлись современные ариософы. Лист, Ланц фон Либенфельс, Горслебен и другие выдающиеся ученики гностической сокровищницы одушевляли собой жизнь секты, некоторые из их идей или символов могли проникнуть в более широкое социальное окружение. Таким образом, эти люди, конечно, влияли на общее мифотворческое настроение нацистской эры, но нельзя сказать, что они прямо определяли поступки тех, кто занимал ответственные посты и был наделен реальной политической властью и ответственностью.

Карл Мария Вилигут (1866-1946), так называемый Распутин Гиммлера, достиг именно такого влияния. Благодаря своей родовой памяти и порождаемым ею образам древней немецкой традиции, он стал любимым наставником Рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и ему было дано официальное разрешение на исследования

доисторического прошлого в СС между 1933 и 1939 годами. За период своей службы он прошел путь от гауптштурмфюрера СС (капитан) до Бригаденфюрера СС (бригадный генерал) — по личной рекомендации Гиммлера. Поскольку Гиммлер консультировался со своим наставником по самому широкому кругу вопросов, Вилигут принимал участие в разработке эмблемы Totenkopfring (кольца мертвой головы), которую носили члены СС и в концепции Вевельсбурга как ордена-замка СС и разработке других церемоний, ответственных за традиционную ауру идеологии СС: символы элитаризма, расовой чистоты и территориального господства. Но кто был Карл Мария Вилигут и как ему удалось достичь столь мощного влияния?

Ответ на этот вопрос во многом касается и характера самого Гиммлера. Среди высших лидеров Третьего Рейха, Гиммлер выглядит наиболее противоречивой личностью; его поступки одновременно мотивированы и стратью к рациональному планированию и склонностью к фантазиям, никак не связанным с реальностью. Его преданность порядку, пунктуальность, административная точность и педантический «ум учителя начальных классов» с очевидностью противоречили его же утопическому энтузиазму, романтизму и даже оккультным склонностям. Это идеалистическое воображение Гиммлера привело к визионерской концепции СС и определило ее будущую роль: одетые в черное войска должны были передать свою кровь будущей арийской расе господ и стать идеологической элитой Великого Немецкого Рейха. Сам Гиммлер, начиная с 1930 года был озабочен разработкой различных проектов, выражающих моральную цель и идеологическую миссию СС. Правила о браке от 1931 года, его планы колледжа для офицеров СС в Вевельсбурге в 1933, тесное сотрудничество с Рихардом Вальтером Дарре, главным нацистским теоретиком «крови и

почвы» говорят об этих проектах. В 1935 вместе с Дарре он основывает *Ahnenerbe*, первоначально независимый институт, с правом проводить исследования в области древней немецкой истории и археологии. *Ahnenerbe* первоначально входила в состав СС, ее академический штат принадлежал иерархии СС и носил униформу СС. Только в контексте этого поиска Гиммлером немецких корней и попытки обосновать ими идеологию СС, можно понять его патронаж над 66-летним *Völkisch* оккультистом Карлом Мария Вилигут.

Вилигут родился 10 декабря 1866 в Вене. Его отец и дедушка служили офицерами в Австрийской армии и старший сын последовал семейной традиции. В возрасте четырнадцати лет он начал посещать имперскую кадетскую школу в Вене-Брейтензее, а в декабре 1884 поступил в 99 пехотный полк в Мостаре, в Герцеговине. В ноябре 1888 он был произведен в младшие лейтенанты, в 1892 стал лейтенантом, в 1903 — капитаном. В первый период своей военной карьеры он служил в 99, 88 и 47 пехотных полках в различных областях империи Габсбургов. На рубеже веков Вилигут обнаружил некоторые литературные амбиции, публикуя стихи, посвященные красоте природы, мифологическим сюжетам и полковой истории. В 1903 году написал крайне националистический трактат по мифологии, *Seyfreds Runen*, а затем сборник стихов, посвященных легендам о *Rabenstein at Zeiaim* на австро-моравской границе. Предисловие Вилигута, ссылающееся на «германские корни» местных названий отражало настроения современной фольклористики Франца Кисслинга и Гвидо фон Листа. Книга была опубликована Фридрихом Шалком, который издавал также и некоторые из ранних работ Листа. Время, проведенное в военных шеренгах, описано Вилигутом как время устойчивых социальных связей, дружбы и крепкого сообщества, которое можно сравнить только с его пребыванием в Шла-

раффии, квазимасонской ложе, в которую он вступил в Граце в 1889 и достиг там статуса Рыцаря и поста первого Канцлера; эту должность он исполнял вплоть до своей отставки в 1909 году. Его имя в ложе было Lobesam и оно также появилось на титульном листе его книги.

Впрочем, не существует никаких свидетельств о связи этой ложи с пангерманским движением, равно как и указаний на то, что Вилигут был связан еще с какой-нибудь националистической организацией в имперской Австрии.

В мае 1912 Вилигут был произведен в майоры и к началу войны все еще служил в 47 пехотном полку. В октябре 1914 он как офицер штаба 30 пехотного полка принимал участие в боевых действиях против русской армии в Карпатах, по всему северо-восточному флангу империи. После этой изнурительной кампании, во время которой он и участвовал в боях и совершал длительные ночные марши, Вилигут был произведен в лейтенант-полковники и переведен в Грац для того, чтобы организовать подкрепление для 14-го и 19-го пехотных полков. Затем он был отправлен на итальянский фронт, где сменил ряд постов между июнем 1915 и следующей весной. В июне 1916 был назначен командующим офицером в резервный округ Зальцбурга и в августе 1917 получил звание полковника. В ходе войны он был награжден за храбрость и отмечен старшими офицерами. Фельдмаршал Даниель характеризовал его как «безукоризненный характер... крайне опытный, добросовестный офицер... способный к командованию полком», эту оценку разделяли и другие высшие офицеры. В мае 1918 Вилигут был отозван с фронта в Южный Тироль и назначен командовать лагерями для демобилизованных солдат в Zolkiew, севернее Львова, на Украине. После почти сорока лет военной службы, он был уволен 1 января 1919 и вернулся в Зальцбург.

Последующее влияние Вилигута на vцlkisch группы и на СС, основывается на его репутации последнего наследника древней линии германских святых, Вилиготис из Asa-Uana-Sippe, ведущих свой род из бесконечных глубин истории. Вилигут утверждал, что владеет родовой памятью, которая позволяет ему помнить события из жизни его племени более чем тысячелетней давности. Трудно установить, когда впервые Вилигут связал себя с этой традицией, предвоенные документы, свидетельствующие об этом, крайне скудны. Он сообщал, что получает советы и наставления в рунической форме от своего дедушки Карла Вилигута (1794-1883), а что посвящением в семейные тайны он обязан своему отцу; примерно в 1890 это произошло. Серии из девяти языческих заповедей были написаны им примерно в июле 1908 года. Единственным источником языческой традиции перед войной для Вилигута был Теодор Цепль из Ордена Новых Тамплиеров, который очевидно знал Вилигута в 1908 году по оккультным кругам Вены; их общими знакомыми были Вилли Талер, кузен Вилигута, его жена Мари Талер, известная актриса и несколько братьев ОНТ. Опираясь на это давнее знакомство, Ланц фон Либенфельс после войны поручил Цеплю восстановить контакт с Вилигутом, поскольку слух о его принадлежности к «тайным германским королям» уже проник в vцlkisch среду. В соответствии с этим поручением Цепль трижды посещал Вилигута, а в зиму 1920-21 гостил в его доме в Зальцбурге целых семь недель. О своем общении с Вилигутом он подробно доложил в развернутой записке, подготовленной для ОНТ.

Вилигут рассказывал Цеплю о том, что является наследником древней линии немецких королей, показывал ему гема по геральдике, свой герб и фамильную печать в доказательство своих слов. Он уклончиво сооб-

щал, что «его корона хранится в императорском дворце в Гоцларе, а меч — под могильным камнем в Стейнмангер». Опираясь на видения своей родовой памяти, он описывал религиозные практики, военную организацию и законы древних германцев в терминах, подозрительно близких ранним откровениям Гвидо фон Листа. Помимо этого Вилигут утверждал, что Библия в действительности первоначально была написана в Германии; он связывал ее с ирминистской религией, отличающейся от культа Вотана и во многом противоположной ему; в ней молились германскому богу Krist, впоследствии заимствованному христианской религией и превращенного в Спасителя. Вилигут также одобрительно высказывался о намерении Ланца выпустить вторую серию Ostara, поскольку это могло бы пролить свет на действительные арийские корни христианства. Когда Цепль уезжал, Вилигут подарил ему поэму, озаглавленную «Немецкая вера», мистический пиетизм в ней соединялся с надеждой на национальное искупление. На основании этой встречи с Цеплем, можно заключить, что доктрина Вилигута представляла собой смесь тевтонского архаизма Листа и арио-христианства Ланца, выполненную в романической форме. Вполне вероятно, что его идеи о Krist'e повлияли на Горслебена в 1920-х гг.

Эти элементы доктрины Вилигута могут быть датированы 1920-м годом. Их более поздняя разработка лучше всего обнаруживает себя в многочисленных работах его австрийского ученика Эрнста Рюдигера (1885-1952), с которым он впервые встретился во время войны и с которым сотрудничал все следующее десятилетие. По Рюдигеру, Вилигут приписывал древним германцам историю, культуру и религию такого возраста, который намного превышал общепринятые мнения академических исследователей древней истории. Его хронология начиналась где-то около 228 000 до н.э., в те времена на небе

было три солнца, а земля была населена гигантами, карликами и другими, по-видимому, мифологическими существами. Собственно история начиналась для Вилигута в тот момент, когда его предки, Адлер-Вилиготен, помогли установить мир после долгого периода войны, чем и ознаменовали наступление «второй Бозо культуры», символом которой стало основание города Arual-Jcniwallas (Гоцлар) в 78 000 до н. э.

Последующее тысячелетие

содержит подробное описание племенных конфликтов и массовых переселений на сказочные континенты теософской традиции. Около 12 500 до н. э. была провозглашена ирминистская религия Христа и она стала универсальной верой для германцев до тех пока ее авторитет не был подорван отколовшимися вотанистами. В 9600 до н. э. наступил апогей в непрерывной борьбе двух религий. Балдур-Крестос, священный пророк ирминизма был распят вотанистами в Гоцларе. Впрочем, пророк ускользнул в Азию и религиозные конфликты продолжались все последующее тысячелетие. Вотанисты разрушили священный ирминистский центр в Гоцларе в 1200 до н. э., но ирминисты построили новый храм в Экстернштайне около Детмольда. Но и он был захвачен вотанистами в 460, перед тем как окончательно разграбленным попасть в руки Шарлеманя во время его кампании против языческих саксонцев в девятом веке.

В этом повествовании о прошлом большую роль Вилигут приписывает своим предкам. Вилиготис были Ueis Kuinigs (мудрыми королями), ведущими свой род от союза Dsen (богов воздуха) с Wanen (богами воды), в те времена, когда земля еще была населена мифическими существами. Позже его род управлял королевством в Бургенланде, вот почему такое важное значение в своих воспоминаниях Вилигут связывает со Штейнамангером и Веной, сравнимой для него с Гоцларом. Когда Шарлемань преследовал язычников по всей

Германии, роду Вилигут удалось избежать плена франков и бежать на острова Рагое, а оттуда — в центральную Россию. Там Вилигут основали город Вильну, ставшую центром весьма протяженной готской империи, чье мирное существование, впрочем, постоянно нарушалось враждебными вторжениями христиан и русских. В итоге, семья переехала в Венгрию в 1242, где смогла укрыться от бдительности католической церкви и ненависти воитанитов. На протяжении всей истории семья Вилигут сохраняла неколебимую веру в ирминистскую веру. Среди других выдающихся членов его рода, Вилигут вспоминает об Армине Черускере и Виггукинде, оба — героические фигуры ранней немецкой истории. Совершенно понятно, что эпические изложения предполагаемой генеалогии и семейной истории служили Вилигуту в качестве сцены, на которой он мог бы удачнее представить непреходящую значимость его собственных предков.

В начале 1920-х годов Вилигут начал убеждаться, что стал жертвой многовекового преследования его рода и ирминистской религии. То преследование совпало для него с настоящим заговором против него католической церкви, евреев и франкмасонов; он обвинил их также в проигранной войне и развале империи. Для того, чтобы обнародовать свои идеи среди других возмущенных патриотов новой социалистической австрийской республики, он основал антисемитскую лигу в Зальцбурге и начал выпускать газету под названием «Железная метла», в которой яростно нападал на евреев и франкмасонов. В то же время брак Вилигута находился под большой угрозой. В 1907 он женился на Мальвине Леутс фон Трейнринген из Бозена, которая родила ему двух дочерей, Гертруду (род. в 1907) и Лотту (род. в 1910).
Сын, близнец одной из дочерей, умер в младенчестве, тем самым сделав невозможным наследование тайного родового знания, поскольку оно передается только стар-

шему сыну. Вилигут решил отомстить своей жене за такую утрату и, поскольку по случаю отставки все больше находился дома, был крайне угрюм. Что касается его жены, то она немного знала о его проблемах с традицией и была больше обеспокоена отсутствием гарантий на кредит, который Вилигут выдал своему бывшему сослуживцу. Позже Вилигут утверждал, что этот человек также был агентом всемирного заговора против него. Все эти проблемы внезапно обострились в ноябре 1924, когда Вилигут против собственной воли был отправлен в клинику душевных болезней Зальцбурга; здесь его квалифицировали как психически больного и он оставался на излечении до начала 1927 года. В полный отчет о его состоянии входили сообщения о его жестокости дома, угрозах убить жену, грандиозных проектах, эксцентричном поведении и увлечении оккультизмом; на основании всех симптомов ему поставили диагноз шизофрении с мегаломанией и параноидальными расстройствами. Суд Зальцбурга признал его неспособным к ведению собственных дел на основании медицинского заключения.

Во время своей изоляции Вилигут продолжал переписываться с теми верными друзьями, чья вера в его наследственность и родовую память осталась непоколебленной. Среди этих друзей были его австрийские ученики Эрнст Рюдигер и Фридрих Тельтшер из Инсбрука, в Германии — Фридрих Шиллер (ONT), несколько членов Общества Эдды, включая Вернера фон Бюлов, Рихарда Андерса (ONT) и жену казначея Кати Шэфер-Гердау. Благодаря их помощи и поддержке, Вилигут смог возобновить свою деятельность в качестве немецкого святого сразу же после выхода из сумасшедшего дома. В 1932 Вилигут оставил свою семью и австрийское государство. Он эмигрировал в Германию и поселился в одном из пригородов Мюнхена. Вновь предавшись своим родовым разысканиям, он вскоре стал знаменитостью среди

рунических оккультистов Германии. Долгое время он был желанным гостем в доме Кати Шэфер-Гердау в Мюльхаузене и кружок, известный под названием «Свободные сыны Севера и Балтийского моря» собирался послушать его семейный эпос и оракульские изречения. В начале 1933 Общество Эдды напечатало длинное описание и интерпретацию печати семьи Вилигута как выдающегося примера «арманистского рунологического наследства». Летом 1934 Общество начало издавать страницы рунических рифм, нумерологические изречения и мифологические стихи Ярла Видара (новый псевдоним Вилигута) в своем журнале *Nagal*. Предисловие издательства к июльскому номеру сообщало о том, что журнал вступает в новую эпоху и с этого момента черпает из нового источника мудрости. Высказывалось также предположение, что и Лист, и Горслебен могли бы позавидовать такой семейной традиции.

Вилигут ясно понимал сходство между своей мифологией и апокалиптическими надеждами, обрушившимися на Германию в связи с нацистской революцией в январе 1933. Так поступали другие. Его старый друг, Рихард Андерс, теперь офицер СС, представил старого мистика своему шефу Генриху Гиммлеру. Последний был потрясен родовыми видениями Вилигута и решил использовать насколько возможно уникальный источник информации о древней немецкой религии и традиции. В сентябре 1933 Вилигут вступил в СС под псевдонимом Карл Мария Вейстхор и был назначен главой отделения древней и ранней истории в Главной Службе Расы и Населения СС в Мюнхене. Его обязанности здесь состояли в том, чтобы перелагать на бумагу свои родовые воспоминания, обсуждать семейную традицию с Гиммлером и быть в состоянии комментировать различные сюжеты древней истории. В 1934, в первый год полной службы в СС, Вейстхор встретил

благоволение со стороны своего нового мастера. Переписка между ними в этот и последующие годы свидетельствует о чрезвычайно сердечных взаимоотношениях между Гиммлером и Вейстхором, вплоть до обмена поздравительными телеграммами на день рождения и подарками. Более важно то, что письма Вейстхора содержали множество замечаний относительно семейной традиции Вилигута, рифмованные выражения рунической мудрости, мифологические стихи, размышления о космологии и эпохах древней истории, копии девяти языческих заповедей от 1908 с их рунической транслитерацией, ирминистские молитвы на готском языке. Многие из таких фрагментов Гиммлер тщательно сохранял и содержал их среди личных бумаг. В апреле 1934 Вейстхор был произведен в штандартенфюреры СС (полковник), что напоминало о его прежнем звании в армии Австрийской империи; в октябре 1934 он назначен главой VIII Отдела (Архивы) Главной Службы Рас и Населения и уже в следующем месяце он получает звание Оберфюрера СС.

В августе 1934 Вейстхор заводит знакомство с Гюнтером Кирхгофом, страстным исследователем немецкой древней истории, с которым начиная с весны он состоял в переписке, под наблюдением Гиммлера. Гюнтер Кирхгоф (1892-1975) жил в Гагенау, около Баден-Бадена в Черном Лесу. Член послевоенного Общества Листа в Берлине и товарищ Тарнхари, Кирхгоф, занимался генеалогией и интерпретировал различные легенды как отражения действительных исторических событий. Он также высказывал предположения о существовании геодезических линий энергии, проходящих через весь континент. Потрясенный письмами Кирхгоффа, Вейстхор переправил их Гиммлеру, снабдив восторженным комментарием о том, что «слава богу, кроме меня, есть другие посвященные, которые умеют правильно читать

времена». Он также со значением отметил то обстоятельство, что Кирхгофф использует фамильную печать. Спустя две недели Вейстхор направил другое эссе Кирхгоффа под названием «Rotbart von Kyfftiauser» Гиммлеру и Рейхминистру Вальтеру Дарре со словами «содержание прилагаемого текста крайне важно как в отношении нашего прошлого, так и в связи с настоящим» и просил двух лидеров внимательно изучить работу до Дня Партии для того, чтобы они могли вместе подробно обсудить ее. В эссе содержалось описание структур управления древней Германии с явными отсылками к Armanensehaft Листа. Кирхгофф писал, что древняя Европа управлялась Тремя Великими, а именно Вискунигом из Гоцлара, Королем Артуром из Стоунхенга и Эрманрихом из Винеты или Вильны. Им подчинялся Великий Король Тюрингии, Гюнтер Красная Борода, племя которого ушло в Шотландию в 800 до н. э., где стало известно как клан Киркпатрика. На основании этимологии Листа Кирхгофф вывел свое кровное родство с родом Гюнтера и кланом Киркпатрика и выбрал себе герб, похожий на герб Эрфурта в Тюрингии, чтобы продемонстрировать эту фамильную связь. Этот труд, в библиографии которого значилось пятьдесят или более манускриптов самого различного рода, от Нибелунгов до Розенкрейцеров, Кирхгофф представил на рассмотрение в Личную Комиссию Рейхсфюрера СС и в Ahnenerte между 1936 и 1944 гг.

Когда Кирхгофф начал писать о религиозном значении холма Мург около Баден-Бадена, весной 1936, Вейстхор не стал больше терять времени и отправился с визитом в Гаггенау с целью личного знакомства. В июне 1936 Кирхгофф и Вейстхор совершили восьмидневную прогулку в районе Черного Леса. Формальный отчет о ней, представленный в СС, занял 87 печатных страниц и включал в себя 168 фотографий старых бревенчатых

домов, архитектурного орнамента (включая скульптуры, гербы, руны и другие символы), кресты, надписи, естественные и человеческие сооружения в лесу. На основании этого списка реликвий Вейстхор заключил, что область вокруг Шлосс Эберштайн образует грандиозный ирминистский религиозный комплекс, изображающий «глаз Бога в треугольнике»; местные названия и топографические особенности подтверждают это. Этот религиозный символ однажды обсуждался в журнале *Nagal*: «вращающийся глаз» (*Draugh*) состоял из равнобедренного треугольника, чьи углы символизировали точку духа, точку энергии и точку материи; окружность, проведенная через них означала карму, сознание двигалось по этому пути, увеличивая меру своей трансцендентальной продвинутости. Хотя Вейстхор и формулирует свою идею как нечто оригинальное, ссылки на оккультный архитектурный символизм и *vehmgericht* в его отчете явно указывают на влияние Листа и Горслебена, возможно сообщившееся Вейстхору через Кирхгоффа.

Вейстхор совершил еще, по меньшей мере, пять таких поездок по Германии, пытаясь подтвердить существование ирминистского комплекса в священной земле Гоцлара.

Уверенный в опеке Вейстхора, Кирхгофф между тем испытывал терпение *Ahnenerbe*; Гиммлер приказал институту рассмотреть работы Кирхгоффа. Один из академиков СС, которому пришлось квалифицировать ритуальный камень около Баден-Бадена и другие открытия Кирхгоффа сообщил, что Кирхгофф ничего не понимает в доказательствах, что его данные абсурдны, что его библиотека содержит множество оккультной литературы (Лист, Кернер, Горслебен), но ничего из того, что имеет отношение к научному исследованию древней истории. Когда в начале 1938 *Ahnenerbe* отвергла его труд о церкви, Кирхгофф гневно обвинил институт в пособниче-

стве католическому заговору. Но Ahnenerbe, обладающая к этому времени множеством проектов Кирхгоффа, заняла твердую позицию; в отчетах его называли «фантазером худшего толка», а его работы «вздором». Тем не менее Гиммлер не понимал, почему Ahnenerbe так пренебрегает Кирхгоффом и выказал огромный интерес к его описанию гексагонального религиозного комплекса в окрестностях Райденштайна около Гаггенау. Камень, найденный здесь, Кирхгофф связал с семейными традициями Тарнхари, чей предок XVI века носил имя Лотрер фон Доферинг Райденштайн. Гиммлер настаивал на том, чтобы упорствующая Ahnenerbe разобралась с Кирхгоффом, но начало войны отложило на неопределенное время предполагаемые раскопки. Настоящее значение этого спора — в обнаружившейся позиции Гиммлера, готового поддерживать оккультистов даже перед лицом академической оппозиции из его Личной Комиссии в Ahnenerbe. Тот факт, что Вейстхор и Кирхгофф продолжали пользоваться вниманием и расположением Рейхсфюрера СС, несмотря на выданную им оценку, должен был чрезвычайно бесить членов института. Что касается самого Кирхгоффа, он продолжал писать в Ahnenerbe и во время войны. Последней работой, которую он предложил нацистским ученым, был тридцати-страничный оккультный трактат о причинах отступления немецких войск, отправленный в конце 1944 и адресованный Адольфу Гитлеру через Гиммлера.

Наибольший вклад Вейстхора в дело Третьего Рейха связан с формированием Вевельсбурга как орденового замка СС и его церемониального центра. Во время нацистской выборной кампании в январе 1933 года Гиммлер путешествовал по Вестфалии и тогда впервые познакомился с «землей Германа и Видукинда». Таинственная атмосфера Тевтоносского леса, подъем в тумане на Hermannsdenkmal, романтический замок Гре-

венбург, где партия Фюрера остановилась для ночлега, произвели глубокое впечатление на Гиммлера, он задумался о приобретении такого замка для целей СС. Осмотрев в том же году еще два замка, 3 ноября 1933 Гиммлер вместе с членами Личной Комиссии, посетил Вевельсбург и остановил свой выбор на этом замке. Он еще посещал его в апреле, а в августе 1934 замок был официально передан СС. Вевельсбург начал свой путь как музей и колледж идеологического образования для офицеров СС, в рамках Главной Службы Расы и Населения, но уже в феврале 1935 перешел под непосредственный контроль Личной Комиссии Рейхсфюрера СС. Этот переход свидетельствовал о растущей значимости замка для Гиммлера, а также о его зреющих планах орденского замка для СС, сравнимого с Мариенбургом средневековых Тевтонских Рыцарей.

Подтолкнул к радикализации концепции Вевельсбурга конечно же Вейстхор, сопровождавший Гиммлера во время его визитов в замок. Вейстхор предсказывал, что замку суждено стать магическим местом в будущей борьбе между Европой и Азией. Его идея опиралась на старую вестфальскую легенду, нашедшую романтическое выражение в поэме XIX века. В ней описывается видение старого пастуха о «битве у березы», в которой огромная армия с Востока будет окончательно разбита Западом. Вейстхор сообщил эту легенду Гиммлеру, утверждая, что Вевельсбург станет бастионом, о который разобьется «нашествие новых Гуннов», исполнив тем самым старое пророчество. Карл Вольф, Главный Адъютант Личной Комиссии вспоминал о том, что Гиммлер был весьма тронут идеей Вейстхора, она удовлетворяла его собственным представлениям о будущей роли СС в деле защиты Европы в грядущей конфронтации Запада и Востока, которую он планировал на одно-два столетия вперед. Невозможно точно доказать, что в конце 1933

влияние Вейстхора определило выбор Вевельсбурга, но совершенно точно, что начиная с 1935 его интерпретация вестфальской легенды и другие разговоры с Гиммлером обозначили новую концепцию Вевельсбурга.

Вейстхор также сыграл важную роль в формировании ритуалов СС. В ходе своих визитов в Вевельсбург, он установил теплые отношения с комендантом замка, Манфредом фон Кнобельсдорфом. Воодушевленный их беседами на религиозные темы, Кнобельсдорф постарался воскресить ирминистскую веру в различных ритуалах, исполняемых в замке. Сюда входили языческие свадебные церемонии для офицеров СС и их невест, на которых Вейстхор появлялся с палкой из слоновой кости, увенчанной голубой лентой, с изображенными на ней рунами; ежегодные встречи весны, праздники урожая, летнего солнцестояния — праздники устраивались как для офицеров СС так и для жителей окрестных деревень. Кнобельсдорф писал Вейстхору письма с уверениями в «ирминистской преданности», постоянно свидетельствуя тем самым о своем интересе к старой религии. Наряду с этим, Гиммлер поручил Вейстхору разработку эмблемы СС Totenkopfring, весомого символа участия в ордене, требующего полного повиновения и преданности. Кольцо вручалось Гиммлером лично и сопровождалось документом, описывающим его орнамент и смысл. Орнамент включал в себя мертвую голову (череп), двойную sig — руну, свастику, haгал — руну и группу рун <f14.gif>, которые указывали на традиции Вейстхора. Кроме того, кольцо имело ритуальную связь с Вевельсбургом: в 1938 Гиммлер объявил, что кольца всех погибших членов и офицеров СС должны быть возвращены на хранение в замок как символ их неизменного присутствия в ордене. Здесь снова символика и ритуал обнаруживают влияние Вейстхора на церемониал и псевдорелигию СС.

Окончательный план Вевельсбурга отражает гиммлеровский культ СС. Главным залом замка была огромная круглая комната под сводом в северной башне, украшенной гербом Группенфюрера СС; в подвале или просто ниже в зале Обергруппенфюрера СС проводились повседневные церемонии. Во флигелях замка располагались учебные комнаты, названные и оформленные при помощи героев «нордической мифологии»: Видукинда, короля Генриха, Генри Льва, короля Артура и Грааля. Планы местности, датируемые 1940-1942 годами предполагает перемещение окружающих деревень на значительное расстояние и строительство грандиозного архитектурного комплекса, состоящего из залов, галерей, башен и башенок, крепостных стен, выполненных в форме полукруга на склоне холма как основная защита первоначального средневекового замка. Фотографии архитектурных моделей замка демонстрируют проект, который должен был быть закончен к 1960-м годам; по-видимому, Гиммлер мечтал о создании Ватикана СС, центра тысячелетнего Великого Немецкого Рейха. Этот визионерский город, наверное, должен был служить также центром возрождения древней религии и традиций, первоначально открытых Вейстхором в 1930-х.

Весной 1935 Вейстхор переехал из Мюнхена в Берлин, где продолжил свою работу с Главным Адъютантом Личной Комиссии Рейхсфюрера СС. Переход в высшее окружение указывает на то, как высоко Гиммлер ценил Вейстхора и свои беседы с ним. Свидетели сообщают, что теперь он был занят более чем когда-либо, в окружении адъютантов и связных, во всеобщей атмосфере спешки и правительственной суеты столицы Рейха. Служебная машина ежедневно забирала Вейстхора с его частной виллы в Грюневальде, часто — прежде чем он успевал закончить свой завтрак, старший офицер знакомил его с необходимым списком встреч, поездок и

корреспонденцией. Гостями на вилле Каспар Тейсс Штрассе 33 были Генрих Гиммлер, Иоахим фон Лиирс, Эдмунд Кисе, Отто Ран, Рихард Андерс, и Фридрих Шиллер. Помимо своих занятий Вевельсбургом и экскурсий по Черному Лесу, Вейстхор продолжал время от времени производить воспоминания, касающиеся семейной традиции, составил изречения Halgarita, германские мантры, предназначенные для стимуляции родовой памяти, готский календарь на 1937 год со стихами и кроме того работал над проектом Totenkopfring. Любопытным политическим примером его деятельности была разработка проекта по восстановлению ирминистской религии в Германии; проект предусматривал во всех деталях ограничения, накладываемые на служителей культа, национализацию всякой духовной собственности, восстановление и сохранение древних памятников. В сентябре 1936 он был произведен в Бригаденфюреры СС (бригадный генерал) Личной Комиссии Рейхсфюрера СС.

Отто Ран (1904-1939), одаренный молодой писатель и историк, также сотрудничал с Вейстхором в берлинский период. Он родился 18 февраля 1904 в Михельштадте, Одснвальд. В 1928 закончил университет по специальности «литература и филология». Испытывая глубокий интерес к средневековым катарам и легендам о Граале, он занимался исследованиями и много путешествовал в Провансе, Каталонии, Италии и Швейцарии следующие пять лет после университета. Затем окончательно проникнувшись традициями трубадуров и миннезингеров, ересью катаров и легендами о Граале, он выразил свои представления о гностической религии готского происхождения, жестоко преследуемой католической церковью в своем историческом романе «Крестоносцы против Грааля» (1933), который завоевал широкую читательскую аудиторию. После 1933 Ран жил в Берлине и продолжал заниматься исследованиями в том же роде. Ереси и

легенды, с которыми он связывал немецкую религиозную традицию интересовали также и Гиммлера, поэтому он предложил Рану сотрудничество и финансирование его исследований СС. В мае 1935 Ран поступил в Отдел Вейстхора в качестве штатского лица. Формально он вступил в СС в марте 1936 и в следующем месяце получил звание Унтершарфюрера СС (НСО). В том же году он предпринял экспедицию в Исландию под наблюдением СС и систематически публиковал свой путевой журнал и сообщения о поиске следов катар-готской традиции, прошедшей через Европу как «Слуги Люцифера» (1937). Следующие четыре месяца он провел на военной службе в СС дивизии «Мертвая Голова» (Oberbayern) в концентрационном лагере Дахау, затем покинул службу, мотивируя необходимостью вновь заняться исследованиями. В феврале 1939 внезапно и без всяких объяснений он уволился из СС. Вскоре после этого, 13 марта 1939 года он погиб во время рискованной прогулки по горам около Куфштайна.

Портрет Отто Рана — вполне типичный портрет европейского романтического писателя, путешественника и историка. Среди его напыщенных и пасторальных текстов есть вполне живые описания летней деревни в Гессене, холмов Южного Тироля, скалистых твердынь Монтсепора, маленькой деревни, где он провел снежную зиму, уединения и монотонности Исландии. Хотя сосредоточенность Рана и научный склад ума отличали его от эксцентричных оккультистов, существовало и известное сходство интересов и мотивов между ними. Их общей почвой был поиск утраченной немецкой традиции, предположительно уничтоженной католической церковью и другими враждебными силами. В сентябре 1935 Ран восторженно писал Вейстхору о местах, где он побывал, разыскивая следы традиций Грааля в Германии. Попытка

прояснить эту традицию указывает на общую страсть, одновременно разделяемую Раном, Вейстхором и Гиммлером. Все трое верили, что существует тайный ключ к старой культуре, который может быть найден в настоящем.

Вскоре перед СС встал вопрос об оценке идеологического значения итальянского идеалистического философа Эволы и к Вейстхору вновь обратились за консультацией. Барон Юлиус Эвола (1898-1974) проповедовал идеи элитаризма и антимодернизма, опирающиеся на арионордическую традицию; он ссылался на солярную мифологию и на то, что мужской аристократический принцип противостоит женскому принципу демократии. Он написал несколько книг по расизму, мистике Грааля и древним традициям. Официальная фашистская партия Италии не испытывала к нему симпатии и Эвола начал искать признания за рубежом: среди его немецких изданий «Языческий империализм» (1933) и «Революция против современного мира» (1935). В начале 1938 СС начала заниматься его идеями и Вейстхора попросили прокомментировать лекцию, прочтенную Эволой в Берлине в декабре 1937. Три других лекции он прочитал в июне 1938 и Гиммлер снова обратился к Вейстхору с дополнительной просьбой проанализировать книгу Эволы о языческом империализме с точки зрения его собственных корней. Вейстхор отметил, что Эвола исходит из основной арийской концепции, но при этом абсолютно невежествен в древних германских институтах, ничего не знает об их смысле. Он также отметил, что указанный недостаток весьма характеризует и сами идеологические различия между фашистской Италией и Нацистской Германией и в итоге, может отрицательно сказаться на их союзе. Отчет Вилигута был принят к сведению. В дальнейшем службы СС признали деятельность Эволы в Третьем Рейхе неудовлетворительной.

Точные обстоятельства, при которых произошла отставка Вейстхора, остаются невыясненными. Говорят, что здоровье старого пророка медленно угасало, несмотря на мощные препараты, используемые им, чтобы поддерживать свою жизненную силу и умственные способности; говорят также, что сами эти медикаменты вызвали необратимые изменения в его личности и сказались на привычках: у него развилась тяжелая форма никотиновой зависимости и алкоголизм. Поскольку Вейстхор был окружен подозрительной ревностью, любая его некомпетентность могла быть мгновенно отмечена. Однако, психиатрическая история Вейстхора все еще оставалась неизвестной, поскольку его *curriculum vitae* содержался под строгим присмотром. В ноябре 1938 Карл Вольф разыскал в Зальцбурге Мальвину Вилигут и получил от нее документы, ставшие известными и весьма смутившие Гиммлера. В феврале 1939 Вольф информировал кабинет Вейстхора о том, что Бригаденфюрер СС уволен на основании собственного прошения и по причине возраста и слабого здоровья — его служба распущена. Гиммлер попросил Вейстхора вернуть *Totenkopfring*, кинжал и шпагу, которые тот сентиментально хранил под личным замком, а ключ носил с собой. 28 августа 1939 года Вейстхор был официально уволен из СС.

СС продолжала наблюдать за Вилигутом и в отставке, хотя последние годы его жизни прошли в неизвестности и скитаниях по военной Германии. Эльза Балтруш, член Личной Комиссии Рейхсфюрера СС была назначена попечительницей Вилигута и они вместе поселились в Ауфкирхене. Это оказалось слишком далеко для Вилигута, привыкшего к берлинской жизни в гуще событий — в мае 1940 они отправились в возлюбленный им Гоцлар. Едва они обосновались в Вердерхофе как-в городе было

объявлено о всеобщем медицинском освидетельствовании, пара переехала в маленькую гостиницу СС на Ворттерзее в Каринтии и провела остаток войны в Австрии. Затем английские войска выселили его и направили в лагерь Св. Иоанна под Вельденом; в это время старик страдал от удара, результатом которого стал частичный паралич и потеря речи. Ему и его компаньонке было позволено вернуться в Зальцбург, в его фамильный дом, но несчастное прошлое делало очевидным для каждого невозможность такого шага. Вилигут хотел вернуться на избранную им родину — в Германию, так что пара направилась к семье Балтруш в Арolzен в декабре 1945. Путешествие оказалось слишком тяжелым для старого человека и по прибытии он слег в больницу. 3 января 1946 Карл Мария Вилигут, умер, последний в своем таинственном роду.

АРИОСОФИЯ И АДЛЬФ ГИТЛЕР

Реакционные политические мотивы и революционное мировоззрение различных арманистов, ариософов и рунических оккультистов вполне допускают сравнение с идеями национал-социализма. Влечение арийских оккультистов к нацизму уже было отмечено: в 1932 Ланц фон Либенфельс писал «Гитлер — один из наших учеников», а Вернер фон Бюлов и Герберт Рейхштайн аплодировали Третьему Рейху в своих журналах. Но наш последний вопрос состоит в следующем: в какой мере ариософия действительно повлияла на нацизм. Какие-то ответы, проясняющие эту проблему, уже были здесь даны. Происхождение ранней нацистской партии, ее отношения со спонсорами, с печатными органами, символикой восходят к Обществу Туле и

Germanenhorden, а следовательно, в итоге — и к идеям Гвидо фон Листа. Мы рассказали также и о том, как Гиммлер опекал Карла Мария Вилигута, чьи спекуляции на темы древней истории также явно восходят к идеям Листа и его арманистским эпигонам. Для того, чтобы завершить наше исследование, необходимо сосредоточить внимание на убеждениях Гитлера и на его возможном долге перед ариософией.

Фридрих Хиир уже описывал различные города, в которых жила юный Гитлер и комментировал их культурную атмосферу и возможное влияние на него. В 1889 Гитлер родился в Браунау-на-Инне, прибрежный город на австро-баварской границе, его отец служил там таможенным офицером. Между 1892 и 1895 его перевели

в Пассау. Впечатляющее барокко католической культуры этого старого духовного центра было зримо выражено в соборе, церквах, монастырях и городских часовнях; здесь повсюду можно было встретить духовных лиц, а литургические праздники были великолепны. Хир предпологал, что это окружение вполне могло определить религиозно-утопические черты в сознании ребенка, которые позже характеризовали эмоциональность и мировоззрение Гитлера. Это влияние должно было еще углубиться благодаря обучению в школе бенедиктинского монастыря в Лимбахе с 1897 по 1899. Говорят, что здесь Гитлер был счастлив, принимал активное участие в службах и праздниках церкви, определявшей лицо этого города. На своих рисунках между 1906 и 1913 гг. он часто изображал деревенские церкви, монастыри и памятники духовной архитектуры Вены, что также свидетельствует о привлекательности для него католической церкви и ее тысячелетнего господства на австрийской родине. Глубокая погруженность в католическую культуру могла также предполагать и восприимчивость его воображения к дуалистическо-утопическим идеям ариософии.

Годы, прожитые в Линце (1905-1905), были для Гитлера менее удачными. Изощренная городская среда слишком сильно давила на мальчика, привыкшего к школьной жизни в маленьких городках или в деревне; его академическая успеваемость снизилась. Но зато здесь Гитлер познакомился с национализмом и пангерманизмом. Линц находился недалеко от чешских поселений Южной Богемии и ввиду частых вторжений чешских иммигрантов австрийские немцы города бдительно охраняли свои деловые интересы и собственность. Учитель истории Гитлера, доктор Леопольд Потш (Putsch) был известен в нескольких националистических ферейнах; он рассказывал мальчикам об эпических периодах немецкой истории и при помощи волшебного

фонаря показывал им нибелунгов, Шарлеманя, Бисмарка, установление Второго Рейха. Гитлер всегда любил эти уроки истории и его вера в «Германию» как материнский символ романтической сущности народа возможно ведет начало от этих школьных занятий в Линце. От некоторых биографов Хиир позаимствовал описание детского интереса Гитлера к расовым характеристикам немцев и классификации одноклассников на немцев и не-немцев. Эта ранняя фиксация на матери Германии, позже перешедшая в контекст манихейских идей и представлений о золотом веке, отзывалась эхом и в творчестве Листа и Ланца фон Либенфельса.

В более зрелом возрасте Гитлер самостоятельно отправился в Вену с тем, чтобы продолжить там изучение искусства, к которому его подталкивали интересы и амбиции, но его жизнь в столице оказалась фатально неудачной, он не смог поступить в Академию Изящных Искусств. После первой неудачи в октябре 1907 и после смерти матери, случившейся в то же Рождество, Гитлер вернулся в Вену в феврале 1908 для того, чтобы частным образом изучать искусство и жить на крайне скудные средства. Вместе с Августом Кубичеком, его детским другом с Линца, он бродил по галереям, осматривал памятники архитектуры, слушал оперы Вагнера вплоть до лета. Но растущее чувство невозможности собственно художественной карьеры, отвращение к любому иному типу деятельности и к тому же неуклонное истощение кошелька существенно отравляли идиллию. В ноябре 1908 он ушел с квартиры, которую они вместе снимали и с тех пор жил один. За жеманной бедностью пришла нищета. Теперь Гитлер узнал другую сторону жизни в городе. Просроченная плата за комнату, переполненные бесплатные столовые, грязные ночлежки, ужасные улицы, кишачие иностранными иммигрантами из провинций, евреи с их странной одеждой и странными

привычками, — все это представляло для него падший мир. Благодаря его неудачам Вена и многонациональная империя Габсбургов теперь выглядели для него полной противоположностью сказочного образа матери Германии и ее чистой национальной культуры. В таком настроении Гитлер мог быть весьма чувствителен к простым формам манихейского дуализма: делению на черных и белых, героев и ублюдков, арийцев и чандалы, описанному в Ostara Ланца фон Либенфельса.

Но существуют ли доказательства знакомства Гитлера с Ostara и ее определяющего влияния, помимо общего предрасположения? В первую очередь, неопровержима хронология. К середине 1908 года Ланц уже издал 25 номеров Ostara и мог издать еще более 40 номеров прежде чем Гитлер окончательно покинул Вену в мае 1913. Ввиду сходства их идей, касающихся прославления и охранения стоящей под угрозой арийской расы, уничтожения и победы над не-арийцами, установления сказочной ариогерманской империи, связь между этими людьми выглядит крайне вероятной. В «Майн кампф» Гитлер сообщал, что его жизнь в Вене заложила основы его мировоззрения и что в это время он изучал расистские памфлеты. И опять вероятность местного идеологического влияния кажется весьма существенной. Ранние биографы Гитлера склонны ограничивать источники его вдохновения интеллектуально респектабельными авторами, пишущими на темы расового превосходства и антисемитизма; например, такими как Гобино, Ницше, Вагнер и Чемберлен. Но нет никаких доказательств, что Гитлер читал эти научные труды. Зато он наверняка подхватывал разные идеи, помогающие ему прояснить собственный дуалистический взгляд на вещи и фиксацию на Германии, из дешевых и легкодоступных памфлетов современной Вены.

Австрийские ученые были первыми, кто предположил, что Гитлер черпал материал для своих расистских политических идей из бестселлеров Ланца фон Либенфельса. В начале 1930 Август Ноль осмеивал нацистов перед студенческой аудиторией Венского Университета, отмечая, что немецкий лидер просто позаимствовал свои идеи у пользующейся дурной славой и непритязательной Ostara. Это первое полемическое размышление было подхвачено Вильфридом Дэймом после войны. Дэйм был психолог, имеющий особый интерес к политическим идеологиям и сектантским убеждениям. Когда Ноль упомянул о сходстве странных идей Ланца с целями нацизма, Дэйм крайне заинтересовался этим и в результате написал книгу о нацизме как извращенной религиозной системе. Существование фанатического отца за спиной нацистской идеологии должно было придать особенный вес этому тезису. Вскоре выяснилось, что Ланц еще жив и двое ученых отправились брать у него интервью, в его доме, в Вена-Гринцинг. 11 мая 1951 года Ланц рассказал Дэйму, что Гитлер посещал его в редакции Ostara, в Родауне, в 1909 году. Ланц вспомнил, что Гитлер рассказывал о своей жизни на Фельберштрассе, где он мог купить Ostara в ближайшем табачном киоске. Он также сказал, что его крайне интересуют: расовые теории Ланца и он хотел бы купить несколько старых номеров для завершения своей коллекции. Ланц отметил, что Гитлер выглядел крайне бедным и подарил ему необходимые номера, поскольку две кроныгодились бы ему, чтобы вернуться в центр города.

Сообщение Ланца подтверждается и независимыми источниками. В соответствии с полицейскими записями Гитлер действительно проживал с 18 ноября 1908 по 20 августа 1909 на Фельберштрассе 22/16, мрачной улице на северной стороне Westbahnhof, где он поселился после того как вынужден был оставить комнату, которую делил

с Августом Кубичеком. Дэйм также выяснил в Австрийской Табачной Компании, что киоск в это время помещался в первом этаже Фельберштрассе 18. Ланц не мог бы знать этих деталей, если бы ему не сообщил о них Гитлер. Упоминание о бедности Гитлера также выглядит правдоподобным, в 1909 года состояние Гитлера резко уменьшалось; осень и зима были наиболее тяжелым периодом в его жизни, в это время он наскоро отогревался в теплицах, а еду и постель искал в ночлежках. Наконец, необходимо помнить, что Ланцу едва ли нужно было выдумывать связь Гитлера с идеологией нацистов в 1951 году: Вена была оккупирована союзниками, политические исследования быстро развивались. Поэтому выглядит вполне возможным тот факт, что Гитлер наносил визит Ланцу и что он был регулярным читателем Ostara.

Для того, чтобы дальше продвинуть свидетельство Ланца, Дэйм взял интервью у Йозефа Грейнера, которого он рассматривал как главного свидетеля жизни Гитлера в Вене после 1908 года. В послевоенной биографии Гитлера *Das Ende der Hitler-Mythos* (1947) Грейнер утверждал, что был близко знаком с Гитлером в мужском общежитии на Мельдемманштрассе, в Вена-Бригиттенау, где Гитлер жил с февраля 1910 до отъезда в Мюнхен в мае 1913. 31 декабря 1955 Грейнер сообщил Дэйму дополнительные подробности о жизни Гитлера в общежитии. Он вспомнил, что Гитлер владел значительной коллекцией Ostara, там было по меньшей мере 50 номеров в стопке около 25 сантиметров толщиной. Показывая копии первых серий Ostara Дэйму, Грейнер сказал, что он помнит характерный рисунок кометы на обложках самых первых номеров. Он рассказал о жарких спорах Гитлера с его приятелем по имени Грилл о расовых идеях Ланца фон Либенфельса. В более позднем разговоре с Дэймом Грейнер утверждал, что однажды Гитлер и Грилл отправились в аббатство

Heiligenkreuz, чтобы узнать там настоящий адрес Ланца.

Несмотря на убеждение Дэйма в том, что память Грейнера прочна, а его сообщения точны, эти свидетельства должны быть рассмотрены с крайней осторожностью. Прежде всего, грейнеровская биография Гитлера настолько неточна и так изобретательна по части деталей, что некоторые ученые вообще сомневаются, знал ли Грейнер Гитлера. Наиболее серьезные сомнения возникают, когда дело касается дат. Грейнер сообщал Джетзингеру, что он был знаком с Гитлером по общежитию в 1907 и что их знакомство прекратилось, когда он уехал продолжать обучение в Берлин в 1909. Но поскольку Гитлер поселился в общежитии только в начале 1910, Грейнер не мог встретить Гитлера, если только не ошибся датами. С другой стороны, воспоминания Рейнгольда Ганиша, другого приятеля по общежитию и продавца гитлеровских картин, действительно указывают на человека по имени Грейнер, жившего в общежитии. Видимо, Грейнер все же знал Гитлера, но забыл точную дату. Но его склонность к выдумкам обнаружила себя и в интервью Дэйму вряд ли Гитлер мог желать получить адрес Ланца у монахов Heiligen Kreuz, если у него уже были номера Ostara, на которых был указан адрес редакции, к тому же он уже посещал Ланца в 1909 году. Визит в аббатство не мог произойти и раньше, поскольку тогда не было человека по имени Грилл, компаньона Гитлера по предполагаемой экскурсии в Heiligenkreuz, они познакомились в общежитии только в 1910 году. Единственное ценное свидетельство Грейнера, касающееся возможного влияния Ланца на Гитлера, состоит в том, что Гитлер владел полной коллекцией Ostara и часто обсуждал его теории с Гриллом во время своей жизни в мужском общежитии.

На основании свидетельств Ланца и Грейнера можно

говорить о внутреннем основании идеологического сходства между Ланцем и Гитлером. Наиболее важным совпадением является их манихейско-дуалистический взгляд: мир разделяется на свет голубоглазых и светловолосых арийцев и тьму не-арийских демонов, отвечающих соответственно за добро и зло, порядок и хаос, спасение и разрушение. Арийцы рассматривались обоими как источник и инструмент всякого блага, аристократизма и творческого действия, тогда как не-арийцы неизменно связывались с порчей, разложением и разрушительными стремлениями. План Ланца по обеспечению расового превосходства арийцев как эхом отозвался в Третьем Рейхе: законы о запрещении межрасовых браков, уничтожение низших рас и размножение чистокровных германцев путем полигамии и создания материнских домов SS Lebensborn в целях заботы о незамужних матерях, — все это уже присутствовало в Ostara. Гитлер разделял и отношение Ланца к сексу и супружеству. Оба подчеркивали исключительную ценность брачных отношений, но женщин рассматривали двояко. Ланц говорил о женщине как о «взрослом ребенке» и осуждал их капризы, заводящие в тупик дело размножения господствующей расы своим предпочтением низших расовых меньшинств. Для Гитлера женщина была любимой вещью и его собственные сексуальные отношения характеризовались странной смесью почтения, страха и отвращения.

Но Гитлер принимал отнюдь не все аспекты идеологии Ланца. Ланц мечтал о панарийском государстве с правительством Габсбургов в Вене, тогда как Гитлер презирал австрийскую династию и обращал свой взгляд от ее расового Вавилона к материнской почве Германии. Доктрина Ланца была насыщена элементами католического и цистерцианского богослужения: молитвами, причастием, идеей пришествия расово чистого мессии Christ-Frauja, созданием общин для Ордена Новых

Тамплиеров; разработка церемониала могла быть малопривлекательна для Гитлера, он отрицал ритуалы католицизма как изжившие себя, а нового германского мессию позже видел в себе. С другой стороны, Гитлер очень любил вагнеровские описания рыцарей Грааля и эта симпатия вполне могла сделать его восприимчивым к идее Ланца о рыцарском ордене, сражающемся за чистоту арийской крови. В разговоре от 1934 года Гитлер отдал дань этой мысли: «Как можно остановить вырождение расы? Сможем ли мы создать избранное сообщество действительно посвященных? Орден, братство Тамплиеров вокруг священной Чаши чистой крови?» Эта фраза в равной мере может быть отнесена и к предвоенной встрече с Ланцем, его Ордену Новых Тамплиеров и к операм Рихарда Вагнера.

В период Третьего Рейха издание трудов Ланца было запрещено, его организации, ONT и Lumenclub, официально распущены по приказу гестапо. Возможно эти меры были результатом общей политики нацистов, запрещавшей различные ложи и эзотерические группы, но также может быть, что Гитлер сознательно пытался уничтожить всякую связь между собственными политическими идеями и сектантскими взглядами Ланца. Одна монография Ланца, *Das Buch der Psalmenteutseh* (1926), находилась среди сохранившихся 2000 томов личной библиотеки фюрера, но нет ни убедительных доказательств, что эта книга вообще читалась, ни существенной связи с самой идеологией Ланца, поскольку это скорее литургическая работа. К тому же остается действительным тот факт, что Гитлер никогда не упоминал имя Ланца ни в каких зафиксированных разговорах, речах или документах. Если Гитлер находился под влиянием своего контакта с Ostara, едва ли мог он не ссылаться на это. Впрочем, его стремительная политическая карьера в Германии 20-х годов и

титанический масштаб его роли в 30-х вряд ли позволяли указывать на дешевые памфлеты заумного венского мистика как на источник его первоначального вдохновения.

На основании существующих доказательств, следовательно, можно предполагать, что Гитлер действительно читал и коллекционировал *Ostara* в Вене. Ее содержание помогало ему сформулировать и прояснить собственные возникающие убеждения о дуалистической природе человечества, мирового развития, а также поддерживало чувство возложенной на него миссии по спасению мира.

Если его знакомство с *Ostara* ограничилось номерами, которые появились между концом 1908 и серединой 1909, он должен был быть знаком с эмпирическими исследо-

ваниями Ланца о расовых характеристиках, различиях между белыми и черными, с дискуссиями о женщинах, феминизме и сексуальности в отдельных номерах. Если

он продолжал собирать номера в мужском общезнании между 1910 и маем 1913, он мог столкнуться с более широким горизонтом манихейской фантазии Ланца о борьбе между белыми и черными за расовое превосходство. Продолжая подписываться на *Ostara* в Мюнхене, он неизбежно прочитал бы о ланцевской концепции Гра-
аля как центральной мистерии арийского расового культа, а также познакомился бы с материалами по

«ариохристианским» тамплиерам. Но даже если бы Гитлер не видел больше номеров *Ostara* после своего отъезда из Вены, он все же мог усвоить основные аспекты ариософии Ланца: тоску по арийской теократии в форме божественной диктатуры светловолосых и -голубоглазых немцев над всеми низшими расами; веру во враждебный заговор таких низших рас против героических германцев на протяжении всей истории: апокалиптическую надежду на пангерманский золотой век, в котором осуществится арийское господство над миром. Собственно, такой чер-

но-белый дуализм служил гранитным основанием и для гитлеровских взглядов на жизнь.

Свидетельства о знакомстве Гитлера с Гвидо фон Листом и его арманизмом менее надежны и опираются на третью сторону и некоторые литературные предположения. Когда в 1959 году Дэйм читал в Мюнхене лекцию о Ланце фон Либенфельсе, он упомянул о его связи с Листом по венской среде арийских оккультистов. После лекции к Дэйму подошла некая Эльза Шмидт-Фальк, которая сообщила, что Гитлер регулярно посещал ее и ее последнего мужа в Мюнхене. В эти встречи Гитлер часто упоминал о своем чтении Листа и с энтузиазмом цитировал книги старого мастера. Гитлер также говорил ей, что некоторые члены Общества Листа в Вене снабдили его рекомендательными письмами к Президенту Общества в Мюнхене, но это будто бы оказалось ни к чему, поскольку Ванек был «то ли смертельно болен, то ли уже умер» к моменту прибытия Гитлера в Мюнхен.

Другие мюнхенские источники подтверждают интерес Гитлера к Листу. В 1921 году доктор Бабетта Штайнингер, одна из первых членов нацистской партии, подарила на день рождения Гитлеру эссе Tagore о национализме. На форзаце она написала личное посвящение: «Адольфу Гитлеру моему дорогому Арманенбрату». Обращение к эзотерическому термину указывает на их знакомство с работами Листа. Другим свидетелем знакомства Гитлера с Листом стал Кубичек. Он описал рисунки Гитлера к пьесе, которую он написал, когда они жили вместе в 1908. В драме излагался конфликт между христианскими миссионерами и германскими жрецами языческих гробниц в горах Баварии. Гитлер легко мог заимствовать этот сюжет из Die Armanenschaft der Ario-Germanen Листа, опубликованной в том же году, немного раньше.

Эльза Шмидт-Фальк состояла в генеалогической

исследовательской группе нацистской партии в Мюнхене в 20-е годы. Она утверждала, что часто встречалась с Гитлером и знала его еще по Вене. Если верить ей, Гитлера особенно впечатляла *Deutsch-Mythologische Landschaftsbilder* и он имел первое издание этой книги.

Он также высоко ценил *Der Unbesiegbare* (1898) и часто спорил с ней на ариогерманские темы. Ее другие показания сводились к следующим утверждениям: Гитлера вдохновляла идея Листа о подземных исследованиях в Соборе Св. Стефана в Вене; Гитлер был настолько заинтригован захоронением винных бутылок в Карнунтуме в 1875, что намеревался эксгумировать эту «первую свастику» сразу после захвата Австрии; восхищение Гитлера перед фольклорным творчеством Листа заставило его просить ее написать «*Bayrisch-Mythologische Landschaftsbilder*» об окрестностях Мюнхена; другие нацистские лидеры, Людендорф, Гесс и Эккарт также читали Листа.

Обилие сообщений Шмидт-Фальк превращает ее в сомнительного свидетеля. Нет никаких доказательств особенного интереса Гитлера к археологии или фольклору. Если Гитлер читал только первое издание *Deutsch-Mythologische Landschaftsbilder*, он не мог знать историю о свастике в Карнунтуме, поскольку она появилась только во втором издании в 1913. Источник ее сведений о круге чтения Эккарта, Гесса и Людендорфа не выяснен, равно как неясно когда она впервые услышала от Гитлера об аннексии Австрии. Эти утверждения могли бы только указывать на ее участие в нацистском движении по меньшей мере с 1923 и весь период Третьего Рейха. Интерес Гитлера к генеалогии, помимо собственной, с особыми ссылками на родословную других нацистских лидеров, которые она изучала для него, также выглядит недоказанным. Но даже если свидетельства Шмидт-Фальк не полне точны, остается посвящение Штайнингер от

1921, доказывающее знакомство Гитлера с Листом.

Политические аспекты мысли Листа могли быть симпатичны юному Гитлеру. Протест Листа против политического оформления национализма чехов вполне отвечал раннему опыту Гитлера в Линце. Лист также осуждал фантастический всеобщий заговор Великой Интернациональной Партии против немцев и такие его проявления как демократия, парламентаризм, феминизм и «еврейские» влияния в искусстве, прессе и бизнесе. Строгое деление Листом мира на арийцев и неарийцев соответствовало и дуалистической доктрине Ланца фон Либенфельса. В своем проекте реставрации арманистского государства Лист подробно описал иерархию служб, уровней власти и разделение на традиционные административные области (Gaue), чему впоследствии тщательно подражали völkisch лиги, ранняя нацистская партия и Третий Рейх. В то время как арийцы в его представлении могли пользоваться разнообразными привилегиями и всеми политическими правами, неарийцы использовались только как слуги и рабы. Лист также мечтал о приходе пангерманского тысячелетия и о мировой гегемонии для нового ариогерманского государства. Гитлеру было понятно также романтическое восхищение Листа перед древним миром арманизма, его институтами и героическими лидерами.

Но едва ли Гитлер мог оценить антикварную направленность мысли Листа. Его конечно интересовали немецкие легенды и мифология, но он никогда не пытался искать их следы в фольклоре, местных обычаях и названиях. Его не интересовали ни геральдика, ни генеалогия. Его любовь к мифологии была связана скорее с идеалами и подвигами героев и их музыкальной интерпретацией в операх Вагнера. Перед 1913 годом утопия Матери-Германии привлекала его гораздо больше, чем

золотой век древности. Его любовь к Германии исключала любые симпатии, которые Лист адресовал династии Габсбургов как живому следу арманизма и Vianicmina-Vienna как священному арийскому городу древности. Переехав в Германию, едва ли Гитлер мог развивать и укреплять свой интерес к австрийским vцlkisch древностям. Как и в случае с Ланцем, его больше мог привлекать основной манихейский дуализм расизма Листа, а не его оккультные традиции.

Гитлер уехал из Вены в конце мая 1913 и направился на запад, в землю своей мечты. По прибытии в Мюнхен его сердце сильнее забилось от образов и звуков подлинно немецкого города. Он снял комнату в семье портного на Шлейшеймерштрассе 34 и зарегистрировался в полицейском участке как «художник и человек искусства». Следующие несколько месяцев он потратил на освоение баварской столицы и ее окрестностей и на зарабатывание денег, очень неплохих для художника, рисующего почтовые открытки. Многие из мюнхенских художников того времени живы до сих пор, но никто не помнит ничего о его деятельности до призыва в армию в августе 1914. Нет никаких документов, подтверждающих его связь с Germanennorden, Reichshammerbund, или другими vцlkisch группами города перед Первой Мировой войной. Только однажды Гитлер упомянул о своем чтении Филиппа Штауффа после ухода в немецкую армию в 1914 году. Штауфф поразил его, поскольку «открыл глаза» на господство евреев в немецкой прессе, но нет указаний, что Гитлер что-то знал о его догматических и эзотерических интересах.

Безразличие Гитлера к vцlkisch идеям, касающимся древних немецких институтов и традиций отразилось и в развитии нацистской партии под его руководством. В то время как Общество Туле и Germanennorden все же

имели в виду сложный арио-расистско-окультурный культурный комплекс, организации, которые унаследовали им, говорили уже только о проигранной войне, предательстве Германии и вели яростную антисемитскую пропаганду. Рудольф фон Зеботтендорф, лидер-основатель Общества Туле и поклонник Листа, Ланца и Штауффа, поощрял создание Политического Кружка Рабочих (PAZ) и полагал, что невозможно считаться с земными обидами

тех, кого «хватают на улице». Немецкая Рабочая Партия (DAP) также почти не занималась культурной völkisch работой.

Нет доказательств, что Гитлер посещал Общество Туле. Когда Зеботтендорф ушел из Туле после фиаско с заложниками в июне 1919, Гитлер впервые вступил в DAP в сентябре 1919. Дневник Иоханнеса Геринга о собраниях Общества упоминает о присутствии других нацистских лидеров между 1920 и 1923, но имени Гитлера там нет. Когда Гитлер захватил власть в DAP, как партийный лидер, он постоянно выступал с антисемитскими речами на публичных митингах и уличных встречах, тогда как völkisch движение привыкло сохранять своих энтузиастов в тайне.

В «Майн кампф» Гитлер осуждает «странствующих völkisch схоластов» и служителей культа как бесполезных бойцов в деле борьбы за спасение Германии и обливает презрением их церемониал и древние атрибуты. Это отношение отразилось и его нападках на Карла Харрера в PAZ, попытке контролировать раннюю DAP или группу Штрассера в Северной Германии в 1920-е. В любом случае, эта вспышка гнева отчетливо свидетельствует о его осуждении конспиративных кружков и тайных расистских занятий; он предпочитал прямое действие. На Гитлера, конечно, повлияли милленаристские и манихейские

мотивы ариософии, но описания древнего золотого века, гностических служителей культа и тайного наследства, скрытого в культурных реликвиях, не имели силы для

его политического и культурного воображения. Эти идеи были широко распространены в *uölkisch* движении, но достижение Гитлера в том и состоит, что он превратил эти националистические чувства и ностальгию в радикальное антисемитское движение, приведшее к национальной революции и перевороту. Хотя Генрих Гиммлер, например, напротив, строил свои утопические планы на старых немецких корнях. Ариософия есть скорее симптом, чем причина, повлиявшая на нацизм. Ее корни лежат в конфликте между немецкими и славянскими интересами в пограничных территориях Австрии XIX века. Похвалы Гвидо фон Листа, адресованные древним тевтонцам, поддерживали идентичность немецкого народа в этнически смешанных провинциях и городах поздней империи Габсбургов. Впоследствии он использовал теософию и оккультные науки для того, чтобы создать сказочный образ древней истории, рассказывающей о королях-священниках, об их преследовании врагами германизма и апокалиптических пророчествах новой пангерманской империи. Ланц фон Либенфельс также сначала сформировал свое политическое мировоззрение по образцу пангерманского движения Шонерера, но затем превратил его в более универсальный тип расизма. Усвоив идеи монизма и социалдарвинизма, он развил свою собственную мистическую панарийскую доктрину. Он соединил антропологию и зоологию со Священным Писанием для того, чтобы описать героических полубожественных арийцев, грозящее им вымирание и возможность спасения в расистско-рыцарском культе. И Лист, и Ланц выражали, в итоге, одно и то же чувство крайней нестабильности немцев в условиях распада австрийской империи.

Их доктрины отстаивали законы гностической элиты и ордена; расслоение общества в соответствии с расовой чистотой и оккультной посвященностью; безжалостное

подчинение и окончательное искоренение негерманских меньшинств; основание великой пангерманской империи и ее гегемонию. Только крайняя неустойчивость и страх, испытываемые немецкими националистами в Австрии могли служить объяснением для этих грандиозных нарциссических и параноидных фантазий. Эти идеи были с энтузиазмом встречены в антисемитских кругах вильгельмовской Германии, а затем вновь заразили völkisch группы после военного поражения. Пагубная психологическая атмосфера войны и ее последствия вскормили миф о заговоре и образы нового Рейха. Маленькие группы и журналы, посвященные арманизму, ариософии и руническому оккультизму выдвигали идею героической и сильной Германии вместо истерзанной невзгодами Веймарской Республики. Ариософия продолжала находить новых сторонников с момента возникновения в Вене в 1890-х, вплоть до нацистской революции в 1933. В результате эти фантазии воплотились в Третьем Рейхе, который установил пангерманский порядок во всей центральной и восточной Европе.

Призывы нацизма опирались на мощные образы, призванные облегчить чувства беспокойства, поражения и деморализации. Самому существованию немецкой нации угрожал заговор евреев и их сообщников. Социалисты, «Ноябрьские преступники» (те, кто подписал позорный мир 1918), большевики, франкмасоны и даже современные художники, несомненно были агентами этого заговора, направленного на разрушение Германии. Только тотальное уничтожение евреев могло спасти немцев, могло позволить им войти в обетованную землю. Хилиастические надежды Третьего Рейха напоминают о средневековом пророчестве Иоахита и оставались сильной метафорой для воображения многих немцев, переживших проигранную войну, тяжелые условия мира, нищету и хаос ранней Веймарской Республики.

Идеи заговора и золотого века вновь ожили после экономического краха и депрессии в 1930-33.

Почти религиозная вера в расу арийцев, мысли о необходимом уничтожении низших рас и великолепном будущем Германии мучили Гитлера, Гимmlера и других высших нацистских лидеров. Когда в 1930-х бесконечные колонны легионеров в стальных шлемах прошли под свастикой, демонстрируя свой воинственный дух, Германия встречала императора нового тысячелетнего Рейха. Но весь этот оптимизм, здоровье и вспыхнувшие надежды имели и другую сторону. Новый порядок означал и вторжение в славянские города, где еврейские демоны корчились в огне как священные жертвы. Нацистские крестоносцы действительно были почти религиозны и в своих фантазиях о Новом Иерусалиме (см. план Гитлера о строительстве новой столицы в Берлине), и в уничтожении сатанических толп. Аушвиц, Собибор и Трeблнка — ужасные музеи нацистского апокалипсиса XX века.

Мечты нацистов не стали действительностью. Главное Здание Берлина с его огромным куполом не было завершено к 1950; к 1960-м не перестроили Вевельсбург как гигантский Ватикан СС; автомобильные шоссе и железнодорожные пути на Кавказ и Урал никогда не были проложены; Западная Россия не превратилась в колонию для немецких солдат-фермеров; племенные заводы Lebensborn SS не произвели 150 миллионов чистокровных немцев для Нового Ордена. Славный тысячелетний Рейх продержался ровно двенадцать лет с момента своего провозглашения; военное поражение нацистской Германии в 1945 положило ему конец. Но даже если эти грандиозные планы и мегаломаниакальные образы не вышли за пределы карт, меморандумов и миниатюрных моделей, все же Третьему Рейху удалось в достаточной

мере разрушить старый порядок в Европе; его преступления еще долго будут жить в литературе, фильмах и памяти современников. Теперь ариософия и нацистские фантазии служат важным материалом для изучения апокалиптической истерии у руководителей современных государств. Поскольку в условиях роста религиозного национализма в конце XX века понимание предпосылок такой апокалиптики остается решающим фактором сохранения мировой безопасности.

ИСТОРИЯ АРИОСОФИИ

Между январем 1929 и июнем 1930 в Zeitschrift für Geistes-und Wissenschaftsreform, сериями, вышла большая работа Ланца «Die Geschichte der Ariosophie», которая ставила перед собой задачу проследить историю ариософской расовой религии и ее противников с древнейших времен до настоящих дней. Это изложение, по сути, было красочным представлением неоманихейской концепции Ланца, поскольку все исторические агенты соотносились им с одним из двух эсхатологических лагерей, отвечающих соответственно за добро или зло, свет или тьму, порядок или хаос.

В соответствии с Ланцем, наиболее древними предками современной «арио-героической» расы были атланты, жившие на континенте, расположенном в северной части атлантического океана. Предположительно, они происходили от божественных Theogoa и потому были наделены электромагнетическими органами чувств и сверхчеловеческими способностями. Катастрофические наводнения затопили их континент около 8000 до н. э. и атланты направились на восток в двух направлениях. Северные атланты перебрались на Британские острова, в Скандинавию и северную Европу, южные — через западную Африку попали в Египет и Вавилонию, где

основали древние цивилизации Ближнего Востока. Ариософский культ, таким образом, проник в Азию, где процветало идолопоклонство и смешанное скрещивание.

Ланц утверждал, что расовая религия проповедовалась и активно практиковалась в древнем мире. По его мнению, Моисей, Орфей, Пифагор, Платон и Александр Великий были ее ревностными приверженцами. Законы Моисея, платоновское превознесение аристократии и введение им касты правителей в «Государстве» указывает на то, что они также являлись ариософами. Творчество этих древних мыслителей Ланц включил в единую ариософскую традицию, сосредоточившуюся в знаменитой библиотеке Александрии, предположительно, содержавшую в себе великолепную коллекцию ариософских текстов. Ученые и служители культа со всего мира собирались здесь, чтобы почитать старые папирусы южных атлантов; здесь Ветхий Завет (фундаментальный ариософский текст) собрали из разрозненных хроник, найденных в Палестине; школа королей-священников при библиотеке распространяла расистское знание через миссионеров, отправляющихся в Китай. Предполагалось, что весь эллинистический мир хорошо знал ариософию еще до прихода Christ-Frauja. Пришествие и создание им Церкви послужило началом — так говорится в книге — новой волны ариософской миссионерской деятельности по всему миру.

Немцы познакомились с ариософской традицией в результате миссионерских подвигов Вульфилы (311-83 в.) Вульфилла перевел Библию на язык готов и обратился с проповедью к германским племенам, жившим на Балканском полуострове и за Дунаем. Он также был провозвестником арианской ереси (названной так по имени теолога Ария из Александрии). Ланц утверждал, что Вульфилла действительно проповедовал расовую рели-

гию германским племенам. Подавление арианской ереси связывается им с победой сторонников животных культов. Ланц рассерженно обвиняет язычников в забвении известных законов готской Библии. Многие из его расистских пассажей весьма взволнованны: немцам не следовало пренебрегать соблюдением строгих евгенических правил, это могло бы гарантировать им превращение в божественные существа. Пять номеров *Luzerner Briefe* Ланц написал о предположительно уничтоженных текстах Вульфилы, здесь же он обсуждал словарь, дававший ключ к скрытому смыслу его сохранившихся текстов.

Несмотря на подавление ереси Ария и неудачу готов в попытке расовой революции внутри их огромной империи шестого века, ариософия нашла себе новых исторических носителей. Возрождение ариософии Ланц связал с монастырской традицией средневековой Европы. Бенедиктинский орден он рассматривал как восстановление старых арийских школ королей-священников, посвященных проповеди расового знания и организованных по иерархическому принципу. Он написал пять работ об ариософских мотивах у бенедиктинцев. Установив связь этого монастырского ордена с ариософией, Ланц передал это духовное наследство в руки цистерцианского ордена. Этот орден и его знаменитого руководителя Св. Бернарда из Клерво (1090-1153) Ланц считал основной силой, стоящей за ариософией в Средние Века.

Поскольку военный орден Тамплиеров был тесно связан с цистерцианским орденом, Ланц оценил его как вооруженную гвардию ариософии. Его законы были составлены самим Св. Бернардом, который также посвятил им Похвальное Слово, *De Lande novae militae* (с. 1132) и проповедовал Второй Крестовый поход в 1146. В соответствии с Ланцем, тамплиеры постоянно боролись с низшими расами на Ближнем Востоке и

тем обеспечили расовую чистоту восточного фланга арийского христианства. Параллельно их усилиям на Западе трудились военные ордена Калатрава, Алкантара и Авис, боровшиеся в середине XII века с маврами в Испании.

Ланц понимал борьбу средневековых военных орденов против варваров как оправдание собственного выступления против популизма, демократии и большевизма в двадцатом веке. Живое воображение Ланца соединяло идеологическую карту мира VIII века и XVII: внутри плотного кольца, состоящего из исламских сил Северной Африки, Среднего Востока и Балкан, аморфных монгольских орд, находился обороняющийся «ариохристианский» мир. Постоянная угроза европейскому расовому превосходству порождала необходимость отпора со стороны военных орденов. Таким образом, средневековое христианство рассматривалось им как воинственный аристократический монастырь, из которого рыцари-монахи уходили прорывать окружение темных агрессивных сил. Эти образы питали надежды Ланца на современный крестовый поход против политической эмансипации масс, парламентской демократии и социалистических революций.

Средние века казались Ланцу золотым веком ариософии. Мир отважных рыцарей, благочестивых монахов, великолепных замков, богатых монастырей поддерживался расово-рыцарским культом религиозного и военного ордена. Религия этого периода «не была так безвкусно человечна. Это был крайне аристократичный и ариократичный религиозный культ, строгая научная, экономическая и политическая организация, рассчитанная на всех арио-героических людей. Эта религия безжалостно искореняла человеческие подвиды или же гуманно содержала их в еврейских гетто!» Культура этого

периода была описана им как «последний величественный и поистине прекрасный расцвет арио-героической религии, искусства и культуры».

Уничтожение тамплиеров в 1308 году стало сигналом конца этой эпохи и успеха низших расовых сил. С этого момента расовые, культурные и политические достижения Европы медленно сходили на нет. Рост городов, распространение капитализма, возникновение промышленного рабочего класса повели к компрометации аристократического принципа и идеи расовой чистоты. Христианство превратилось в сентиментальную альтруистическую доктрину, утверждавшую, что все люди равны, что нужно любить своего соседа, независимо от того, какой он расы. Во время этой «космической недели» с 1210 по 1920 Европа стала жертвой длительного процесса разложения, достигшего апогея в выступлениях большевиков и открытого провозглашения торжества народных масс.

Ланц должен был рассказать и о тайном наследстве Листа в своем постсредневековом обозрении ариософской традиции. Он утверждал, что ариософия выжила благодаря подпольной культуре «нескольких духовных орденов и гениальных мистиков». Первым звеном в этой тайной цепи наследников был Орден Христа, основанный в 1319 королем Португалии. Этот Орден унаследовал португальской организации тамплиеров и сыграл важную роль в путешествиях и открытиях этой страны. Генри Мореплаватель (1394-1460), финансировавший путешествия, которые привели к открытию Азорских островов, Мадейры и северо-восточной Африки, был Великим Мастером этого Ордена. Его корабли плавали под флагом Ордена, изображавшим красный геральдический крест тамплиеров. Последняя колонизация Анголы, плавание вокруг Мыса Доброй Надежды и открытие пути в Индию также было

связано с патронажем Ордена, который был частично распущен в 1496 году. Другие военные ордена Реконкисты, Орден Ависа в Португалии, Ордена Калатрава и Алькантара в Испании также были секуляризованы в начале XVI века. Они стали королевскими рыцарскими орденами и находились на службе португальской и испанской короны.

Существование этих средневековых военных орденов и их участие в расширении европейских интересов подтверждало для Ланца их роль исторических агентов ариософии. Он доказывал, что их цистерцианские корни и колониальные достижения однозначно свидетельствуют о том, что они являлись тайным орудием постсредневекового крестового похода в масштабе всего мира. Все завоевания Португалии и Испании Ланц связывал с кораблями под красным тамплиерским флагом: «Флотилия рыцарских орденов открыла и завоевала весь мир... вся империя была у ног Рыцарей Христа и Рыцарей Калатрава... Флаг Рыцарей Христа гордо реял над морями, флаг с красным рыцарским крестом тамплиеров. У

испанских и португальских рыцарей в различных странах были тысячи поместий». Два дома Габсбургов, в Испании и Австрии, Ланц также связал с тем, что они являлись тайными создателями ариософской империи; она включала в себя испанские владения в Центральной и Южной Америке и середину Центральной Европы под началом императоров Фридриха IV, Максимилиана I («последний ариософ на императорском троне») и Карла V в начале XVI века. После того как Испания завоевала Новый Свет, осталось распространить габсбургско-арисофское влияние на Восток. Ланц утверждал, что это и была настоящая цель Карла V в его планах крестового похода против турок с помощью испанских и португальских орденов, а также Мальтийских Рыцарей Св. Иоана. Он был уверен, что этот проект стал жертвой

злобных происков евреев и лютеран, желавших оборвать ариософской ренессанс.

Смертность всех человеческих институтов и империй подкосила попытку Ланца восстановить историческую непрерывность ариософской традиции. Его фальсифицированные обзоры деятельности духовных и военных орденов, португальских открытий, испанского и австрийского империализма пытаются придать различным историческим событиям вид единого, одушевляемого одной идеей движения; но при этом не выдерживают никакой критики. В результате Ланц вынужден был обратиться к таким неопровержимым агентам ариософского гнозиса как маргинальные социальные элементы всех времен. Он рассказывает о подпольной ариософской традиции мистиков, романтиков и оккультистов.

В Средние века «арио-христианская» мистическая традиция включала в себя такие имена как: Хильдегард из Бингена (ум. 1179), Гертруда Великая (ум. 1303), Мехтильда из Магдебурга (ум. 1282?), Мейстер Экхарт (ум. 1327), Ян ван Рейсбрук (ум. 1381) и Фома Кемпидокский (ум. 1471). В начале Нового Времени этих мистиков сменили такие известные пиетисты как: Якоб Беме (ум. 1624), Ангелус Силезиус (ум. 1671), Николаус фон Цинцендорф (ум. 1760), Эммануэль Сведенборг (ум. 1772). В эпоху Просвещения список ариософских послушников пополнился именами романтических мыслителей и оккультистов XIX века: Дж. Кернинг (1774-1851), мистический франкмасон; Карл фон Рейхенбах (1788-1869), венский исследователь животного магнетизма; французские оккультисты, Элифас Леви (1810-1875), Жозефина Пеладан (1858-1918), Жерар Энкокс (1865-1916) и Эдуард Шюре (1841-1929); теософы, Елена Петровна Блаватская (1831-1891), Франц Гартман (1838-1912), Ании

Безант (1847-1933) и Чарльз Вебстер Лидбитер (1847-1934). В итоге, традиция привела к Гвидо фон Листу, Рудольфу Горслебену и мифологам арийской Атлантиды, Карлу Георгу Zschaetzsch и Герману Виланду.

Очевидное понижение исторического значения и интеллектуального калибра ариософских посвященных выглядело как логическое следствие отказа Ланца от современного мира и его достижений. Поскольку настоящее не отождествлялось им ни с какой культурной традицией, он вынужден был опираться лишь на маленькие группы сектантов, единственных представителей универсальной прежде религии. Когда Ланц обращался к теологическим предпосылкам движения, ему было гораздо легче набирать адептов, ибо это был век славы; задача усложнялась в настоящее время, характеризующееся как время торжества зла, тьмы и иллюзий. Подобно гностикам античности, ариософы могли нести через мрак лишь искры божественного.

СОВРЕМЕННЫЙ МИФ ОККУЛЬТНОГО НАЦИЗМА

В этой книге мы рассмотрели идеи и историю ариософии в связи с ее предполагаемым влиянием на нацистское движение Германии. Впрочем, существует идея, устойчиво муссируемая в литературе, склонной к сенсациям, что нацизм был спровоцирован и непосредственно руководился оккультными силами с 1920 по 1945 годы. Происхождение этого мифа никак не связано с ариософией, но скорее с послевоенным ажиотажем вокруг нацизма. Такой ажиотаж, конечно, во многом объясняется иррациональностью и мрачной яростью политики нацистов, недолгим континентальным господством Третьего Рейха. Маленькая фанатическая партия сумела захватить власть в европейской стране и распространить свое влияние на огромной территории от Атлантического

побережья до Кавказских гор, рассматривая при этом уничтожение евреев в качестве своей основной задачи. Масштабность этих событий выделяет национал-социализм среди других сюжетов современной истории. Неизменное внимание к нацизму подтверждается ежегодными томами новых книг, посвященных Гитлеру, высшим нацистским лидерам, Второй Мировой войне, СС, концентрационным лагерям и системам тотального уничтожения. Поражение Третьего Рейха, самоубийства и казнь крупнейших фигур движения еще больше мистифицировали нацизм. Молодым наблюдателям национал-социализма часто кажется сверхъестественным эпизодом современной истории.

Таинственный образ движения поддерживается различными популярными романами, изображающими преступления военных преступников, тайные послевоенные нацистские организации, появление Гитлера спустя много лет после его недоказанной смерти. Пафос этой сенсационной литературы — в предположении тайного ордена, одновременно зловещего и запрещенного, стоящего за хорошо знакомым миром либеральных институтов. Воображение мрачных аспектов нацизма здесь не знает границ. Вследствие чего психопаты и садисты коллекционируют знаки отличия и сувениры Третьего Рейха, а крайне правые группы и причудливые секты заимствуют форму нацистов и их церемониал. Литература о тайных обществах, посвящениях, влиянии злых сил ограничивает собой сферу спекулятивной истории, основывающейся на скудных доказательствах и произвольных ассоциациях; именно в этих пределах и существует утверждение о том, что национал-социализм был прямо связан с оккультизмом.

Начиная с 1960 года популярные книги представляют нацистский феномен как результат сверхъестественных

и демонических влияний. Прежде всего история возникновения нацизма рассматривается с этой точки зрения. В соответствии с этой мифологемой, нацизм не мог быть порожден только социально-экономическими факторами. Ни эмпирические, ни чисто социологические условия не могли дать объяснения этим зловещим проектам и непрерывному успеху. Оккультная историография объяснила нацистский феномен при помощи идеи тайных сил, которые поддерживали и контролировали Гитлера и его окружение. Эти тайные силы могли характеризоваться как дурные воплощения («черные силы», «невидимые иерархии», «неизвестные владыки»), или как магическая элита, удаленная во времени или пространстве, нацисты как будто бы находились с ними в контакте. Вновь появились идеи, связывающие нацизм с тайными мастерами Востока; Общество Туле и другие оккультные ложи рассматривались как каналы черного посвящения. Все представители такого жанра создавали фантастическую историю, поскольку конечным пунктом их объяснений всегда был агент невидимый и недоступный для других исследователей национал-социализма.

Миф о связи нацистов с Востоком имеет сложную родословную теософского происхождения. О тайных священных центрах Востока впервые сообщила Блаватская в «Тайной доктрине», ссылаясь при этом на «Стансы Дзэн» — текст, который она будто бы прочитала у лам в Гималаях. Блаватская утверждала, что существует множество подобных центров эзотерического обучения и посвящения; великолепные библиотеки и сказочные монастыри скрываются в горных пещерах и подземных лабиринтах в отдаленных областях Центральной Азии. Среди выдающихся примеров таких центров был назван подземный город Агади, расположенный на месте Вавилонии, и светлый оазис Шамбала в пустыне Гоби, где божественные наставники арийской расы сохраняли

свое священное знание. Эта система мифов была возвращена французским автором Иосифом Сент-Ивом д'Альвейдра (1842-1909), описавшим тайный город Агарта как теократию, руководящую ходом мировой истории. Телепатические сообщения, которые он получал от далай-ламы из Тибета, указывали на то, что город находился где-то под Гималаями. Фердинанд Оссендовски, путешествовавший по Сибири и Монголии, обеспечил известными кредитами эти фантазии, рассказывая о местных буддийских верованиях, также отсылавших к подземному королевству Агарта, в котором правил король мира. Утопическое королевство обладало сверхъестественным могуществом и могло в любой момент уничтожить человечество и преобразить поверхность земного шара.

Идеи о тайной теократии Востока сопровождались сообщением о силах Vril. В своем романе «Грядущая раса» (1871) Сэр Эдвард Булвер-Литтон приписал эту способность подземной расе людей, Vril-ya, далеко продвинувшейся психически по сравнению с человеческими видами. Способности Vril состояли в телепатии и телекинезе. Это вымышленное понятие впоследствии использовалось Луисом Жаколио, французским консулом в Калькутте во времена Второй Империи, в его исследованиях о восточных верованиях и сектах; сама Блаватская пользовалась его трудами, когда работала над «Изидой без покрывал» (1877). Vril был понят как значительный резервуар (источник) энергии в человеческом организме, недоступный непосвященным. Считалось, что овладевший силами Vril, подобно расе Vril-ya у Булвер-Литтона, приобретает власть над всем миром.

Вилли Лей, эмигрировавший в Соединенные Штаты в 1935, после краткой карьеры инженера по ракетной технике в Германии, написал краткое изложение своих псевдонаучных идей, которое встретило известное одоб-

рение в Третьем Рейхе. Помимо Теории Мирового Льда и Доктрины Полой Земли, уже известных нацистским патронам, Лей сообщил о берлинской секте, занимавшейся медитативными практиками, направленными на освоение секретов Vril.

Луис Пауэллс и Жак Бергьер цитировали эту статью в своем «Утре магов» (1960), вторая часть которого посвящена Третьему Рейху и имеет впечатляющий заголовок «Несколько лет абсолютно иного». Они преувеличили значение берлинской секты для того, чтобы доказать, что нацистские лидеры были вынуждены установить контакт с всемогущей подземной теократией и потому пытались больше узнать о их власти. Предполагалось, что эта власть могла позволить Германии завоевать весь мир и устроить человеческую жизнь в соответствии с собственным миллениаристским видением.

Мы должны заключить союз с Мастером Мира или Королем Ужаса, который правит тайным городом где-то на Востоке. Те, кто подпишут этот пакт, смогут преобразить Землю, человеческая жизнь приобретет новый смысл на тысячи лет... Мир изменится: Боги встанут из центра Земли. Если мы не войдем в союз с ними и сами не станем Богами, мы найдем себя среди рабов, в навозной куче, которая будет питать корни повсюду возникающих новых городов.

Пауэллс и Бергьер утверждают, что Гитлер и его окружение верили в такие идеи. В их обзоре берлинская секта известна как Общество Vril или Luminous Ложа (может быть, искаженное Lumenclub в Вене) и обладает статусом важной нацистской организации. Они цитируют некоего французского психиатра о том, что «реальной целью Гитлера было осуществление акта творения, бо-

жественной операции... биологическая мутация, которая в результате могла бы бесконечно возвысить человеческую расу и породить «призрак новой расы героев — полубогов, полулюдей». Таким образом, предполагалось, что расизм был связан с оккультной мифологией Восточных теократий и силами Vril, что определил тысячелетний образ нацистского будущего.

Мифологический образ воображаемых намерений нацистов подтверждается красочными рассказами об Обществе Туле и некоторых его членах. Пауэлл и Бергьер особенно выделяли двух персонажей, ссылаясь на них как на оккультных наставников Гитлера в Мюнхене в начале 1920-х. Дитрих Эккарт (1868-1923) — völkisch сценарист и журналист крайне антисемитических взглядов, был выдающейся фигурой в националистических кругах Мюнхена. Известно также, что он посещал собрания Общества Туле. Исследователи соглашались в том, что Эккарт не только придал силу и направление возникающему антисемитизму Гитлера после войны, но также ввел молодого партийного лидера в финансовые и другие влиятельные социальные круги. Вторым персонажем был Карл Хаузхофер (1869-1946), который служил военным атташе в Японии и всю жизнь восхищался восточной культурой. После Первой Мировой войны Хаузхофер начал свою академическую карьеру в сфере политической географии, занял кафедру геополитики в Университете Мюнхена, где Рудольф Гесс был его ассистентом. На Гитлера произвели глубокое впечатление идеи Хаузхофера, переданные ему сэром Хальфордом Маккиндером; смысл их состоял в том, что земли Восточной Европы и России должны распространить свое влияние на весь мир.

В соответствии с Пауэллом и Бергьером влияние двух

этих людей на Гитлера связывалось, главным образом, в передаче тайного знания, полученного ими от неизвестных сил через контакт с Обществом Туле и другими группами. Роль Эккарта как оккультного советника прямо отсылает к «невидимым иерархиям».

Туле мыслилась как магический центр исчезнувшей цивилизации. Эккерт и его друзья были уверены, что не все тайны Туле погибли. Существовало промежуточное звено между человеком и разумными трансцендентными существами, к нему имели доступ посвященные (т. е. члены Общества Туле), оно представляло собой источник сил, которые могли позволить Германии овладеть миром... лидеры Туле должны были быть людьми, знающими все, черпающими из основного источника энергии и ведомыми Великими Древнего Мира. Таковы были мифы, на которые опирались доктрины Эккарта и Розенберга и при помощи которых эти пророки разогревали медиумический ум Гитлера. Общество Туле вскоре стало инструментом изменения самой природы реальности... под влиянием Карла Хаузхофера группа приобрела свой подлинный характер как сообщество посвященных, сотрудничающих с Невидимым и стала магическим центром нацистского движения.

В этом изобретательном отчете утверждалось также, что Хаузхофер был членом Светящейся Ложи, тайного буддистского общества в Японии и Общества Туле. Отнюдь не как геополитик, но как ученик Восточных мистерий Хаузхофер провозглашал необходимость «возвращения к истокам» человеческой расы в Центральной Азии. Он отстаивал нацистскую колонизацию этой области для того, чтобы Германия могла достигнуть тайных центров власти на Востоке. Следствием этой связи

с «неизвестными владыками» выступало утверждение, что Общество Туле являлось тайным агентом, воздействующим на Третий Рейх. Это утверждение и все сопровождающие его детали абсолютно ложны. Общество Туле распалось около 1925 года, когда его перестали поддерживать. Тогда как Эккарт и Розенберг никогда не были чем-то большим, чем просто гостями Туле в ее лучшие дни и нет никаких доказательств связи Хаузхофера с этой группой.

Образ Общества Туле в дальнейшем был искажен Дитрихом Брондером в его книге *Bevor Hitler Kam* (1964). Брондер сообщает, что Хаузхофер встречался с Георгием Ивановичем Гурджиевым, кавказским магом и волшебником, по меньшей мере три раза между 1903 и 1908 гг. на Тибете. Общество Туле, якобы, возобновило контакты с тайными монастырскими орденами Тибета через маленькую колонию тибетских буддистов, возникшую в Берлине в 1928; Экспедиция СС должна была отправиться на Тибет для того, чтобы проложить прямую радиосвязь между Третьим Рейхом и ламами в 1939.

«Стансы Дзэн» должны были использоваться ими в качестве кода для передачи сообщений между Берлином и Лхаса во время войны. Брондер завершил свое описание в той же мере неподлинным списком членов Туле, куда входили: Зеботтендорф, Гвидо фон Лист, Ланц фон Либенфельс, Муссолини, Гитлер, Гесс, Геринг, Гиммлер, Франк и Хаузхофер. В целом история Брондера настаивала на существовании сверхъестественной диаволической связи между нацистской партией и теософами Тибета. Следует отметить, что эта работа была первой шифрованной историей, обратившейся к ариософам. Подобные описания нацистского сатанизма, чудес Общества Vrill, злоупотреблений Хаузхофера вскоре повторились у Вер-

нера Герсона, *Le nazisme, société secrète* (1969), Элизабет Антеби, *Ave Lucifer* (1970), Жан-Клода Фреп, *Nazisme et société secrète* (1974), Бреннана, *Occult Reich* (1974).

Изложенные мистификации могут быть связаны с теософскими идеями, но существовали и другие мифологические источники для этой псевдо-истории. Тревор Равенскрофт, например, связывает нацизм с антропософией. Несколько лет спустя после Второй Мировой войны Равенскрофт встретил Вальтера Йоханнеса Штайна (1891-1957), австрийского еврея, в 1933 году эмигрировавшего из Германии в Британию. Незадолго до установления Третьего Рейха Штайн учился в вальдорфской школе в Штутгарте, организованной в соответствии с антропософскими принципами Рудольфа Штайнера. Во время своего пребывания там Штайн написал любопытную и грамотную книгу, *Weltgeschichte im Lichte des Heiligen Gral* (1928), которая опиралась на антропософскую интерпретацию средневековой литературы и истории. Штайн доказывал, что роман о Чаше Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль» (1200) написан по реальным историческим событиям девятого века и что вымышленные характеры соответствуют реальным людям, жившим в империи Каролингов. Например, король Грааля Анфортас был известен как король Карл Лысый, внук Шарлеманя; Кундри, колдунья и посланница Грааля носила имя Рисильды Злой; самим Парсифалем был Luitward of Vercelli канцлер при дворе франков; Клингзор, злой волшебник и владелец Замка Чудес был тем же лицом, что и Ландульф II из Капуи, человек дурной репутации, которую он заслужил своими связями с темными исламскими силами на оккупированной арабами Сицилии. Бой между христианскими рыцарями и их противниками должен был быть понят как аллегория продолжающейся борьбы за обладание Священным Копьем, предположительно протыкавшим Христа на распятии.

Равенскрофт свою оккультную версию нацизма основывал на работе Штайна. В «Копье судьбы» (1972) он рассказывает о том, как молодой студент Штайн разыскал в оккультной книжной лавке старого квартала Вены экземпляр «Парсифаля» (1912). Эта книга содержала в себе многочисленные пометки и комментарии к тексту, интерпретирующие эпическую поэму как испытание посвященных, открывающее им путь к достижению трансцендентных вершин сознания. Интерпретация сопровождалась множеством цитат из восточных религий, алхимию, астрологию и мистицизм. Штайн также отметил, что через весь комментарий проходит тема расовой ненависти и пангерманского фанатизма. Имя, написанное на внутренней стороне книжной обложки, указывало на то, что ее прежним владельцем был Адольф Гитлер. Любопытство Штайна было сильно возбуждено и он вернулся в лавку для того, чтобы расспросить ее хозяина о человеке по имени Гитлер. Эрнст Прецше сообщил Штайну, что Гитлер прилежно занимается изучением оккультных наук и дал ему его адрес. Штайн разыскал Гитлера. В ходе их частых встреч в конце 1912 и начале 1913 Штайн понял, что Гитлер верит в то, что Священное Копье наделяет его обладателя неограниченной властью, способной и к хорошему, и к дурному. Его предшественниками владельцами были Константин Великий, Карл Смелый, Генри Птицелов, Отто Великий, император Гогенштауфен. Как собственность габсбургской династии Копье хранится в Хофбурге, в Вене. Гитлер также стремился к обладанию Копьем для того, чтобы поддержать свои претензии на мировое господство. Равенскрофт также включил в свою сенсационную историю сообщение о том, что Гитлер ускорял свое оккультное развитие употреблением галлюциногенной пейоты, с которой его познакомил Прецше, работавший до 1892 помощником аптекаря в немецкой колонии в

Мехико.

Равенскрофт воссоздает в той же мере фантастическую социальную сеть людей, занимавшихся оккультными науками в Мюнхене. Дитрих Эккарт описан им как оккультист, отправившийся в Сицилию в поисках Замка Ландульфа II в Кальтабеллотте, где предполагаемый прообраз Клингзора исполнял сатанические ритуалы арабской астрологической магии, — они должны были изгнать христиан из Южной Европы. Ландульф вызывал духов тьмы, посредством пыток и принесения в жертву людей; Равенскрофт предполагал, что Общество Туле под руководством Эккарта исполняло аналогичные ритуалы над евреями и коммунистами, которые необъяснимо исчезали в Мюнхене в первые годы Республики. Равенскрофт пополнил перечень персонажей нацизма такой фигурой как Алистер Кроули (1875-1947), английский волшебник, учредивший свое странное аббатство Телема в Целафу в 1921. Кроули также якобы охотился за ключами Кальтабеллотты, а Эккарт в это время изучал гностическую секс-магию Кроули и ее символические взаимосвязи с сатаническими опытами Ландульфа. Эта путаница связей между оккультизмом XX века и Сицилией IX увенчалась утверждением, что Гитлер считал себя воплощением Клингзора-Ландульфа (реинкарнацией). Равенскрофт приходит к выводу, что Эккарт и Хаузхофер посвятили Гитлера в черные ритуалы для того, чтобы войти в контакт со злыми силами:

Дитрих Эккарт решил развить в астральном теле Гитлера центры, ответственные за выход в макрокосм и контакт с силами тьмы... используя его воспоминания о прошлом воплощении в качестве Ландульфа из Капуи в IX веке... посредством «Тайной доктрины» Хаузхофер намеревался расширить

временное сознание Гитлера и заставить его осознать законы Царства Люцифера, действующие в нем потому, что он принадлежал его власти и должен был стать машиной осуществления злых намерений в двадцатом веке.

Центры астрального тела, выход в макрокосм, Царство Люцифера и его проявления в антихристе, — все это концепты, пришедшие из антропософии. Здесь ясно видно как Равенскрофт при помощи доктрин Рудольфа Штайнера и Вальтера Иоханнеса Штайна пытается создать мифологию оккультного нацизма. Он также прибегал к спиритизму в своих неправдоподобных отчетах о деятельности Общества Туле. Он рассказывает о непристойных сеансах с обнаженными медиумами, на которых присутствовали Эккарт, Розенберг и Зеботтендорф и при помощи которых они пытались войти в контакт с душами убитых заложников Туле. Принц фон Терн-и-Таксис и Хейла фон Вестарп сообщали из могилы, что следующим претендентом на обладание Священным Копьем должен быть Гитлер, он должен возглавить Германию в решительной борьбе за мировое господство.

Не так давно криптоисторики открыли для себя ариософию. Ее тайная иерархия и оккультный гнозис удовлетворили всем необходимым критериям магической модели национал-социализма. После того как Брондер включил Листа в Общество Туле, Равенскрофт начал эксплуатировать его как оккультного наставника Гитлера. Штайн рассказывает о том, что в полутемном помещении книжной лавки Прецше он видел групповую фотографию, на которой рядом с Прецше стоял Гвидо фон Лист.

В соответствии со Штайном, Гвидо фон Лист был неизвестным основателем тайной ложи, избличенной венской прессой как «кровавое братство» за их ритуалы, включающие в себя сексуальные извращения и процедуры

средневековой черной магии. Будучи изобличен в 1909, Лист вынужден был бежать из Вены, поскольку опасался суда разъяренных католиков. Равенскрофт предполагал, что и Прецше, и Адольф Гитлер были связаны с ложей Листа «Если верить Гитлеру, Прецше присутствовал при попытках Листа материализовать Инкуба в ритуальных процедурах создания „ребенка Луны“».

Но не существует ни малейших доказательств действительного проведения этих ритуалов. Лист не стоял перед необходимостью бежать из Вены, а, напротив, пользовался покровительством известных в Вене людей. Ритуалы, описанные Равенскрофтом, особенно порождение «ребенка Луны», спровоцированы воображением Алистера Кроули. Следует также добавить, что человек по имени Прецше нигде не числится как живший в Вене между 1890 и 1920, это имя также не присутствует в списке членов Общества Листа. Вымышленная природа всего эпизода вокруг аннотированной копии «Парсифаля» подтверждается также подозрительным сходством книжной лавки Прецше с аналогичной лавкой, описанной в романе сэра Эдварда Булвер-Литтона «Занони» (1842), который возможно и послужил Равенскрофту литературной моделью.

Дебют Ланца фон Либенфельса в этой мифологической истории состоялся благодаря работе Мишель-Жан Анжеберт, *Les mystiques du soleil* (1971). В ней предполагается, что в 1898 молодой Гитлер подвергся влиянию послушника из Хейлигенкрейц. Происхождение этой идеи связано с хоровой школой при монастыре Ламбаха, куда Гитлер ходил учиться пению с июля 1897 по январь 1899. В 1898 в монастырь Ламбаха прибыл Ланц и провел несколько недель в частной библиотеке Теодериха Хагна, бывшего аббата. Причина его интереса к этим книгам — в характере увлечений аббата; он глубоко изучал астрологию и оккультные науки. Между 1856 и 1868 ездил

на Средний Восток и Кавказ в поисках тайного знания. Анжеберт также приписывает Хагну выбор свастики в качестве символа, указывающего на восточные источники вдохновения. Геральдическая свастика, действительно, была выбита над воротами монастыря. Фрер повторил эту историю, настаивая на том, что Ланц долгие месяцы оставался в библиотеке, «лишь изредка выходя для скудной пищи, ни с кем не разговаривал и выглядел крайне возбужденным, производя впечатление человека, находящегося во власти поразительного открытия». Возможная встреча между Ланцем и Гитлером осталась недоказанной.

Этот эпизод также принадлежит воображению автора. Во-первых, Хагн не совершал путешествий, а его герб традиционно использовался его семьей и происходил от имени: *Naiken* означает «крюк» и эмблема свастики в данном случае была просто искривленным крестом. Тем не менее миф о свастике Ламбаха ходил уже в Третьем Рейхе. Расхожие художники изображали безвкусные пастиши на известную картину о Св. Франциске, принимающем мучения; на этих картинках юный Адольф изображался стоящим на коленях перед воротами аббатства и простирающим руки к геральдической свастике над ними, от свастики исходили лучи. Эта картинка широко ходила, распечатанная по типу маленьких икон. Идеи, касающиеся ранней встречи между Ланцем и Гитлером и полагаемого его детского преклонения перед свастикой служат доказательством особого рвения, с которым криптоисторики пытаются установить связи с оккультным миром для ранней жизни будущего фюрера.

Книги, написанные об оккультном нацизме между 1960 и 1975 по большей части сенсационны и необоснованны. Большинство авторов совершенно невежественны

относительно первичных источников неточности и дикие заявления повторяются каждым новым неопитом этого жанра; появляются все новые «факты» и подробности деятельности могущественного Общества Туле, связей нацизма с Востоком и оккультного посвящения Гитлера. Но иногда, несмотря на приблизительность и абсурд, современная мифология нацистского оккультизма выходит за пределы только развлечения. Серьезные авторы проникают в эту возбуждающую сферу интеллектуальной истории: Эллик Хау, Дети Урании (1967, переизданная как Астрология и Третий Рейх, 1984) рассказывает историю личного астролога Гитлера; Джеймс Вебб посвящает главу «Магам Севера» в своих «Основаниях оккультизма» (1976). Сосредотачиваясь на практической роли оккультизма в политическом иррационализме, Вебб поднимает изучение нацистского оккультизма на высоту истории идей.

ИНФОРМАЦИЯ

=====

Этот текст отсканирован:

Александр Эрлих (Alexander Erlikh)

E-Mail: sasha@fbit.msk.su, 2:5020/468@fidonet Tel: 7 095 535 2222

Fax: 7 095 534 4832